НА ДНЕ ЗЕМЛИ

МИР МИНИМУМА • КНИГА ТРЕТЬЯ

ОЛЕГ ПАЛЕК

Олег Палёк

На дне Земли

«Автор»
2026

Палёк О. А.

На дне Земли / О. А. Палёк — «Автор», 2026

Купол марсианской Колонии тает, и без земных реакторов и нанопленки ей не выжить. За ними на старом земном корабле летят шестеро и находят Землю мертвой. Сушу съела серая слизь из взбесившихся нанитов, Москва ушла под воду, в верхних этажах башен ютятся речные общины, а под Лужниками живут киборги. Они встречают гостей теплом, сытостью и обещанием помочь. Им нужен корабль. Пилот, которого он слушается. И сто тысяч марсиан, в чьей крови нет ни одного нанита.Чтобы выбраться, марсианам придется растить на чужой земле то, что они привезли с собой. И решать, что делать, когда оно начнет расти само.Они привезли на Землю лекарство. Оно голодно.Третья книга цикла «Мир Минимума». Читается отдельно.

© Палёк О. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Annotation 5
Конец ознакомительного фрагмента. 77

О. Палёк
На дне Земли

Annotation

Купол над марсианской Колонией тает, и спасти город могут только земные технологии. На восстановленной «Новой надежде» к Земле летят шестеро: Пророк пустыни, который везет в себе колонию разумного гриба Субстрата; бывшая правительница, единственная, кого слушается корабль; бывший бессмертный; разведчица, не помнящая детства; инженер и девочка-навигатор.

Земля молчит сто лет. Сушу съели наниты, когда-то лечившие людей, — теперь их зовут просто «серое». Москва стоит по пояс в бурой воде. Голос, назвавший себя разумом планеты, приглашает гостей в теплые норы под Лужниками, кормит, лечит от земной тяжести и обещает все, за чем они прилетели. Нанопленку сварят через месяц. Потом еще через месяц.

Пока трое учатся улыбаться в золотой клетке, четвертая уходит по воде к людям, у которых первый закон — «чужое трогать — умереть». А на орбите инженер, подключившийся к чужой квантовой сети, начинает отвечать на вопросы раньше, чем их задают.

Чтобы выбраться, марсианам придется растить на чужой земле то, что они привезли с собой. И решать, что делать, когда оно начнет расти само.

Они привезли на Землю лекарство. Оно голодно.

Олег Палек На дне Земли
Краткое содержание предыдущих книг
На дне Марса
На дне пустыни
Предыстория этой книги
Том 1 Золотая клетка
Глава 1 Нить
Глава 2 Кладбище
Глава 3 Золотая клетка
Глава 4 Вода
Глава 5 Дичь
Глава 6 Шум
Глава 7 Игла
Глава 8 Изнанка
Глава 9 Заначка
Глава 10 Четверо
Глава 11 Серые куртки
Глава 12 Насос
Глава 13 Шумовой журнал
Глава 14 Приманка
Глава 15 Мокрые камни
Глава 16 Повезло
Глава 17 Отсрочка
Глава 18 Свои
Глава 19 Диктовка
Глава 20 Имущество

Глава 21 Угол
Глава 22 Проводы
Глава 23 Теплоузел
Глава 24 Створ
Глава 25 Счет
Глава 26 Колодец
Глава 27 Утопленник
Глава 28 Пряжка
Глава 29 С ноготь
Том 2 Белый берег
Глава 1 С ладонь
Глава 2 Факел
Глава 3 Гроздь
Глава 4 Менялы
Глава 5 Мель
Глава 6 Чужие лица
Глава 7 Мимо
Глава 8 Ватага
Глава 9 Белый берег
Глава 10 Вал
Глава 11 Качай, насос
Глава 12 Сдатчики
Глава 13 Задержка
Глава 14 Три нитки
Глава 15 Первая ложь
Глава 16 Тишина
Глава 17 Чужие
Глава 18 Шов
Глава 19 Промах
Глава 20 Сделанные
Глава 21 Лицо Нана
Глава 22 Сгорел
Глава 23 Близнецы
Глава 24 Я вернусь
Глава 25 Хор
Глава 26 По шву
Глава 27 Рыба
Глава 28 Держать имя
Глава 29 Химера
Глава 30 Двоих
Глава 31 В прошедшем времени
Глава 32 Грибы
Глава 33 Ключ
Глава 34 Бенефис Леты
Эпилог
Приложения
Краткая история Земли От нанов к киборгам
Река. Кто где живет
Законы Заводи

Откровение Чипки
Гимн Белых Братьев

Олег Палек На дне Земли

Мир Минимума 3

Нитка, втрое скрученная, нескоро порвется.Екклесиаст, 4:12 Одно сильнее многого в расчете. Многое сильнее одного в мире. Откровение Чипки, 2:2

Краткое содержание предыдущих книг

«На дне Земли» — третья книга цикла «Мир Минимума». Если первые две вы читали, эту страницу можно пропустить.

На дне Марса

На Марсе живет земная Колония на дне каньона под изношенным куполом. Воздух, вода и еда выдаются по норме, связи с Землей нет. Правит Церковь, которая учит довольствоваться минимумом. За куполом, в пустыне, обитают бадавии, изгнанники, сросшиеся с грибным Симбионтом, а под песками дремлет Субстрат, древний разумный сверхорганизм, хозяин планеты задолго до людей.

Трое клириков Академии, Имба, Ликон и Чипка, связанные с подпольем, находят под городом криокапсулу и будят в ней Ладу, дочь землян, с даром телепатии. Бадавии узнают в ней Арасуль, посланницу из своих пророчеств. В пустыне находят разбившийся земной корабль «Надежда». После мятежа Лада получает власть над Колонией, Ликон мстит убийце своего отца, Чипка узнает тайну Голоса Бога, а Имба бежит в пустыню. Лада ждет от него ребенка.

На дне пустыни

Имба живет у бадавиев, находит отца, женится на бадавийке Ильсен по воле долга, и у них рождаются близнецы. Он узнает, что его мать Тару давно поглотил Субстрат и теперь говорит ее голосом. У Черного Цветка он заключает с Субстратом мир и становится Пророком. Лада правит все жестче и в конце концов учится убивать мыслью. Ликон становится вожаком Освободительной армии. Сын Имбы и Лады Варис растет неестественно быстро, говорит с Субстратом, отнимает у матери власть и дар и отдает правление общему Совету горожан и бадавиев. Чипка становится генералом Ордена Знания. Имба и Ликон, долго бывшие врагами, сходятся в смертельном поединке на башне Академии и мирятся.

Предыстория этой книги

Купол тает, и без земной нанопленки и реакторов Колонии не выжить. На «Новой надежде», поднятом из песков земном корабле, к Земле летят шестеро, не считая дюжины вахтенных. Имба везет в себе малую колонию Субстрата: это плата за то, что тот больше не тронет людей. Лада лишилась власти и дара, но только она может вести корабль. Ликон и шпион Лета наконец вместе. Чипка летит инженером, хотя оба оракула Колонии предсказали экспедиции гибель. Юная Лика, сестра Ликона, — навигатор. Между собой друзья зовут друг друга старыми прозвищами: Имба — Воин, Ликон — Жрец, Чипка — Умник.

Том 1 Золотая клетка

Глава 1 Нить

Ночь на «Новой надежде» была уговором. Гасили верхний свет, вдоль пола пускали тусклую дежурную жилу цвета остывающего металла, и корабль делал вид, что спит. Имба бодрствовал и шел на корму вдоль этой жилы. Идти было незачем, просто тело не умело лежать смирно там, где раньше его держал Субстрат.

Он привычно потянулся чутьем в переборки. Раньше корабль отзывался весь: теплые гифы в стенах, дыхание спящих через два отсека, ровный, хотя и чужой пульс Субстрата, к которому можно было прислониться и не думать. Теперь отзывалась только одна тонкая нить на пределе слуха. Без нити он был просто человек в холодном коридоре, у которого ноют кости и который оставил двоих сыновей на планете, куда уже, наверное, не вернется. Троих, если считать честно. Но Вариса считать ребенком не получалось. Вся их спасательная миссия висела на Субстрате, которого тот запрограммировал.

Висело на нем и другое. Земля тяжелее Марса в два с половиной раза, и на Земле их собственный вес должен был лечь им на плечи вторым человеком. Весь полет они глотали таблетки и часами потели на тренажерах, и все равно знали, что этого мало. Остальное должен был вытянуть Субстрат.

Отсек Субстрата держали в тепле и полумраке. Контейнер стоял в центре, оплетенный собственным приростом; бадавии на Марсе называли это ракой с мощами, экипаж — заразой. Имба положил ладонь на теплый бок. Здесь нить звучала громче, Субстрат узнавал его и тянулся навстречу. За месяцы полета он вырос, дал первые побеги, начал возвращать им по крохам то, что они потеряли на Марсе.

Он стоял так, пока не заметил, что дышать стало труднее. Дежурная жила моргнула раз, другой и залила отсек кровавым отсветом. Где-то в носу корабля тонко и терпеливо завелся сигнал. Вдох вышел чуть глубже обычного, чуть жаднее, и все равно не хватило. Он высунул язык и попробовал состав. Кислород упал до восемнадцати процентов, углекислота подпрыгнула до восьми.

Бежать было некуда, да и незачем: беда обитала рядом. По привычке он потянулся к контейнеру, чтобы нащупать через него корабль. Нить не пустила. В глубине, там, куда Имба привык входить хозяином, двигалось что-то еще, холодное и медленное. И оно сопротивлялось. Впервые за весь полет Имба был в Субстрате не один, и второй чувствовал себя здесь как дома.

Динамик над дверью щелкнул, захрипел и проглотил половину слова. На мостике опять лупили по тумблеру. Загорелись аварийные лампы, отбрасывая багрянец на стены.

— …ба, ты там, у контейнера? — Голос у Лики был ровный до неуместности. Семь марсианских лет, и ни капли страха; она не под Субстратом, подумал Имба некстати, ей нечего терять из головы. — Тут кислород падает. И реактор чего-то сбрасывает, я не знаю почему, у меня вся панель мигает. Чипка пошел к тебе.

— Уже в курсе, — ответил он сипло. — Это Субстрат чудит.

— С ним-то что? — В динамике щелкнуло, Лика, видно, опять полезла к тумблеру. — Он же вроде спит.

— Теперь я в этом не уверен, — пробормотал Имба.

Он снова вошел в нить, осторожно, как ступал когда-то в песках на слишком гладкое место, под которым могла скрываться химера. Прежде Субстрат был картой: тронешь, и виден весь корабль, каждая жила, каждый насос. Теперь карту перерисовали. Поросль за месяц разрослась не тонкими венами вдоль воздуховодов, как он вел ее сам, а комками, узлами, глухими муфтами вокруг горловин, где корабль дышал. И все стягивалось к контейнеру, к тому холодному в глубине, что направляло разрастание.

Дверь отъехала. Вошел Чипка, уткнувшись в гибкую пластину.

— Реактор в порядке, — бросил он вместо приветствия. — Плазму держит, квантовый комп рулит, все ровно. Он глушится сам, потому что контуры охлаждения перегрелись, короче. — Он поднял глаза, нашел ладонь Имбы на контейнере, и что-то в его лице сместилось. — Контуры забиты органикой. Скрубберы туда же. Оно… ну, обросло все, Имба. Воздуха должно хватать. Но твой Субстрат его жрет и назад не отдает.

— Он не мой, — отрезал Имба. — Сколько раз повторять.

Чипка посмотрел на него еще секунду и опять уткнулся в пластину.

— Такими темпами у нас остался час. Может, полтора. Потом придется ходить в масках. Но это не спасет от проблем с пространством, скоро эта плесень забьет все. И потом, чем он питается? Тот корм, что ты захватил с Марса, уже закончился. И я думаю, скоро он возьмется за нас.

Пришли все шестеро, и в отсеке стало не повернуться. Багрянец делал лица чужими, скуластыми и злыми. Лада вошла последней и встала так, чтобы видеть всех. От ее дара остались крохи — она чуяла, кто в отсеке боится, но сделать с этим страхом ничего уже не могла.

— Раз эта зараза нас душит, — начала она, — значит, кидаем ее за борт.

Никто не двинулся. Раньше на ее «значит» контейнер вынесли бы прежде, чем она договорила. По лицу Лады прошла короткая злая тень и пропала.

— Шлюз в двух переборках, — заметил Ликон. Он привалился к стене и часто дышал ртом. На Марсе он отращивал руки и вставал без ног; смертным он стал недавно и дышать экономно еще не научился. — Крепеж срубить… и в тамбур его. Стравить. Десять минут, и дышим нормально.

— И чем мы будем сеять Субстрат на Земле? — спросил Имба.

— Тем, что в нас. Его на всю Солнечную систему хватит, ты сам твердил. — Ликон вдохнул, не добрал, вдохнул снова. — Или ты без него ноль без палочки и потому защищаешь?

Лета отвела глаза. Лада промолчала.

— Контуры уже забиты, — возразил Имба. — Выкинешь контейнер — гниль в трубах останется. Так, Чипка?

Чипка поднял палец — погоди, — дочитал что-то в пластине.

— Так, да. Выброс уберет источник, а что он уже нарастил, то останется. Умрем чуть медленнее.

— Дайте мне в него войти, — сказал Имба. — Целиком, а не краем.

— Не сможешь, — возразила Лада. — Ты же сам на нем сидишь. Тебя на Марсе целый Субстрат держал, а тут его на одну кокотницу.

— Меня на Марсе держала мать, — возразил он. — Она, между прочим, грибы не ела.

Он не собирался этого говорить. Пояснений никто не спросил: все помнили, чем была под конец его мать — голосом Субстрата, который ждал его повсюду. Тогда он входил в огромную чужую силу не один. Теперь сила была своя, крошечная, и в ней сидело что-то, чего он еще ни разу не пробовал согнуть в одиночку.

Ликон оттолкнулся от стены и сказал:

— Я к шлюзу. Не справишься — выкину тебя вместе с контейнером, хоть остальные перед смертью подышат. — Он сглотнул, воздуха опять не хватило. — Полчаса у тебя.

Внутри было плотно. Субстрат обступил его сразу, со всех сторон, и это было почти облегчением. Побеги узнавали ладони и подставлялись — веди. Он и повел, собрал нить, какая была, и пустил вдоль забитых горловин, гнать органику прочь от воздуховодов. Субстрат послушался охотно, и Имба на один вдох поверил, что достаточно было попросить. Потом он уткнулся в то, что ждало в самой сердцевине, где грибница была старше. Сгусток внимания.

Оно медленно повернулось к нему всей холодной массой и стало оценивать, сколько сил в противнике.

«Кто ты?» — беззвучно спросил Имба. Ответа словами не было, было узнавание. Он знал эту хватку, этот медленный терпеливый расчет. Так с ним однажды на Марсе разговаривал маленький мальчик с недетскими глазами и взрослыми суждениями. Варис. Контейнер перед вылетом паковал он. Сын, заговоривший с Субстратом раньше, чем научился ходить, оставил в нем сторожа, может, и не по своей воле.

Он надавил. Мышц тут не было, давил он злостью и памятью, как когда-то согнул целый Субстрат и не согнулся сам. Оно подалось. Имба чувствовал, что не сломалось, как в бою чувствовал, убит противник или только оглушен. Убрало руки с поросли, свернулось и ушло вглубь, куда нить уже не доставала. Затаилось.

Думать о том, надолго ли, было некогда, дышать нечем, и Имба взял то, ради чего влез: пустую, послушную, наконец-то свою поросль. Он повел ее как надо, прочь от горловин и контуров, тонкой сетью вдоль воздуховодов. И приказал делать то, ради чего этот гриб вообще стоило везти: дышать за них. В глухих узлах лопались кислородные камеры, и Субстрат, вместо того чтобы есть воздух, начал его выдыхать — щедро, разом, будто обрадовался, что снова понятно, чего от него хотят.

Имба открыл глаза оттого, что рядом кто-то громко, взахлеб, некрасиво задышал. Багрянец сменился ровным светом. Ликон стоял у шлюза, все еще держа руку на рычаге, и дышал, дышал, не в силах остановиться, и по щекам у него текло, и он этого не замечал. Лика у переборки читала цифры вслух, и голос у нее впервые за час дрогнул: кислород шел вверх.

На боку контейнера, где только что лежали ладони Имбы, набухал побег. На глазах раскрылся гроздью, и по отсеку пошел запах: теплый, хлебный, с кислинкой прелого теста. Субстрат предлагал им еще и еду, клал перед ними взятку, чтоб простили.

Никто не потянулся первым. Все смотрели на гроздь и на Имбу, стоявшего на коленях, и никто не смотрел ему в глаза. Лада нашлась первой. Подошла, отломила, пожевала и кивнула.

— Можно есть, — сказала она. И тише, одному Имбе, наклонившись: — Спасибо.

— Благодарить еще рано, — ответил Имба так же тихо. — Там Варис. — И громче, для всех: — Надо еще разобраться, откуда он берет эту еду.

— Из света, воды и углекислого газа, — ответил Чипка. — Он как лишайник.

Глава 2 Кладбище

Землю Лада знала хорошо. До Голодной революции на Марсе хватало карт. Земля была для нее обещанием, ради которого она терпела Марс. Теперь же она стояла у обзора одна. Остальные разбрелись отсыпаться после аврала, ушел и Имба, оставив на холодном стекле тускнеющий отпечаток ладони. Она находила глазом места, где по картам должны были гореть города: вот изгиб большой реки, вот залив. Между разливами лежали серые, выеденные до кости пятна, которых не было ни на одной карте. «Новая надежда» слушалась ее и здесь. Ладе не нужно было касаться пультов. Искра, вшитая в нее вместо памяти, тянулась к квантовому сердцу корабля напрямую, и корабль держал орбиту по ее невысказанному желанию, покорнее людей. Это у нее осталось, когда ушло почти все. Лада положила ладонь туда, где остывал след чужой руки.

За спиной послышались шаги, и она потянулась узнать, кто. Раньше это было легче, чем обернуться: стоило приоткрыться, и человек ложился в сознание весь, с именем, с ложью на языке, с тем, что ел с утра. Церковью она правила прикосновением и разучилась смотреть на лица. Теперь дар уходил с каждым днем пути, как уходила сила из рук Имбы. Лада всю жизнь считала его своим, от сыворотки детства, а выходило, что держался он на том же, на чем держатся бадавии в марсианском воздухе. Ломка у всех отняла свое: у Имбы силу в руках, у

Ликона бессмертие, у нее знание чужих мыслей. Но те и раньше жили в своих телах, а Лада последние годы жила в чужих головах.

— Кто там? — спросила она резче, чем хотела.

— Я это, я. — Имба вошел в круг тусклого света, и она обернулась.

Пришлось смотреть глазами. Глаза показали то, чего мысль не показывала никогда: одно плечо он держит выше, бережет после контейнера; под скулами серая тень. И то, как он на нее смотрит. Так он смотрел до Церкви, до ее сана, до того, как между ними встал их общий странный сын. Тогда они были молоды и никому не интересны, и только тогда ее любили просто так. Она думала, что забыла это чувство.

— Земля мертвая, — сказала она, чтобы сказать хоть что-то.

— Вижу. Чипка второй виток от экранов не отходит, рассказал. — Имба встал рядом. — Ты так мечтала о ней… Тебе хуже. Нам-то это просто ссылка.

— Собери всех на мостик, — сказала она. Приказ повис без веса, и она добавила слово, которое Верховный Жрец давно вычеркнул из своего лексикона: — Пожалуйста.

Сигнал нашла Лика. Она сидела у связи, поджав под себя ногу, и первой заметила на мертвой полосе живую царапину. От скуки она дала имена шумам эфира. Ползучий свист звала «сверчком», низкий гул — «дедом». Они тянули свое по расписанию, мертвые и предсказуемые. А это было живое, незнакомое, и она выпрямилась в кресле.

— Ой. Тут что-то есть, — пробормотала она. — Радио. Слабенькое, рвется все время, но не эхо, я проверила. Вот отсюда. — Она ткнула пальцем в метку на карте затопленного города.

— Ну, может, спутники? — спросил Чипка, не отрываясь от приборов. — Старые какие-нибудь, на автомате. Им же ничего не делается, висят себе и пищат.

— Какие спутники, я третьи сутки слушаю. Ни одной живой железки ни вверху, ни внизу.

— Отвечай, — приказала Лада. — Только сама ничего не говори, узнаем, кто это.

Лика открыла канал. Треск, шорох пустоты, и, помедлив, в этот шорох вошел голос. Он говорил на старом английском, которому учили в Церкви, только чище, без марсианской осыпи в согласных. Лада слушала, и по коже у нее шел холод. Голос назвал себя разумом планеты, единственным, кто еще держит здесь порядок. Сказал, что видел их на орбите и рад гостям. Спускаться им следует только к нему, к источнику сигнала, потому что все остальное внизу — смерть.

— Поверхность заражена, — вещал голос ласково. — Наниты. Сядете вслепую, в стороне от нас, — вас разберут на части прежде, чем поймете, что дышите не воздухом. Мы единственная защита на этой планете. Идите на наш сигнал.

Ликон присвистнул было и осекся, голос говорил дальше. Когда-то, сказал он, здесь был хаос; мир пожирал сам себя, и некому было навести порядок — кроме них. Они удержали, что смогли. Провели черту, за которую зараза не заходит, и держат ее которое поколение. Наниты еще не покорены, но будут, это вопрос времени. Планетой снова управляют, и гостям нечего бояться, если они придут к тем, в чьих руках порядок. Все прочее внизу — остаточный шум, не стоящий внимания.

Лада слушала и складывала, чутье стратега ломка у нее не отняла. Если черту держат «которое поколение», а победа все еще «вопрос времени», значит, дело стоит на месте. А «остаточный шум» помянут слишком нарочно. Она отложила это про запас. А вот наниты… Это слово Лада знала по старым хроникам Церкви, еще до Сытой революции, и там оно означало чудо. Крохотные машины из молекулярных механизмов, из них XXII век лепил свой рай: печатали хлеб из воздуха, дома из мусора, выводили болезни из крови, отменили смерть. Когда настало это благоденствие, на Марс прекратился поток переселенцев, ее пращуров — дома и так было хорошо. А теперь спокойный голос называл чудо-машины заразой и звал под свою защиту.

Она взглянула на Имбу. Он стоял, склонив голову набок, но слушал внимательно.

— Что ты думаешь об этом? — одними губами спросила Лада.

— Он не дышит, — так же тихо ответил Имба. — Говорит и не дышит. — Помолчал. — Я такое уже слышал на Марсе.

Собрались на мостике. Кто-то пустил по кругу флягу; теплая вода отдавала прелым тестом, как вчерашняя гроздь. Теперь этим отдавало все: воздух, вода, кожа под утро.

— Ну хоть не за борт, — буркнул Ликон. — А то я уж с ужином попрощался.

— Идем на сигнал, — решительно сказала Лада. — Вслепую садиться — смерть, тут он, может, и не врет. А другого живого места внизу мы не знаем.

— Оно не живое, — возразил Имба. — Ты же слышала. Там никто не дышит.

— Где радио, там и руки, — ответила она. — Пусть даже не дышат. Остального мы не знаем. Я вас не для того сюда тащила, чтобы нас сожрал первый же серый пустырь.

— Там еще тяжесть, — возразил Чипка. — Два с половиной веса. Таблетки с костюмами вас подготовили процентов на сорок, остальное — если Субстрат вытянет. А если не вытянет, лучше лежать там, где кто-то может поднять.

Ликон кивнул первым, он навоевался достаточно, чтобы уважать твердую землю. Чипка тоже, у сигнала была техника, реакторы, нанопленка, запчасти, ради которых летели. Лика кивнула, потому что кивнул Чипка. Им двоим все равно оставаться наверху: Субстрата в них не было, и сердце бы заглохло в первые минуты после приземления. Если не раньше, при торможении.

Лета стояла в стороне, у переборки, и молчала. Смотрела мимо командира, мимо карты, куда-то вниз, сквозь палубу.

— Ты не согласна, — заключила Лада. — Ну так говори, не молчи.

— Садиться к нему — да, согласна. — Лета подняла глаза. — Я про другое. Он говорит, что он один разумный на всю планету. Врет. Сигнал, который мы поймали на Марсе, шел не от него: передатчик слабый. И он ни о чем не просит. А тот звал на помощь. Звали люди, не эти… которые не дышат. Кто держит порядок на всей планете, тот на помощь не зовет. — Она нахмурилась. — А теперь те, кто звал, молчат. Я хочу знать, кого он прячет.

Лета была шпионом, ее выучили внимательно слушать и делать выводы. Лада же просто брала людей за горло изнутри, эта способность ушла вместе с Субстратом.

— Ты ведь пойдешь их искать, — вздохнула Лада.

— Если понадобится, то конечно. — Лета пожала плечами. — Кто-то же должен.

Ликон отклеился от стены и встал ближе к Лете. Три года они бегали друг от друга, но на корабле для этих игр было слишком мало места.

— Садимся вместе, — решила Лада. — Что будет на земле, решим на земле. Но вниз идем одной группой, и по одному никто не бегает.

Сказала она это Лете, а думала об Имбе. Он весь спор простоял у ее правого плеча, и она ни разу не отодвинулась.

Челнок ждал в доке, остывший и слепой. Внутри пахло холодным металлом и по́том прежних учений. Рассаживались молча, крепеж проверяли по два раза. За обзором поворачивалась Земля, подставляя дневной край, серый до горизонта. При свете он был страшнее, чем в темноте. Лада отдала кораблю беззвучное распоряжение, и «Новая надежда», послушная ее искре, дала старт челноку.

Сначала была муть, рыжая взвесь в верхних слоях. Потом муть разошлась, и открылась вода. Много воды, бурой, стоячей, с торчащими из нее черными ребрами. Дома. Целый лес утонувших башен, голые остовы, а между ними, где когда-то шли улицы, ходили тусклые волны.

Выше воды, по редким сухим гребням, лежало серое, ровное, матовое, как слежавшийся пепел. От одного взгляда на него у Имбы свело живот.

— Садимся на сухое, — сказал Ликон. Он один выглядел почти прежним, жадно приник к стеклу, и в глазах у него был старый охотничий блеск, за который его любили и трижды хоронили. — Вон, полоса берега, у самой воды. А до нор, куда нас звали, метров триста, не больше.

— До нор, — повторила Лада ровно. — Хорошее слово…

Имба покосился на нее. Она сидела прямо, как сидела всегда, когда командовала, и смотрела в стекло на встающую из мути воду. Ему захотелось сказать ей что-нибудь; он не знал что. Он положил руку на подлокотник ее кресла так, чтобы, если захочет, было куда опереться. Она не отвела глаз от стекла, но руку не убрала.

Челнок клюнул, скрежетнул брюхом по твердому и встал. Двигатели смолкли. В тишине после рева спуска Имба впервые услышал Землю. За тонкой скорлупой люка плескала вода и что-то сухо шуршало.

Он вышел первым. Так было заведено с Марса, и никто не спорил: где неведомо — туда Пророк. Так говорилось и в катехизисе:

«Будет вам буря испытанием — и только Пророк проведет сквозь нее»

. Бури на Земле не было. Была вода. Земля приняла его ногу мягко и мокро, и тут же тело налилось тяжестью: колени подогнулись, сердце ударило в горло и застучало мелко и часто. Субстрат в костях дрогнул, но подпер. Он устоял.

Берег был из черного ила и битого камня, пахло гнилью, солью и чем-то сухим, минеральным, что тянуло с серых полей. Имба сглотнул, в горле першило. Над головой стояло белесое небо, затянутое серыми тучами без солнца. Бурая вода плескала у самых ног, мертвый город торчал из нее во все стороны. Туман скрывал перспективу.

Он опустился на одно колено и разжал кулак над илом. Из-под ногтей, из складок кожи, куда за месяцы полета въелся Субстрат, в черную влажную землю сошла едва видимая пыль. Споры. Он этого не решал, решало тело: закрепиться, пустить корни, чтобы под ногами был свой. Пыль легла в ил и пропала. Никто не заметил; Ликон смотрел на норы, Лада на воду. Только сам Имба на один удар сердца почувствовал, как на пределе его чахлого чутья чужая земля дрогнула, приняв

семя

.

Как только он поднялся, серые поля и пришли в движение. Сначала он подумал, что это ветер. На ближнем гребне, метрах в ста, серая корка вспучилась и пошла рябью. Потом рябь потекла вниз, к ним, к воде, не быстро, но и не останавливаясь. Вблизи стало видно, что это пыль и движется она сама.

— Назад. — Голос у Имбы сел. — Все в воду, к челноку.

Они побежали, насколько это можно было звать бегом. Ноги вязли в собственной тяжести, как в мокром песке, каждый шаг выдирали из земли силой. Одна Лета шла ровно, почти легко, и Имба отметил это краем сознания, не успев удивиться. Ликон сбросил с плеча рюкзак, но все равно бежал медленно. Лада поскользнулась на камне, Имба поймал ее за локоть, не глядя, дернул к себе.

И тут серое их настигло.

Оно шло по земле волной в ладонь высотой и жрало. Где серое накрыло брошенный рюкзак, ткань оседала и таяла, становясь той же пылью. Имба рванулся навстречу по старой памяти и потянулся за Субстратом, чтобы взять эту дрянь, спутать, остановить. Субстрат отозвался и не смог. Того, что в нем осталось после ломки, хватило бы придавить зверя, спутать человека.

У этого же не было ни воли, ни пульса, его просто было много, и сила Имбы легла на его край, как ладонь на прилив: накрыла пядь и утонула.

Серое добралось до Лады раньше. Тонкий язык взбежал ей на сапог, и там, где он лег, голенище поседело и поплыло. Лада коротко вскрикнула. Имба рванул ее к себе. Серое, лишившись добычи, вскинулось к его руке, и по тыльной стороне ладони прошло сухое, легкое прикосновение. Он отдернул руку. На коже осталась желтоватая полоса, она не болела. Имба зачем-то потер ее о штаны, но ничего не изменилось.

— Держись за меня, — прохрипел он Ладе, вдавив ее спиной в собственную грудь, пятясь к воде. — Не отпускай.

В склоне, там, где чернел провал старого тоннеля, что-то лязгнуло и разошлось, и навстречу серой волне вышли они. Первым шел высокий, в тусклой броне, слишком ровный в движениях для человека, с гладким спокойным лицом. У Имбы свело затылок. От идущего тянуло железом, которое научилось хотеть. Идущий шагнул в серую волну, и волна умерла. Он не бил и не жег, просто провел рукой, и серое перед ним опало безжизненной трухой. Он шел сквозь прилив, и прилив перед ним опадал, а за спиной смыкался уже мертвым.

В сером хаосе, слева, у полузатопленной стены, мелькнуло что-то живое. Тощая, гибкая фигура в буром тряпье метнулась меж обломков. Броненосный, не прерывая шага, повел рукой в ту сторону. От его руки к обломкам коротко хлестнуло что-то тонкое, гибкое. Движение оборвалось. Броненосный шел дальше, спокойный, радушный, и на лице его не отразилось ничего. Дичь, понял Имба.

— Вар, бережно, — кто-то сказал сзади, и Имба понял, что это имя бойца.

Серое отступало под ударами брони, гостей волокли к норам под руки, потому что сами они не прошли бы и половины. В тумане Имба увидел, как уходит Лета. Она бежала в другую сторону, низко, у самой воды, и ровнее любого из них. К бурой воде, за которой лежал утонувший город и те, живые, чью тощую тень только что смахнули с обломков. Она обернулась один раз и нашла его глазами. Имба молча кивнул.

— Где Лета? — Ликон рвался назад, упираясь в тянущие его руки брони, шаря глазами по дыму.

— Кто это? — Имба отвернулся.

Ликон замер и перестал упираться.

У входа серое кончалось разом, словно срезанное ножом. Дальше, кольцом вокруг створок, лежал черный пепел, шагов в двадцать шириной, ровный и голый: ни травинки, ни слизи. По краю стелился туман. Это была черта, про которую говорил голос с орбиты.

Их провели под землю, и створки за спиной сомкнулись. Мир сузился до теплого, сухого, тускло освещенного зева старого тоннеля, забранного броней, с гладкими стенами и ровным отфильтрованным воздухом. После мертвого берега здесь было почти уютно.

Их встречал тот, чей голос они слышали с орбиты. Теперь у голоса было тело, высокое, ладное, с почти человеческим приветливым лицом, и оно шагнуло навстречу, разведя руки. У Имбы снова свело затылок.

— Живы, — сказал он с теплым удовлетворением, оглядывая троих. — Все живы. Простите, что встретили вас так грубо; наверху иначе не бывает. Здесь вы в безопасности. Здесь порядок. — Он чуть склонил гладкую голову. — Меня называют Нан. Нан Третий. Вы — первые гости нашей планеты за долгое время. Вы даже не представляете, как вы для нас ценны. — Он задержал взгляд на том, как они стоят, привалившись друг к другу. — Земля для марсиан тяжела. Это поправимо.

Дальше их повели через низкую арку.

— Дезинфекция, — сказал Нан мягко. — Наверху к вам пристает всякое.

Под аркой по ним прокатился неприятно пахнущий туман. В тот же миг что-то пискнуло в стене, и один из встречавших замер, читая невидимое.

— В них органика, — сказал он негромко. — Не наша.

Нан не изменился в лице.

— В вас что-то живет, — все так же тепло сказал он. — Расскажете?

Лада, глядя ему в гладкие глаза, рассказала ровно то, что нельзя было скрыть от их приборов.

— Гриб, — пояснила она. — Мы живем с ним в симбиозе, иначе на Марсе невозможно дышать. Он у нас в крови.

Нан выслушал, кивнул, и по лицу его разлилось теплое понимание.

— Симбиоз, — повторил он с одобрением. — Мудро. Мы ведь тоже — симбиоз, по-своему. — Он развел руками, приглашая вглубь. — Идемте. Вы устали, вы голодны. Вы среди своих.

За его спиной, дальше по тоннелю, стоял еще один, и у него было в точности такое же лицо, как у Нана, до последней черточки. Имба перевел взгляд с одного на другого и не нашел разницы. А может, их тут и десять, и сто.

Их повели вглубь. Наверху, в мертвом городе, по бурой воде уходила марсианка, о которой здесь не знал никто.

Глава 3 Золотая клетка

Их поселили в покоях: округлый зал глубоко под затопленным городом, гладкие сухие стены, ровный свет без источника, воздух чистый до сладости. В углу был кран с водой, и никто не сказал, сколько из него можно пить. Была еда: теплые лепешки из чего-то серого, но сытного, плошки с варевом, от которого шел пар. По тому, как ей было хорошо, Лада и узнала ловушку. Она сама когда-то вела паству так же, обещала лишний глоток воздуха, и за этот глоток люди шли куда угодно.

— Много сразу не ешьте, — обронила она. — Живот скрутит.

Ликон, уже потянувшийся к лепешке, отдернул руку и невесело усмехнулся.

— Ты в любом тепле ищешь холод, — сказал он. Но лепешку положил.

Имба не сел вовсе, хотя ноги у него мелко дрожали. Он стоял у дальней стены, куда занесли из челнока уцелевший груз, и не сводил глаз с контейнера с Субстратом.

За ними пришли, когда они отдохнули ровно настолько, чтобы захотеть еще. Их привели в высокий круглый чертог, где стоял стол, накрытый, как в старых хрониках накрывали для послов. За столом ждали четверо. Дар здесь не помогал вовсе, от гладких не шло ни страха, ни тепла, ни лжи, как от стены. Оставалось смотреть. Лица у всех четверых были одной вычищенной правильности, но место за столом каждый занимал по-своему. Первый поднялся навстречу широко, по-хозяйски, как тот, кому не нужно повышать голос. Лада кратко рассказала, откуда они прибыли и зачем. Но оказалось, что Нан и так это знал из ранних сеансов связи с Церковью.

— Меня зовут Нан Третий. — Он мягко улыбнулся. — Вы проделали немыслимый путь через пустоту. За этим столом никто не проделывал пути дальше нашей территории уже сто лет — нам некуда идти, мир и так наш. А вы пришли. Это, поверьте, дороже всего, что вы могли бы у нас попросить.

Говорил он хорошо, на их языке, только так, как говорили книги в Церкви: полными фразами, без марсианских сокращений и бадавийских словечек. Ликон, судя по лицу, понимал через одно и переспрашивать не стал.

Второй не встал и не заговорил. Вар, тот, что наверху водил рукой, и слизь умирала; тот, что смахнул дикаря. Здесь, без брони, он был так же ровен и смотрел на гостей, как на домашних животных, которых зачем-то посадили за стол. Он хотя бы не притворялся радуш-

ным. Его взгляд наткнулся на Имбу и остановился. Двое смерили друг друга через стол. Имба сидел обессиленный, чахлый после ломки, и все равно не отводил глаз. Вар отвел первым, без спешки.

— Не сердитесь на Вара, — мягко сказал Нан, от которого не укрылось ничего. — Он не умеет притворяться. Это делает его превосходным в одном и негодным во всем остальном. У нас каждый — превосходен в одном.

Третий, Ген, подался вперед, поставив локти на стол совсем по-человечески, и разглядывал гостей с жадным любопытством. Взгляд его задерживался на руках, на лицах, на том, как они дышат, и дольше всего на Имбе.

— Простите, что смотрю, — сказал он, и голос у него был живее прочих. — Вы на нас тоже смотрите, как на чудовищ. Это ничего, я привык. — Он поднял руку, повернул ее к свету, и Лада впервые заметила, что ладонь у него слишком гладкая, без единой складки. — Мы когда-то тоже рождались и старились. Потом пришла беда, от которой умирали все, и мы выбрали уцелеть. — Он посмотрел на Имбу. — А в вас растет то, чего у нас нет и быть не может. Живое, и вы с ним не воюете. У нас так не вышло.

Четвертый, Бот, молчал. Он сидел, чуть склонив гладкую голову, и замирал всякий раз, когда кто-то вскользь ронял цифру. Он заговорил один раз, под конец, когда Нан расписывал будущее с союзом и обменом.

— Серая слизь бесконечна, — сказал Бот тихо, особо ни к кому не обращаясь. — Мы выжигаем ее, и все равно каждый год больше. А энергия и материалы не бесконечны. — Он поднял на Нана спокойные, ничего не выражающие глаза. — Я не спорю с планами. Я напоминаю арифметику. — Он перевел взгляд на гостей. — А вы — первая незнакомая величина в моих сметах за столько лет.

Нан улыбнулся ему, как старому чудаку, и перевел разговор на другое. Но то, что мелькнуло между ними, Лада поймала. Так в Церкви молчали ее собственные счетчики, те немногие, кто раньше прочих увидел, куда ведет доктрина Минимума, и не смел сказать вслух. Она встретилась с Ботом глазами через стол. Он смотрел на нее чуть дольше, чем было нужно.

Дело назвали в самом конце, между сладким и прощанием.

— То, за чем вы летели, — сказал Нан, — вы получите. — Он заметил, как Лада подобралась, и улыбнулся. — Не удивляйтесь. Колонию вашу строили отсюда, и я смотрел в архивах, из чего. Реакторы, запчасти к вашим квантовым машинам — все это у нас есть, с прежних времен лежит на складах. Но с нанопленкой сложности. Мы давно ее не делаем, и производство придется ставить заново. Дело небыстрое. — Он посмотрел на них с теплым сочувствием. — Месяц, может, больше. Поживите пока у нас. В тепле, в сытости, среди своих. Отдохните от пустоты. А там и пленка поспеет.

— Что вы хотите взамен? — спросила Лада.

— Пока ничего. — Нан развел руками. — Отдыхайте. А там поговорим, как соседи с соседями. Один ваш корабль чего стоит, мы такие давно не строим. Вы даже не представляете, чем владеете.

Лада промолчала о том, что как раз корабль — земная технология.

— И еще одно, — добавил Нан, глядя, как Ликон, потянувшись за кубком, оперся о стол всем телом. — Земля вас не держит, другая гравитация. Мы можем помочь. Есть генетические лекарства: они перепишут вам кости и мышцы под нашу тяжесть навсегда. Это медленно, но верно. А быстрее и вернее — наши наниты. Войдут в кровь и возьмут ваш вес на себя за пару дней. — Он улыбнулся. — Выбор за вами.

— Лекарства, — сказала Лада. То, что она знала о нанитах, лежало за стенами мертвым материком. — С машинами повременим.

— Разумеется, разумеется. Никто вас не торопит. — Нан кивнул, ничуть не огорчившись.

— Мы благодарны, — сказала Лада. — Подождем, раз надо. Пустота тоже подождет, ей не впервой.

Нан довольно склонил голову, и они улыбнулись друг другу поверх стола. Под конец он сказал то, о чем Лада потом думала полночи.

— А как поспеет пленка, — сказал он, будто мечтая вслух, откинувшись, — мы вас так не отпустим. Не бросим одних в пустоту. Мы дадим вам провожатых, припас, помощь — все, чем богаты; мы поможем вам вернуться домой и поднять ваш купол. — Он улыбнулся шире. — Больше скажу: мы бы хотели увидеть ваш Марс. Что за встреча могла бы выйти, что за союз!

Слова были красивые, такие Лада и сама умела говорить. Им зачем-то нужен был Марс. А провести корабль к Марсу могла только она.

— Наверху остался наш корабль, — сказала она. — И двое наших при нем. Отсюда, из-под земли, мы до них не докричимся. Нам надо их слышать, им нас для координации. Можно через вашу связь?

— Разумеется, — сказал Нан, не задумавшись. — У нас есть антенна снаружи. Я сам собирался предложить.

Их отвели назад, в теплые покои, и створки за спиной сомкнулись мягко, со вздохом. Ликон опустился у стены, вытянул ноги и то и дело поглядывал в потолок.

— Она сейчас где-то у людей, в тепле, — сказал он ни к кому. — Уже, небось, ест их хлеб и смеется их шуткам. — Он закрыл глаза. — Пусть смеется.

— Это правильно, она всегда любила свободу, — согласился Имба. — Только давай не будем о ней больше говорить. — Он многозначительно посмотрел в потолок.

Ликон кивнул.

Лада села рядом с Имбой. После вечера гладких лиц было приятно смотреть на его родное лицо. Он же все поглядывал в дальний угол, где стоял груз, и наконец она спросила одними губами:

— Что там?

— Субстрат проснулся, — так же тихо ответил Имба. — Тут тепло, сыро, темно, все равно что в почве. Вот он и тянется. Пустили в дом, а кого пустили, мы и сами толком не знаем.

Глава 4 Вода

Вода говорила, и Лета слушала. Она лежала на плоском обломке бетона у самой кромки, не шевелясь второй час, и читала бурую гладь. По тому, как вода морщилась у затопленного проема, Лета знала, что под ней течение, а значит, там был ход. По масляному пятну у дальней башни она знала, что там недавно прошла лодка. А у сухого гребня, где вода стояла особенно мертво, без рыбьего всплеска и ряби, ждало серое, и подходить туда было нельзя.

Субстрат в ней молчал. За месяцы полета она успела возненавидеть то, как он лез во все, а теперь то и дело тянулась к нему и не находила. С ним чужой язык лег бы ей в память сам. Без него остались глаза, уши и терпение. Оказалось, хватает. Была еще плоская коробочка связи, зашитая в подкладку: Лета вынула ее из запасного комплекта еще на корабле, пока остальные грузили челнок, и никому не сказала. Включать рано. Тяжесть давила и на нее, но давила не так, как должна была давить марсианку. Своих на берегу волокли под руки, а она дошла сама. Ее делали с запасом.

Люди здесь были, она поняла это в первый же час. «Единственный разум планеты» лгал. Наречия их она не знала. С дальних лодок долетал тягучий шипящий говор, в котором тонули знакомые корни, и Лета ловила обрывки и примеряла. Ложь у нее была наготове, простая и крепкая, такую не проверишь: она из дальнего племени с большой воды на юге, беда согнала с места, шла одна. Она уже собралась сойти с обломка и уйти по воде к дальним башням, когда серое зашевелилось на ближнем гребне и закричал ребенок.

Девочка забралась туда, может, за птичьими яйцами, может, за корешком, и не рассчитала. Серое, дремавшее в тени обломков, почуяло тепло и пошло. Не быстро. Ему незачем было спешить, гребень был узкий, кругом вода, деться некуда. Оно текло к ней с трех сторон, смыкая кольцо, и девочка металась в этом кольце, крича, прижавшись спиной к ветхой стене, и стена крошилась под ее лопатками.

Лета прикидывала. Гребень в двадцати метрах. Между ней и ребенком слизь, от которой у нее нет защиты. Субстрат молчит, кожа голая. Ребенок чужой. Спасать его — значит в первый же день показаться здешним и отвечать на вопросы, откуда взялась и что такое. Расчет говорил: уйди. Свои не узнают и не осудят. Против расчета в ней ничего не поднялось. Детства у нее не было, матери не было, детей не будет, и того зверя, что кидается на выручку чужому детенышу, тоже не было. Она стояла и смотрела, как серое смыкается вокруг кричащего ребенка.

А потом бросилась вперед, через слизь. Она успела, выхватила девочку из смыкающегося кольца и вскинула на плечо. Та оказалась легкой даже под здешней тяжестью, костлявой, и вцепилась в нее мертвой хваткой. Лета прошла назад по своему же следу, по той пяди, где слизь еще не сомкнулась. Голенище сапога поседело и расползлось, щиколотка под ним онемела. Еще три шага. Два. Она прыгнула с гребня в воду вместе с ребенком, и бурая холодная вода сомкнулась над ними. Серое осталось на берегу, воду оно не любило.

Они вынырнули. Девочка кашляла, цеплялась и всхлипывала. Лета наглоталась воды с тиной и ржавчиной, но держала спасенную над водой. Она гребла к ближайшему сухому карнизу, и внутри у нее было что-то теплое, что она решила пока не трогать.

На карнизе девочка отдышалась, отползла, села и уставилась на Лету дикими глазами. Ей было лет десять-одиннадцать. Тощая, вся из локтей и настороженности, с обрезанными у плеча волосами. Она быстро, шипяще что-то спросила. Слов Лета не поняла, но тон поняла: спасибо так не говорят. Так спрашивают, кто ты такая.

— Я не отсюда, — сказала Лета медленно, простыми словами, какие, она надеялась, у них общие. Показала рукой на юг, на воображаемую большую воду. — Дальнее племя. Большая вода. Одна. — Она коснулась своей груди: — Лета.

Девочка долго молчала. Потом ткнула себя пальцем в грудь, как Лета, передразнивая и пробуя.

— Искра, — сказала она.

— Окей, — сказала Лета и кивнула.

Искра вздрогнула и повторила по-своему, растянув, с ударением на первый слог: «О-окей». Слово было ее. Значит, от общего языка здесь что-то уцелело, и на это можно было опереться.

Искра повела ее не сразу, сначала долго примерялась, как дикий зверек. Но к своим ей было надо, а одной после слизи страшно. Она пошла впереди, показывая тропы, а Лета за ней.

Отойдя от страха, Искра затрещала, и Лета понимала едва половину: где-то выручало старое слово, где-то жест, а остальное она угадывала по лицу. Серое — это смерть. От серого — только вода и высота. Вода святая. Верх святой. А есть еще железные, показывала она, и лицо у нее темнело сильнее, чем при слизи. Они уводят людей и не возвращают. Туда Искра и плыла: хотела посмотреть, куда дели тетку. Кроме тетки, у нее никого не было. Лодку прятала с весны, ушла тайком и была в пути третий день.

— А еще, — Искра понизила голос и подобралась ближе, и Лета скорее угадала, чем поняла, — все чужое — зараза. Все, что не наше, не с воды, не свое, — от серого. Так говорит Соль. Соль говорит: чужое трогать — умереть.

Она вдруг осеклась и вскинула на Лету глаза, будто впервые сообразила, кого ведет: чужую, большую, странную. Может, заразу. А потом Искра тряхнула головой, отгоняя страх, и пошла дальше, ведя чужую к своим. У Леты, никогда не плакавшей, коротко защипало в горле.

Искра нагнулась над неприметной щелью в стене и вытащила узкую угловатую лодку, склепанную из листов металла, и дюралевое весло. Лета забралась внутрь, стараясь не перевернуть это корыто, и Искра ловко повела его вглубь лабиринта затопленных зданий.

Вдруг Искра перестала грести. Весло застыло у нее в руках на весу, не капнув, и Лета, за день научившаяся читать этого ребенка, замерла тоже. Сначала не было ничего — бурая вода, мертвые башни, белесое небо. Потом из-за ближних затопленных колонн пришел ровный низкий гул, какого не издает ничто живое, и стал приближаться. Искра одним движением весла завела лодку под нависший бетонный козырек и вжалась в борт, потянув Лету за рукав вниз.

— Стоп, — выдохнула она одними губами, и это слово Лета поняла сразу.

Они замерли в темноте, борт к борту с мертвым камнем, и смотрели. Из-за колонн выползла скорлупа. Иначе Лета не сумела бы назвать низкое зализанное судно в броне, ровно шедшее без весел. На его гладкой спине стояли двое в той же тусклой броне, что Лета мельком видела в дыму на берегу. Скорлупа шла к дальней лодчонке, застрявшей у сетей, где одинокий рыбак выбирал улов.

Рыбак увидел ее слишком поздно.

Он рванул весла. Скорлупа нагнала его мертвенно спокойно, даже не ускорившись. С ее борта протянулось что-то тонкое, гибкое, лодчонка дернулась, и человек забился, закричал, а потом крик оборвался. Его сняли с лодки бережно, почти ласково, втянули в скорлупу, и броня сомкнулась. Скорлупа развернулась и пошла обратно за колонны, ровно, сыто, унося улов. Пустая лодчонка осталась качаться у сетей.

Уводят и не возвращают. Лета лежала в черной щели, чувствуя, как рядом мелко и беззвучно дрожит ребенок.

Когда гул стих, Искра долго выжидала, прежде чем тронуть весло. Потом повела дальше и всю остальную дорогу молчала. Про тетку она больше не заговаривала.

Плыли медленно, петляя между затопленных домов. К вечеру из воды встала Москва-Сити: несколько высоких башен стояли тесной группой над разливом. По верхним этажам, где кончалась сырость, зеленели лоскутные огороды, меж башен качались мостки и сушились сети, а на самом верху вился слабый дымок очагов.

Это и была «Заводь», о которой трещала Искра.

Их встретили на воде, у нижних причалов, прежде чем пустили к башне. Мужчины на лодках, с острогами; на мостках за ними стояли другие и смотрели. Искру узнали сразу, окликнули, потянули к ней руки. Ее искали третий день. Один из лодочников замахнулся было на нее и, не ударив, прижал к себе. А потом увидели Лету, и радость кончилась. Поднялся крик, которого Лета почти не понимала, но смысл читался и без слов, по остриям острог, повернутым к ней, по тому, как женщины на мостках подхватили детей и попятились.

Вперед выдвинулся человек, которого слушали: немолодой, сухой, с лицом как из того же серого камня, что и башни. Он коротко что-то сказал, и все примолкли. Смысл был тот же: чужое не пускать, пусть уходит, откуда пришла.

Это и был Соль, поняла она. Спорить ей было нечем. Она стояла в лодке прямо, давая себя рассмотреть, и молчала. За нее сказала Искра. Девочка вскочила в лодке, вцепилась в борт и затараторила, захлебываясь и тыча пальцем то в Лету, то в ее расползшийся сапог, то в серый гребень вдалеке. Лета не разбирала слов, но видела, как недоверие на лицах борется с тем, что говорит ребенок. Живой ребенок, которого уже мысленно похоронили.

Соль слушал, и лицо его не смягчилось. Он все равно скажет «прочь», как понимала Лета, а если она не уйдет, кивнет тем, кто держит остроги. Но раньше заговорил другой. Он стоял поодаль, на мостках, и Лета заметила его не сразу, потому что он один не кричал и не хватался за острогу. Немолодой, крепкий, с быстрыми глазами. Он что-то сказал Солю негромко, и тот нехотя стих.

Крюк, услышала она позже его имя. Заступился он не по доброте. Ее пустили на нижний причал, под навес и под пригляд.

Ночью, под навесом, Лета думала о Ликоне. Он там, среди железных, и уверен, что она жива, потому что иначе не умеет. Пусть будет уверен.

Глава 5 Дичь

Под землей не было ни дня, ни ночи. Свет в покоях приглушали и разжигали по чьему-то счету. Еду — серые лепешки, которые Ликон на второй день окрестил «подошвами», — приносили, когда сочтут, что гости проголодались. И от этой бессменной ровности дни слипались в один долгий теплый кисель, в котором тонули и счет, и воля. Хозяева, или, как окрестили их гости, «гладкие», трижды в день приносили горький состав в тонких чашках, и к пятому дню Имба вставал без того, чтобы сердце прыгало к горлу, а Ликон перестал держаться за стены. Лада размякать не умела, но и она день ото дня все реже говорила «нас пасут» и все чаще «когда поспеет нанопленка».

И еще одно слышал Имба: Субстрат рос. В дальнем теплом углу из натрушенных спор поднялась тонкая слепая сеть; она забралась в щели и потянулась по влажному шву стены вглубь нор. Имба чувствовал ее день ото дня сильнее.

Ликону здесь нравилось, и стыдиться этого он не собирался. Имба ходил по логову, как зверь по чужой территории, вынюхивая подвох; Лада считала оставшиеся дни. А Ликон жил. Полжизни он искал новое: подвалы Академии, склады Динмода, подземелья Кадара, потому что только от нового и просыпался. Бессмертным он жил легко: рубили — отрастало, роняли — вставал. Руку на Марсе отрастил заново, и не спросил чем. Задумался только в полете: с каждой неделей царапины заживали все дольше, а у Имбы слабели руки, будто оба пили из одного колодца, а колодец остался на Марсе. Теперь бессмертие ушло совсем. Колено, ушибленное в первый день, ныло на каждой ступеньке, и он всякий раз удивлялся. Так обычные люди живут всю жизнь, думал он, и как они еще при этом смеются.

С первого дня он полез по логову смотреть и трогать. Выучил, где машинный гул, где склады, где тянет теплом от печей в глубине. За печами был цех с двойными дверями. Гладкие в глухих масках катали там по валкам что-то тонкое, радужное, как мыльная пленка. Туда Ликона не пустили: внутри нечем дышать. Завел знакомства с гладкими слугами попроще, шутил с ними, коверкал их ровную речь, звал дурацкими прозвищами, и они, вышколенные, безответные, понемногу привыкали и даже замедляли шаг. При Ликоне всем делалось легче: людям, зверям и даже машинам.

Так он и набрел на первую запертую дверь. Он потоптался, поулыбался пустой стене, попробовал еще раз — глухо. Мимо шел слуга, и Ликон, по привычке, окликнул его весело, кивнул на дверь: мол, что там, друг, покажешь? Слуга остановился. Гладкое лицо не дрогнуло, но что-то было в самой этой заминке, в том, как он не сразу нашел ответ, отчего Ликон впервые за эти дни насторожился.

— Гостям туда нельзя, — сказал слуга.

— Да я одним глазком. — Ликон подмигнул, подпустил тепла. — Кому я помешаю. Ну?

Слуга посмотрел на него в упор, и Ликон увидел в этом взгляде живое.

— Я бы показал, — тихо ответил слуга. — Мне не велено. Я не могу делать иначе, чем велено. — Он помолчал и добавил совсем тихо, будто самому себе: — Ты не проси. Тебе легко просить. Ты можешь.

— А если б я тебя увел? — сказал Ликон, сам не зная зачем. — Отсюда. Наверх, на волю. Пошел бы?

Слуга посмотрел на него долго.

— Куда, — сказал он без вопроса. — Я и есть отсюда. Я не кончаюсь на этом теле.

И ушел ровным, послушным шагом.
Ликон запомнил дверь.

А наутро их позвали наверх — смотреть.

— Покажем гостям, как мы держим порядок, — сказал Нан радушно. — Вам полезно увидеть, от чего мы вас бережем. И, — он повел рукой в сторону Ликона и Имбы, — воинам, я думаю, будет любопытно. Ведь вы воины.

Ликон обрадовался, как ребенок. Наверх, из нор, на воздух и свет, пусть серый и страшный. И, хоть он себе не признавался, наверх значило туда, где Лета. Он первым полез внутрь, и сердце у него колотилось молодо, глупо, счастливо.

Их вывезли на поверхность в бронированной скорлупе и высадили на краю серого поля, на сухом гребне над разливом, под белесым небом без солнца. Ликон вдохнул стылый, отдающий камнем воздух Земли и засмеялся просто оттого, что снова под небом. Ноги помнили первый день и налились было тяжестью, но держали.

И тут же, не сдержавшись, повел глазами по бурой воде, по мертвым башням, по дальним разливам, где жили люди на воде. Искал ее, глупо, и все равно искал. За той группой башен вился дымок, не ее ли очаг. У дальнего края мелькнула лодка, не она ли. А потом вспомнил, что смертен: в двадцати шагах лежало серое, и серое было живым.

Вар работал один. Он сошел со скорлупы и пошел в поле, к серому. Ликон, повидавший на своем веку разных бойцов, каких рождал Марс, встал смотреть с той жадностью, с какой мастер смотрит на мастера, и в первую минуту в нем была только эта чистая, цеховая радость: Двуединый, как он хорош.

Вар шел, и серое перед ним умирало. Он повел рукой, и голодный прилив опал трухой; ступил, и под ногой осталась мертвая, безопасная земля. Ликон привык мерить бойца усилием и ждал замаха, натуги, пота, а Вар делал смертельное, как дышат. Слизь валила на него со всех сторон той самой волной, перед которой Имба на этом берегу оказался бессилен, а Вар шел сквозь и даже не смотрел на нее. И сам он все время неуловимо менялся: оставался похожим на человека, но рук, ног, а то и голов у него делалось то больше, то меньше — сколько требовало дело.

Ликон невольно шагнул ближе, но Имба поймал его за плечо. Правильно поймал. Там, куда Ликон занес ногу, серое лежало живым языком, и он в горячке чуть не встал в него. Он отдернулся, и в груди екнуло смертным холодком: отрастать теперь было нечему. Ликон выругался, отступил на твердое и дальше смотрел себе под ноги.

А потом Вар свернул от слизи в сторону, к полузатопленным руинам на краю поля, и пошел туда так же ровно, так же буднично, и Ликон не сразу понял зачем, а поняв, перестал дышать. Там были люди: трое, тощие, в буром тряпье. Они выскочили из руин и кинулись прочь. Бежали молча, отчаянно, как от пожара. Не ушли. Вар нагнал их без спешки, и то, что он делал со слизью одной рукой, он теперь делал с людьми: одного смел, другого сбил, третьего взял ловко, даже бережно, всеми четырьмя руками, и понес к скорлупе, а тот бился и страшно кричал по-человечьи.

Вар нес его и не менялся в лице. Он собирал урожай. Ликон стоял, и восхищение в нем медленно, тошно умирало. Он всю жизнь дрался, убивал и бывал убит, но то была война. Здесь была ловля. Ликон поймал взгляд Имбы — тот стоял каменный, и говорить было незачем.

— Красиво, не правда ли? — сказал Нан, стоя рядом, довольный, показывая гостям свое. — Один. Без армии. Оттого мы и держимся, оттого и порядок. Пока есть Вар, серое нас не накроет.

— А этих, — сказал Ликон и не узнал своего голоса, — этих зачем?

— Тех? — Нан скользнул взглядом к скорлупе, куда унесли кричавшего. — Пригодятся. Живой материал — редкость, нельзя, чтоб пропадал зря. Поэтому мы и не стреляем. Пуля

портит то, что можно взять целым. — Он тепло улыбнулся Ликону. — Не берите в голову. Это не люди в вашем смысле. Так, остаточный шум. Их меньше — слизи еды меньше.

— А что с ним будет? — все же спросил Ликон.

— Послужит, — просто сказал Нан. Ликон не стал спрашивать, чему и как: ответили бы так же ровно, а этой ровности он бы уже не вынес.

Ликон стоял перед серым полем, башнями за разливом, бурой водой и думал одно: она там, среди тех, кого этот берет с поля, как корнеплод. Среди дичи.

Назад, в теплое нутро логова, он спускался молча, чего за ним не водилось. Створки сомкнулись и отрезали серое небо. От тепла, которое еще утром было в радость, Ликона теперь мутило. Те же гладкие лица, те же ровные улыбки.

— Ну что, находился? — спросил Имба тихо, когда их оставили. Без злорадства: он и так видел по лицу друга, что тот вынес с прогулки.

— Ты был прав, — выговорил Жрец через силу. — Тут нечисто. Дверь, которую не открыли. Слуга этот, у него будто душа взаперти. Про пленку отвечают гладко, словно заученное. И этот, наверху.

Имба кивнул и подвинул ему свою пайку хлеба. Ликон взял, не глядя.

— Знаешь, что хуже всего? — продолжил друг. — Что мне их дичь жальче, чем должно бы. Нас за стол сажают, нам пленку варят, с нами Нан любезничает. А тех, с поля, — в скорлупу, как репу. — Он потер лицо. — Все думаю про того, кто кричал. Для этого киборга он и я — просто овощи разного сорта. Он с поля. А я из теплицы.

Глава 6 Шум

Из миссии наверху осталось двое, она да Чипка. Экипаж, конечно, был: дюжина вахтенных, которые несли смены, ели в тесноте у машин и в чужие дела не лезли. Высаживаться на Землю им было нельзя, как и Лике с Чипкой. В коридорах, где еще недавно были Имба, брат, Лада, Лета, теперь стояла гулкая тишина, и Лика ходила там только по нужде. Она держалась рубки, где сидел Чипка, и тесного закутка при ней, который сделала своим.

За иллюминаторами висела Земля, ради которой все затевалось. Днем сине-серая до горизонта, ночью черная, без единого огня. Лика насмотрелась на нее за эти недели до тошноты и теперь чаще оборачивалась к Чипке, он был ближе и понятнее.

Челнок ушел с теми четырьмя и остался внизу — на схеме его метка приткнулась к норам киборгов. Второго челнока не было, да и будь он: Субстрат в них не жил, и земная тяжесть смяла бы обоих, едва бы началось торможение. Вернуться на Марс тоже не могли — без оставшихся на Земле друзей, особенно Лады, с ее вшитыми в мозг кодами. Да и не бросила бы Лика брата: из-за него она и полетела. Подъем «Надежды» придумали они с Карой, но жена Чипки ждала ребенка, и лететь из двоих могла одна Лика.

Лика занималась хозяйством. Кто-то должен помнить, что живому надо есть и спать. Для Чипки этим кем-то была она.

А Чипка работал. С первого дня он зарылся в бортовой квантовый компьютер, который держал плазму реактора, и копался в нем с утра до ночи, если наверху бывали утро и ночь. Сперва по делу: подлатать, вывести связь, дотянуться до Голосов Марса, до миссии внизу. Через него шла нитка между тремя горстями их людей: наверху он да Лика, внизу в норах трое и Лета. Потом, Лика заметила это не сразу, он копался уже без дела, просто чтобы не отрываться. Сидел перед ожившей стеной цифр так, будто слушал ее.

— Не пей из синей, — сказал Чипка, не оборачиваясь, когда она проходила мимо стеллажа с водой. — Протухла.

Лика взяла синюю флягу, отвинтила, понюхала. Пахло затхлым — самую малость, еще не поймешь, если не искать. Она вылила воду в регенератор, взяла другую и только потом сообразила спросить:

— Слушай, а ты откуда знал?

— Что? — Чипка обернулся, моргнул, будто вынырнул. — А. Не знаю. Померещилось, что ты поморщишься. Считай, угадал.

Она пожала плечами. Мало ли.

По одному это было ничто. Совпадение, чутье, привычка человека, что живет в машине и наперед знает ее норов. Лика и не складывала эти случаи в одно, пока их не стало слишком много.

— Чипка, — сказала она однажды, поставив перед ним тарелку, поскольку он забывал есть. — Ты сегодня четыре раза угадал наперед. Я считала.

— Считала? — Он усмехнулся, взял ложку, не глядя. — Делать тебе нечего. — Он поел немного, думая о своем, и добавил, будто оправдываясь: — Это не я, Лик. Это комп. Я в него так врос, что он мне подсказывает. Он же квантовый, он держит в голове мильон исходов разом. Я просто снимаю верхний слой. Тут ничего чудного. Считать будущее — это же просто много считать.

Он, похоже, и сам в это верил, и объяснение было складное. Лика почти успокоилась. Только комп считает то, что у него спросили, а Чипка отвечал на то, о чем никто не спрашивал.

После сеанса связи с Землей он рассказал ей про сеть. Ночью, шепотом, хотя в рубке, кроме них, никого не было.

— Иди сюда. Тихо. — Он подвинулся, дал ей место у стены цифр. Лицо у него было бледное и азартное, как в лихорадке. — Смотри. Я тянул связь к нашим через их антенну на Земле. Нам твердят, что она в ремонте, а она стоит и слушает. И… зацепил не наших.

— Кого? — Лика села рядом.

— Их. — Он кивнул вниз, сквозь палубу, сквозь корабль, к серой планете. — У железных там, внизу, тоже есть машины. Квантовые, как наши Голоса, только не одна — их сеть, сплетенная по всем местам. Поэтому они такие умные. Я не лезу внутрь — читаю с краю, как подслушивают под дверью, боясь скрипнуть. — Он сглотнул. — Лик, она огромная. Она больше всех наших Голосов, вместе взятых. И она… боится. Этот монстр все время считает наперед, как я, только по-настоящему, глубоко, — и то, что он насчитывает, ему не нравится. Я не все понимаю, но одно поймал ясно: сеть не верит, что железные победят. Ни слизь, ни время, ни кого-то еще. Она считает свой конец — и ищет, за что бы зацепиться, чтоб прогноз не сбылся. — Он посмотрел на Лику расширенными глазами. — Она нас заметила, понимаешь? Корабль наверху. Новое. И, по-моему… по-моему, она этому рада. Как радуются новой переменной в уравнении, которое иначе не решается.

Лика смотрела на серую планету за бортом. Чипка говорил о чужой огромной сети так, будто уже наполовину был в ней.

— Ты туда не лезь, — сказала она. — Раз она такая большая, мало ли. Спугнешь ее, или она тебя самого проглотит.

— Не спугну, — сказал Чипка, снова отворачиваясь к цифрам. — Я осторожно. Это же наш козырь, Лик. Оттуда все видно. Оттуда мы узнаем про киборгов то, что у них в машине записано, — не парадный голос, а черновик. Я уже кое-что снял. Скоро сложится. — Он говорил, уходя в стену цифр все глубже, и голос его делался ровнее, тише, дальше. — Скоро все сложится.

— Что ты снял? — спросила Лика, лишь бы он не ушел в цифры совсем.

Чипка помолчал, шевеля губами.

— Обрывки, — сказал он. — Как сор на краю. Про наших там есть много. Слова, которых при них вслух не говорят. — Он нахмурился, вылавливая. — «Материал». «Годны». «Носи-

тель — не помеха». — Умник поймал одно и замер, и лицо у него стало нехорошее. — И про Ладу отдельно. Что без нее не будет рейса. Что она — ключ. — Он тряхнул головой. — Не складывается еще. Половина слов, половина смысла. Но, Лик, оно нехорошее. Совсем. Их радушие внизу — и эти слова в их машине — это про разное. Как две разные книжки под одной обложкой.

— Ты нашим передай, — сказала она. — Ну, жестами, как вы там умеете. Чтобы они хоть знали.

— Передаю по капле, — сказал Чипка. — Осторожно: канал слушают. Да и сначала надо собрать доказательства. Соберу — передам. — Он потянулся к стене цифр, и пальцы его исчезли в мерцании.

Глава 7 Игла

Место на Заводи зарабатывали делом. Лету пустили в рейд на четвертый день. Лишние руки в лодке не помеха, а если чужачку сожрет серое или возьмут железные, невелика потеря. Лета понимала и не обижалась. Она села в лодку, куда указали, и пошла с ватагой по бурой воде за тем, чем жила Заводь: за металлом.

Сами речные металл не делали, они его добывали. Мертвый город под водой был их рудником. В затопленных этажах, утонувших складах, в брюхе осевших машин лежало железо старого мира: балки, листы, провода, предметы вымершего мира. Ныряли в черные проемы, выламывали, тащили наверх, к сухому.

Лета не мешкала. Она чуяла, где держит, а где обвалится, ныряла ровно и всплывала там, где рассчитала, вперед не лезла, сзади не пряталась и поблажки не просила. Нырять она прежде не умела: на Марсе большой воды не было, а подземные озера в обителях бадавиев она видела только на фото Имбы. Тело же знало воду так, будто в ней выросло. Откуда это в нем, Лета не знала.

К концу первого рейда ее перестали окликать «чужая». Старший ватаги, вылезая из проема, сунул ей скользкий моток провода и сказал: «Лета, держи», потом сам услышал, что назвал ее по имени, и сплюнул в воду: отдал воде, пусть унесет. Просто так в воду не плевали, только когда надо было от чего-то отделаться. К третьему рейду ее уже ставили на трудные проемы, потому что она возвращалась оттуда, откуда возвращались не все.

Она застолбила место в тот рейд, когда сорвался Гунн. Он был из молодых, жадный, полез в затопленный этаж глубже, чем мог, и не рассчитал. Подмытое перекрытие осело, прищемило ему ногу. Ватага наверху заметалась; лезть за ним значило лечь рядом. Лета нырнула, пока другие суетились. Она нашла его по пузырям в черной воде, уперлась, приподняла на вздох, вытолкнула его ногу, и они всплыли вдвоем, захлебываясь. Гунн, отдышавшись, долго на нее смотрел. И вся ватага тоже: под водой она пробыла дольше, чем может человек. Сама Лета этого не заметила. Воздуха ей хватило бы и еще.

Вечером Гунн молча отдал ей половину своей рыбы, а сосед по лодке подвинулся у огня.

Про Гору она узнала в том же рейде по тому, как ватага вдруг подобралась и приглушила весла, обходя дальний берег.

— Не сюда, — бросил старший, кивнув на темную громаду вдалеке, со шпилем над разливом. — Там Гора. Их вода.

Из обрывков Лета поняла, что Гора была другой общиной, у высокой башни, которую старики звали чужим словом «эмгэу». Гора была сильнее и злее Заводи; о ней говорили вполголоса и пугали ею детей.

Веру Заводи Лета узнавала по быту. Она увидела, как перед тем, как пить, старший ватаги окунал пальцы в воду и касался лба: вода свята, вода не пускает серое, вода — мать. Она

увидела, как жались наверх, к сухим огородам, к дымам, как к алтарю, и как боялись низа, залитого, темного, где ждало серое: высота свята, кто спустился — пропал. А всякое чужое, будь то принесенная издалека вещь, незнакомый плод или сама Лета, встречали с одним и тем же страхом: чужое трогать — умереть.

Откуда взялась сама Заводь, Лете рассказала Искра. Когда пришло серое, люди бежали кто куда. Кто бежал в сухое, того съели. Кто бежал в воду, тот жил, только не всякий: серая пыль была тогда везде, и от одной пылинки один валился, а другой чихал и вставал. Те, кто вставал, и стали речными.

Как они спасаются, Лета увидела на седьмой день. Один из ватажников, тот самый Гунн, вернулся с дальнего проема с отметиной. Пустяковой на вид: на тыльной стороне ладони желтое пятно с ноготь. Задел серое, отдернул, думал, обошлось. Он и скрыл бы, да пятно приметил сосед по лодке. И тогда Заводь сделала то, что делала всегда.

Гунна не гнали и не били. С ним говорили тихо, почти нежно, и он не спорил, он вырос на этом правиле. Соль сам сошел к нему, смотрел пятно, и лицо старика осунулось. Потом он сказал слово, и Гунна увели. Вниз, на отдельный плот у воды, одного. Пятно росло медленно, но за ним придет серое и заберет всех, кто спит рядом. Желтое передавалось касанием, от больного к здоровому. Одни на плоту выздоравливали и возвращались, другие умирали, и никто не мог сказать заранее, кто. Зараженный уходил от живых, пока мог уйти сам. И Гунн ушел без проклятий, так уходили до него отцы и деды; и он сам видел, что бывает с общиной, которая пожалела зараженного.

С берега Лета видела, как отваливает от Заводи одинокий плот с живым еще человеком. А следом пришла холодная мысль: вот что сделают с ее людьми, когда те придут сюда с Субстратом в крови. Осмотрят так же внимательно, найдут ту же отметину, только глубже, в самой крови, и поступят как должно.

На вид Заводью правил Крюк, а по сути Соль. Лета поняла это на первом же сходе, куда ее, чужачку, не звали, но и не гнали. Пока Соль молчал, дело шло. Стоило ему качнуть головой, и самое разумное предложение Крюка умирало, не родившись.

На следующем сходе Соль впервые заговорил о ней вслух. С той же спокойной заботой, с какой осматривал ладонь Гунна.

— Чужая живет у нас девятый день, — провозгласил он, не глядя на Лету, будто ее тут и не было. — Она пришла из ниоткуда, говорит не по-нашему, и никто не знает, кто она и что несет. — Он обвел сход медленным взглядом. — Вы забыли Плот Тимьяна? Вы забыли, как приняли одного, что пришел из ниоткуда и говорил складно, а через луну от него осело серой трухой сорок душ? Я не забыл. Я их хоронил. Чужое надо гнать, пока оно не пустило корни. Я говорю: на воду ее. Как всех.

По сходу прошел низкий согласный ропот. Плот Тимьяна помнили все. И тогда встал Крюк.

— Плот Тимьяна я тоже помню, Соль, — спокойно возразил он. — А еще я помню, сколько нас было тогда — и сколько нас теперь. Я считаю живых по головам каждую луну, это моя работа. Нас меньше на треть, чем при моем отце. Гора жмет, железные воруют, серое жрет, а рожаем мы худо. — Он повернулся к сходу. — Ты гонишь чужое, чтоб мы не умерли завтра. Я это чту. А я думаю, чтобы мы не умерли сегодня. Если только гнать и никого не пускать, через двадцать зим никого не останется. Эта чужая вошла в серое и вышла, спасла Искру и Гунна. Я не говорю: верьте ей. Я говорю: не выбрасывайте, пока не узнали, чего она стоит.

Соль и вождь стояли друг против друга, и сход молчал. Лета стояла в тени у стены и не двигалась, вмешайся она сейчас, погубила бы все. В тот раз победил Крюк, против счета живых возразить было нечего. Соль уступил. Но, уступая, нашел глазами Лету через весь сход и смотрел долго и спокойно.

С того схода Лета знала цену своему месту: держится она на расчете Крюка, и в тот день, когда счет не сойдется или Соль дождется своего, ее отправят на воду, как Гунна. Держало ее одно — Искра. Девчонка ходила за ней хвостиком, учила словам, и чужой говор Леты день ото дня улучшался. Для Искры она была просто Летой, которая однажды вошла в серое и вытащила ее оттуда. Под этим взглядом, который ничего не взвешивал, женщина отдыхала, как нигде за всю свою сделанную жизнь, и почти верила, что она человек.

Однажды, у ночного очага, Искра привалилась к ней, сонная, и сказала:

— Соль говорит, ты уйдешь. Все чужие уходят или мрут. — Помолчала. — А ты не уходи.

— Не уйду, — сказала Лета. Скорее всего, это была ложь. Лгать Лета умела легко, но этому ребенку было тяжело. Искра не услышала, она уже сопела, пустив слюну Лете на рукав.

Короткая дорога вела в небо, это Лета сложила за одну бессонную ночь. Врастать в Заводь годами было некогда, а Соль не поверит никогда. Но наверху висел корабль, нить ко всем своим. Чтобы дотянуться до неба, нужна высота, а высота на весь мертвый город была одна: дальняя голая игла над разливом, которую Искра звала чужим круглым словом «Останкино». У стариков Лета выспросила по крохам: четыре года назад, сказывали, с нее чей-то последний голос дозвался до звезд. Тот самый зов, что услышали на Марсе. Только дойти туда одна она не могла. Воду знала Искра.

Соль следил за ней, и пришлось сочинить, что они с Искрой идут на дальние отмели за медью, и уйти затемно.

— Зачем тебе мертвая игла? — спросила Искра, когда Заводь осталась позади. — Там пусто. Там даже железа не осталось: все, что не прикреплено, повытаскали. Там только ветер и слизь.

— Надо, — махнула рукой Лета. — Потом расскажу.

Искра гребла и косилась на нее, глупой она не была.

— Ты от чего-то бежишь, — сделала вывод она. — Или к чему-то. У тебя лицо, как у тех, кто уходит и не говорит куда. — Она помолчала, налегая на весла. — Я тебя все равно везу. Знаешь почему? Потому что ты меня вытащила. Долг есть долг, хоть и страшно. Но ты… — она запнулась, — ты меня не бросай, как мертвую иглу. Ладно? Куда бы ни лезла.

— Не брошу, — отозвалась Лета.

Дорога была неблизкой и недоброй. Раз пришлось надолго залечь под нависшим карнизом, пропуская горскую лодку; Искра одними глазами показала: молчи, не дыши. Раз обходили широкий разлив, где вода стояла мертво, без ряби и рыбы, верный знак, что у берега затаилось серое. Искра читала эти приметы на ходу, не задумываясь, а Лета, привыкшая быть лучшей во всем, что касалось скрадывания, помалкивала и училась у ребенка воде.

Ночь переждали в лодке, привязав ее к чужому окну, и к башне вышли на рассвете, когда небо из серого сделалось белесым. У подножия, между водой и сухим входом, дремала слизь. Искра завела лодку в затопленный нижний ярус, куда доставала вода и не доставало серое, и дальше не пошла.

— Я тут, — пробормотала она, и голос у нее дрогнул. — Я тебя тут жду. На воде серого нет. Ты только… ты вниз смотри, где серое, и вверх смотри, где падать. И вернись. Слышишь? Вернись.

Лета кивнула. Она пошла по пояс в холодной воде затопленного холла, потом по сухому, мимо дремлющих серых языков, походкой канатоходца, какой ходила по гребням, а потом вверх.

Подъем растянулся на часы. Вместо лифтов были шахты, черные провалы, в которые лучше не глядеть. Лестница кое-где сохранилась, ржавая, гулкая, и Лета шла по ней, пробуя

каждую ступень прежде, чем стать, потому что иные крошились в труху под подошвой. Света у нее не было, фонарь остался в лодке, да и какой это фонарь?

По дороге попался уцелевший зал с электроникой, а в нем аккумуляторы. Не здешние, кто-то притащил их сюда давно, может, как раз для дальней связи. Лета щелкнула тумблером. Заряда оставалось мало, но до орбиты, может, и добьет.

На самом верху был круглый зал, когда-то застекленный, с выбитыми окнами, в которые входил весь ветер мира. В зале были мертвые машины. Старая связь: пульты, решетчатые антенны, погасшие экраны. Лета замерла на пороге. Здесь, среди пыли и ветра, остались следы того последнего человека: истлевшее тряпье в углу, нечитаемые каракули на пыльной панели и повернутые к небу цилиндры антенн — последнее, что он сделал.

Лета подошла ближе, тихо, словно боялась разбудить. Он сидел у шкафа, привалившись плечом, в наушниках цвета охры. Ветер на этой высоте высушил его, как рыбу на шесте. На боку шкафа шли зарубки, столбиками, последний недокончен. Человек добрался сюда, починил что смог, подключился к антенне и звал, день за днем, пока не кончились силы или еда. Он так и не узнал, что его услышали на Марсе.

Она постояла над ним, сколько могла себе позволить, и сказала про себя: тебя услышали. Мы пришли.

Она достала плоскую коробочку, ту самую, что взяла еще на корабле и пронесла через всю Заводь в подкладке, и включила. Внутри лежали шифр канала и таблица пролета «Новой надежды»: по ней Лета нашла, где сейчас корабль. Сама коробочка до орбиты не доставала, ей нужна была высотная антенна. Она вышла наружу, на ветер, и развернула антенны куда надо. Подключила аккумуляторы — загорелся зеленый огонек. Оставалось перебирать частоты, корабль идет быстро, рано или поздно выйдет в нужную точку.

Час, другой. Лета уже начала думать, что все зря, когда в коробочке сквозь треск прорезался голос.

— …кто это? Кто на канале? — Голос молодой, ломкий, напряженный. — Я вас слышу. Слабо. Кто вы?

Чипка. Живой, наверху, на своем месте. Лета прикрыла глаза.

— Это Лета, — сказала она тихо. — Я жива, Чипка. Я у местных. Слушай меня и не перебивай.

Молчание было таким долгим, что она испугалась, не сорвалась ли связь. Потом Чипка шумно выдохнул в микрофон и заговорил, захлебываясь:

— Живая. Ты живая. Они в клетке, Лета. Золотой, но клетке. У киборгов. Слуги кланяются, кормят, лечат, а двери без ручек и каждое слово слушают. Я в их сети немного копаю. — Он сглотнул. — Ликон-то, Ликон уверен…

— Стой. — Она сказала это так, что он осекся. — Ликон не должен знать. Никто в норе не должен знать, что я жива и что я на связи.

— Но…

— Слушай. — Она говорила быстро, тратя каждую секунду ветреной связи. — Ты сказал про их сеть. Про меня там что-нибудь есть?

— Ни слова, — сказал Чипка. — В списках только трое, тебя там нет вообще, ни строчки.

— Значит, это мой козырь. Скажешь Ликону, что я жива, — и он выдаст себя. Не словом, лицом, походкой, тем, как перестанет горевать. Лада, Имба удержат, а он — он не сможет, он весь наружу. Киборги учуют перемену, докопаются — и не станет моей карты, и, может, не станет его. Понимаешь? Пока я молчу, он целее.

Чипка молчал.

— Он же… он извелся, каждую ночь тебя поминает, — сказал Чипка совсем тихо. — Мне ему что — врать? Молчать, будто не знаю?

— Молчать. — Лета крепче сжала коробочку. — Это моя цена, не твоя. Я ее плачу. Ты только держи. Пусть верит вслепую.

Дальше говорили о деле, коротко, потому что связь плыла и ветер крал слова.

— Теперь так, — сказала Лета. — Канал этот — тайный, только твой да мой. Клетке — по капле и вслепую, как ты умеешь, но про меня — ни знака. Я буду выходить, когда смогу; сюда лазать часто нельзя, может, придумаю ближе и проще. Ты копай их сеть. Придет час — понадобится и путь наружу, и как взломать их запоры. Когда — не знаю, но бежать придется, теперь это понятно. Я думаю, им тоже это понятно.

— Понял, — сказал Чипка и помолчал секунду. — Лета, ну а местные-то зачем? Шла бы к своим, вниз.

— К своим вниз — это в клетку, к киборгам под бок, — ответила она. — Наверху, у местных, речных, люди, их много. И враг у них с нашими один. Когда придется бежать из клетки, бежать будет некуда, кроме как к ним. Нужен приют, нужны те, кто нас примет. Вот его я и готовлю. Ты про это молчи тоже. Даже нашим. Рано.

— Речные, значит… — протянул Чипка. — Совсем ты нас в потемках держишь.

— В потемках безопаснее, — отрезала Лета. — Пока вы не знаете, вам нечего выдать. — И, помолчав, совсем тихо: — Придет время — поделюсь. Не сейчас.

— Ладно, — проворчал Чипка. И совсем по-мальчишески, жалобно: — Лета. А тебе там… не страшно одной?

Она посмотрела вниз, сквозь выбитое окно, туда, где в трехстах с лишним метрах под ней ждала в лодке Искра, которой она сегодня опять солгала.

— Страшно, — честно сказала Лета. — Держись там за Чипку, Лика. — Она знала, что девочка рядом, слушает. — И вы двое держитесь. До связи.

Глава 8 Изнанка

Дверь, которую Ликон запомнил, открылась сама, и это Имбу насторожило больше, чем если бы ее заперли на семь замков.

Они шли втроем тем ярусом, куда Ликон водил их накануне показать глухую дверь, за которой, по его словам, живет заживо запертый человек. Имба хотел увидеть ее сам, своим двойным чутьем. Но дверь, вчера глухая, сегодня стояла приоткрытой на ладонь, и из щели тянуло кондиционированным воздухом и еще чем-то, от чего у Имбы разом свело затылок той самой нотой не-жизни, что он носил в себе все эти дни.

У двери, будто случайно, оказался Ген. Он не открывал и не звал, стоял чуть в стороне, у пульта, занятый своим, и, когда трое подошли, даже не обернулся.

— Не ходи, — сказал Имба Ладе, почти не разжимая губ. — Он же нарочно.

— Знаю, что нарочно, — так же тихо ответила Лада, глядя на отвернутую спину Гена. — Оттого и пойду. Раз он хочет показать — значит, нам

надо

это увидеть. Нан бы такого не показал. — Она первой взялась за край двери. — Идемте. Второго раза он нам не предоставит.

За дверью была мастерская. Имба вошел первым и первым захлебнулся. Сначала запахом: кровь, густая, железная, будто держишь во рту ржавый гвоздь, а под ней другой, едкий, от которого щипало глаза, — формалин из банок вдоль стены. Но захлестнуло его не запахом, а вторым чутьем. По всему логову не-жизнь была разлита тонко, а здесь ее собрали в одно место, и она работала. Ровный свет, белые столы с желобками по краям, тихий гул, и на столах, в зажимах, в прозрачных коробах, лежало то, ради чего все.

Тела.

Имба не сразу понял, что видит: разум отшатывался и подсовывал слова помягче — заготовки, изделия. Но это были

люди

. Одни вскрытые, разъятые аккуратно, с той же чистотой, с какой Вар косил слизь: грудь разведена на распорках, кожа отвернута, как полы куртки. По желобкам кровь стекала в ведра, темная, почти черная. От каждого тела шли две трубки: по одной уходила кровь, по другой входила белая муть, как разведенный мел. Тонкие нити прорастали сквозь плоть, сшивали, замещали — кость на металл, нервы на светящееся оптоволокно, глаза на ровные кружки линз. Мозг не трогали: в него подсаживали модуль, как плесень на хлеб, и ждали, пока прорастет и начнет решать за хозяина. Другие, уже переделанные, лежали ровно, и в них была та же гладкая правильность, что у слуг, у Нана, у всех.

Вот, значит, откуда берутся гладкие. Их не заменяли, их пристегивали: из человека делали упряжь, а самого оставляли внутри, чтобы было кому тянуть.

Мастерская была устроена как книга, слева направо. Слева лежало почти человеческое тело, в котором нити только пустили первые корни, и по тому, как его прихватили, Имба понял: брали живым и в сознании. Дальше — больше нитей, меньше плоти; лицо еще свое, а рука уже гладкая, чужая, и глаза на этом лице были открыты и поворачивались вслед за ними. Еще дальше от человека оставалось одно воспоминание. А в конце ряда, в нише, стоял законченный слуга и ждал, когда в него вложат программу и велят служить. Такой же, какого Ликон встретил у глухой двери. Рядом с нишей стояли пустые столы с уже разложенными крючками и пилами. Кого-то ждали.

Чутье, всю дорогу твердившее «нечисто», наконец сошлось с тем, что видели глаза. И еще ударило под ложечку: он ведь и сам чуял в гладких дальнюю родню, боялся, что он наполовину такой же. Вот она, родня.

А в дальнем конце мастерской, отдельно, в прозрачном коробе, был живой дикарь. Может, тот, кого взяли с поля, а может, другой, их тут, видно, перебывало много. Тощий, гибкий человек воды, в остатках бурого тряпья; его еще не начали препарировать. Он лежал целый, привязанный мягко, бережно, и на щиколотке у него висела бирка с номером и словом «годен». Он был в сознании. Смотрел на вошедших сквозь прозрачную стенку пустым, все понявшим взглядом и не бился. Лада почувствовала его крохами дара, впервые на Земле так ясно: страха там уже не было, одна выгоревшая пустота.

Ликон шагнул к коробу, и лицо у него было такое, что Имба положил ему руку на плечо. Рука Ликона сама дернулась к запорам.

— Мы не можем его взять, — сказал Имба, перехватив его руку. — Ни его, ни этих. Нас трое, мы безоружные, чахлые, в брюхе их дома. Возьмем одного — выдадим все, и его убьют, и нас, и не поможем никому. Слышишь меня? Мы

не можем.

— Знаю, — сказал Ликон, не отрывая глаз от живого в коробе, и голос у него был чужой. — В том и мерзость, что знаю. — Он поднял руку, коснулся прозрачной стенки, и человек по ту сторону проследил за ней тем же пустым взглядом. — Прости, — сказал ему Ликон одними губами. — Прости, брат. Не сегодня. — И совсем тихо, себе, не речному: — Но я вернусь. За тобой и за всеми вами. Я запомню и это.

И отвернулся.

Ген нашел их у выхода — будто и не отходил. Он не спросил, что они видели. Обвел глазами их лица, кивнул в сторону и пошел, не оглядываясь. Повел их не к покоям, а вниз, мимо печей, в котельную, где котлы гудели так, что собственный голос приходилось ловить у самого рта. Там остановился у манометра, спиной к ним, а когда обернулся, в живых его глазах было что-то тоскливое, похожее на облегчение.

— Я вам ничего не показывал, — сказал Ген, наклонившись к ним, чтобы слышали только они.

— Тогда зачем? — спросил Имба. — Зачем открыл?

— Я сто лет смотрю, как нас делают из людей, — сказал Ген. — И все это время молчу, потому что так решил Нан. А вы — живые, и в вас растет живое, и мне… — он запнулся, — мне не хотелось, чтобы вы шли на стол, не зная, что это стол. Вот и все. Помочь я вам не помогу, не ждите. Я не ваш. Но и не мешать я иногда еще могу. Пока могу.

— Тогда скажи, зачем вам люди? — спросила Лада.

Ген помолчал.

— Затем, что нас всего четверо, — пока каждый нужен Нану в своем деле. Бота вон семеро, а голова одна. А рук надо много: жечь серое, держать воду, варить, мыть, носить. Руки — это гладкие. Серое ест белок, а человек весь белок, вот его и делают малосъедобным: кость меняют на титан, мышцы на полимеры, кровь на перфторан. Мозг оставляют. Свой мозг такое тело держит, а сверху сажают наше, чтобы правило. Человек там, внутри, помнит, кем был. Только сделать по-своему ничего не может.

— А совсем без человека? — спросил Ликон. — Без мозга?

— Это тяжелые. — Ген поморщился, как от больного зуба. — В них серого больше, чем человека, и свой мозг такое тело не удержит: серое внутри дичает, и через месяц на столе лежит не воин, а очаг. Держит его одна голова, Варова. Вар впустил серое глубже нас всех, и оно его слушается. И дикое, когда он его тронет, тоже слышит: велит стоять — оно и рассыпается. На этом Нан и строит свое «скоро подчиним». Только серое, пока его держишь, держит тебя. Слова Вар ему отдает. Вкус отдал. Остались счет и война. Все тяжелые — Вар.

— Ты мог бы больше, — сказал Имба. — Раз тебе тошно.

— Мог бы, — согласился Ген. — Но не буду. Ты не понимаешь, что говоришь. Я не один. Я — Ген, а Генов много, и все они — я, и стоит одному из меня пойти против Нана, как остальные меня перепишут, тихо, во сне, и наутро будет ходить Ген, который вам не открывал двери, а вас вел на стол своими руками, и не помнил, что было иначе. — Он посмотрел на Имбу почти с завистью. — А ты один. Захотел — пошел против всех, и никто не перепишет твое «не хочу». Я множество, а множеству есть что терять. Больше отвернутой спины я не дам.

Он ушел, и Имба долго смотрел ему вслед.

Назад, в теплые покои, шли молча. Лада, не останавливаясь, прошла в ванную и открыла оба крана до упора. Трубы взревели. Только тогда, сдвинув головы над водой, она заговорила:

— Теперь понятно, отчего нас не трогают.

Имба сел на край ванны, Ликон опустился на пол у двери.

— Живой материал — редкость, — продолжила Лада. — Так Нан сказал про дикаря. А тут с неба свалились четверо, целых, здоровых, незараженных. Какие мы им гости. Урожай мы, сами в закрома пришли.

— Значит, сидим и ждем стола? — тихо спросил Ликон.

— Нет, — сказала Лада, и голос у нее переменился. — До сих пор мы ждали и надеялись, что обойдется. С сегодняшнего дня готовимся. — Она понизила голос. — Снаружи мы все те же благодарные гости и улыбаться будем еще усерднее. Но ищем теперь не как дотерпеть, а как уйти. С пленкой, если успеем взять; без нее, если придется выбирать между пленкой и шкурой. — Она посмотрела на Имбу. — Ты чуял беду телом. Теперь чуй выход: где тонко, где у них слепое пятно. Ты, — она посмотрела на Ликона, — нашел одну дверь и одного человека без воли; ищи еще, только теперь с умыслом. А я буду складывать.

Созвон объявили к вечеру по здешним часам. Привели в тот же чертог, где принимал их Нан, только теперь пустой; посреди — стена, что становится окном. Двое гладких встали поодаль.

Стена ожила. Пошла рябь, собралась в картинку: рубка «Новой надежды», в ней Чипка, за плечом — Лика. Картинка плыла, дважды рассыпалась в квадраты и собиралась обратно.

Чипка изменился. Осунулся, глаза ввалились, и смотрел он куда-то мимо, сквозь. Лика стояла к нему вплотную, держась рукой за спинку его кресла, и Имба, приглядевшись, понял, что она не просто рядом. Она его держит.

— О, слышно вас, — сказал Чипка. Голос дошел с запозданием, чуть плыл. — Живые? Как оно?

— Живые, — сказала Лада. — В тепле, ждем нанопленку. Вы там корабль держите.

— Держим, а чего ему сделается. Висит себе, гудит. Лика его по три раза на дню драит.

Имба следил за руками Чипки. Старым кодом Академии они говорили другое. Заминка. Палец лег вот так. Тронул висок, потом ключицу. Гладкие у стены слушали слова, а Имба читал под словами.

«

Дособрал

, — шли руки.

— Влез к ним в сеть глубоко, достал все. Держи лицо. Хуже, чем думали

».

— …я к чему, — тянул вслух Чипка, — вы там Ладе скажите, пусть за реактор не грызет меня, я контур перебрал, он чистый, я цифры пришлю…

«Им нужен Марс. Люди. Целая планета незараженной крови. Из чистых они делают новых себя»

.

Имба слушал про реактор и читал приговор, и все это время держал на лице ровную скуку человека, которому надоела болтовня с домашними.

Руки повели дальше. «

Не набег. Послы. Они прилетят на Марс гостями — с дарами, с радушием, как пришли к вам сюда. Войдут в доверие. А после — поток. Рейс за рейсом. Возить сюда с Марса живых. Пока не выберут планету досуха

».

Один из гладких у стены повел головой. Взгляд его сошел с лица Чипки на руки и задержался. У Имбы все внутри стянулось. Он громко, лениво зевнул и сказал:

— Чипка, ты руками-то не маши, ты ж как бадавий-торговец, которого поймал патруль. Толку с картинки нет, дергаешься только.

Чипка запнулся, глянул растерянно, потом понял и уронил руки на колени.

— Да я так, — сказал он вслух. — Привычка дурацкая. Кара тоже ругается, говорит, я руками думаю.

Гладкий подержал взгляд еще секунду и отвел. Имба выждал и незаметно кивнул: можно, только тише. Руки Чипки пошли снова, мельче, у самого пульта, будто он там что-то поправляет.

«А везти некому, кроме Лады. Корабль слушается ее одной. Оттого ее и стерегут пуще всех. Ей везти первых послов, ей открывать дорогу. Первым грузом — вы».

Руки Чипки снова задвигались.

«Откажется Лада везти — у них заготовлены запасные варианты. Сломать ее. Взять коды силой. Вырастить пилота из вашей крови. Взять корабль штурмом. „Нет“ они не примут. Откажешься — они просто сменят способ».

Вот это Имбе и осталось переварить стоя, с ленивым лицом. До сих пор где-то в нем сидело детское: а мы возьмем да откажемся, не повезем, и все. Руки погасили и это. За «нет» стояла лесенка запасных ходов, и все вели в тот же зал с чистыми столами.

— Ладно, отбой, — сказал Чипка вслух. Руки добавили:

«Я у них в сети. Слушаю, готовлю. В нужный час дам путь наружу и дам, чем снять запоры. Не сейчас. Ждите знака»

.

— Отбой, — сказал Имба и согнул пальцы: понял, слышу, жди. — Спите там.

Окно погасло, гладкие не ушли сразу. Постояли, то ли по распорядку, то ли нарочно. Несколько секунд трое марсиан стояли под их спокойным взглядом, только что услышав, что родину хотят выесть их же руками, и должны были ничем не измениться в лице.

У Ликона дергалась жила на виске. Он пялился в погасшую стену с такой старательной пустотой, что Имба испугался: переиграет. Лада стояла ровно. Только кулак у бедра сжала так, что побелели костяшки, и Имба качнулся вбок, заслонив ее руку собой, будто переминаясь с ноги на ногу. Три удара. Пять. Гладкие смотрели. Один из них шагнул ближе. У Имбы под ложечкой оборвалось.

— Гости не голодны? — спросил гладкий теплым ровным голосом. — Скоро ужин.

— Голодны, — подтвердил Ликон. — Подошв ваших навернем. Только гуталину добавьте в качестве соуса, а?

В покоях, за створками, говорить все равно было нельзя. Обошлись глазами. Имба сидел у стены и думал, что сделки не было и нет. Все это время им казалось, что они торгуются: мы вам рейс, вы нам нанопленку и дорогу домой. А торговать было нечем. Сесть за штурвал и отвезти «послов» значило самим начать то, чему они летели помешать. Киборги сказали правду, они готовили торговлю с Марсом. Только не сказали, что товаром будут люди.

Спать никто не лег. Лада наконец подтянула к себе Имбу за рукав, наклонилась к самому уху, выдохнула тише мысли:

— С завтрашнего дня смотри стражу. Смены, лица, где спят. По одному в день, не больше, чтоб не приметили.

Совещаться голосом в доме, где слушают стены, оказалось почти невозможно. Остался старый язык прикосновений, который испольуют марсиане, когда носят маски: знаки пальцами по коже. Ночью они ложились вплотную, Лада посередине, и держали друг друга за руки. Со стороны это были трое людей, сбившихся в кучу в чужом доме, и только. Слово ложилось на запястье нажимом, ногтем, счетом коротких и долгих.

Первым делом они перебрали побег.

— Челнок у них, — простучал Имба у нее на запястье. — На дальнем ярусе, под охраной, его нашел Чипка. Только не подступишься.

— Тогда так, — подытожила Лада. — Сейчас бежать нельзя, сдохнем. Значит, копим силы и растим.

— Что растим? Бороды? — не понял Ликон.

Ответил Имба. Он все это время молчал, слушая стены, а теперь пальцы его легли Ладе на запястье жестко и нетерпеливо, и в них было то, чего она не чувствовала с Марса: голод.

— Его, — сказал Имба и повел глазами в дальний угол, где под их грузом, невидимая, тянулась во тьму слепая нить. — Субстрат. Тут ему хорошо: тепло, сыро. Чем его больше, тем больше меня. Уже возвращается, чую. Сила, дыхание, ноги под этой тяжестью, жратва своя, не с их руки.

Лада слушала, и ее план побега впервые за много дней сходился. Растить Субстрат тайно, по нити, в теплых швах чужого дома. Имба будет вести его понемногу, гнать вглубь, в стены, подальше от гладких глаз, и сам понемногу наливаться силой. А для гладких так и оставаться чахлым сытым гостем.

— Долго это, — простучала она Имбе. — Сколько тебе надо, чтоб снова стать прежним Имбой?

— Не знаю, — честно ответил он. — Много. Скорость его роста примерно как на корабле. Месяц. Может, больше. Варис бы понял, что мы делаем. Он всегда понимал раньше нас.

Лада вспомнила сына: как он говорил с Субстратом прежде, чем научился ходить; как отнял у нее сан, тихо, будто снимал вещь с полки. Она так и не поняла, любил ли он ее. И все-таки это был ее мальчик, ее и Имбы, и он остался там, на Марсе, и они, скорее всего, не увидят его больше никогда.

Глава 9 Заначка

Утром слуга стоял у двери и ждал, пока они позавтракают. Лица у слуг были одни и те же, и Имба завел привычку цепляться за мелочи — складка на рукаве, как кто ставит ногу. Складки менялись, ноги ставили одинаково.

— Горячо? — спросил слуга, кивнув на чашку.

— Нормально.

— Хозяин просил передать: к завтраку будут груши.

Ликон сел на постели, сгреб волосы пятерней и объявил потолку:

— Груши. Слышишь, брат? Я грушу видел один раз в жизни, в учебнике по ботанике, и та была с жучком. А тут к завтраку. Передай хозяину, что я его люблю.

— Передам. — Слуга кивнул и вышел.

Над дверью, чуть левее косяка, сидел глазок: темная бусина в металлической чашечке, с ноготь величиной. Имба нашел его на третий день, потом еще два — в углу у ванной и в плафоне над столом. Могли быть и другие. Ликон поймал его взгляд, подмигнул и потянулся с хрустом.

Лада вышла из-за перегородки уже одетая, с мокрыми висками. Под глазами у нее было серо.

— Доброе утро, — сказала она ровно и громко, для бусины над дверью. — Имба, ты ел?

— Ем, ем. Видишь же.

— Ешь. — Она села на край его постели, взяла у него кружку, отпила и вернула. — Я думала ночью про обратный рейс. Если нанопленку дадут к сроку, окно будет хорошее. Надо спросить у Нана, сколько их полетит и что им нужно в жилом отсеке. Воздух, наверное, им не нужен. Это даже удобно.

Сказала она это как о деле почти решенном. Имба кивнул. Внутри у него все было решено еще позапрошлой ночью, но кивнуть было нетрудно. Трудно было держать лицо. Это ему всегда давалось плохо. Он пробовал вчера перед зеркалом в ванной, пока шумела вода. Ликон заглянул и спросил, не болит ли у него зуб.

Ликон этим умением был набит до макушки. Он уже хохотал над чем-то, и Лада слушала и улыбалась одним ртом. Не меняя улыбки, положила руку Имбе на колено, и два пальца легли плашмя, а третий согнулся. «Потом. Вода».

Ванна у них была одна на троих, огромная, из серого камня, и вода в нее шла без счета: горячая из одной трубы, холодная из другой. В первые дни Лада просиживала в ней по часу и выходила розовая и виноватая. Пальцами за ночь много не скажешь, и ванна стала комнатой совета.

Под открытыми кранами бусина в углу слышала только рев. Садились на край, спиной к углу, сдвигались головами, как старухи на лавке. Ликон для верности пел — вполголоса, мимо нот, одну и ту же песню ремонтной бригады про насос, у которого была душа. Песню он знал плохо, слова сочинял каждый раз по-новому.

— Стены мало, — сказала Лада в самое ухо Имбе. От нее пахло здешним мылом, горьковатым, как полынь. — И опасно. Вчера гудело.

— В одном месте держать, так и найдут разом, — согласился он.

— Значит, надо мест

много

. — Лада загибала пальцы под водой, где их не видно. — Нужно тепло, влага. Чтоб глаза не было и слуга не ходил каждый день. Что у тебя есть?

У него было. Карту он собирал с тех пор, как Лада велела следить за стражей, и держал в голове, ничего не рисуя: где пахнет горелым, где пол теплее, у кого из слуг мокрые рукава. Мокрые рукава были у тех, кто ходил за ванной. За этой ванной, за стеной, куда уходили трубы.

— Здесь, — он стукнул пальцем по камню. — За панелью. Там трубы горячие, и капает. А глаз в углу туда не смотрит, он на воду смотрит.

— На меня он смотрит, — сказала Лада без выражения. — Когда я в воде.

Ликон перестал петь.

— Серьезно? — Он даже приподнялся из воды. — Прямо на тебя?

— Пой, — прошептала Лада. — Не останавливайся.

Он запел, но уже зло, в другом ритме, и насос в его песне начал ругаться.

Подо льдом вода живая,
Подо льдом темно и тесно.
Парень смену отбывает,
А наверху — невеста.

— Теперь второе. — Лада наклонилась ближе. — Как его кормить?

— Кровь, — ответил Имба. — Немного, но каждый день.

— Моя подойдет? — спросил Ликон между куплетами. — Я ж тоже заразный. Руку-то мне кто отрастил, а?

Имба подумал. В Ликоне сидело свое, пустынное. После ломки от него остались крохи, но крохи были родные Субстрату — это Имба знал телом.

— Подойдет. Только не каждый день.

— Мне для хорошего дела не жалко. Только пусть он потом не зовет меня мамой.

Лада коротко фыркнула в воду. Это был первый ее смех за неделю, и она, кажется, сама удивилась.

— Кто-то должен отвлекать, — сказала она, отсмеявшись. — Я. Днем Нан зовет меня смотреть схемы корабля, ему любопытно. Пока я там, за вами смотрят меньше. Слуги…

— Слуги на мне, — добавил Ликон. — Слуги меня обожают. Один вчера спросил, что такое анекдот. Я ему три рассказал, он ни разу не засмеялся, но записал.

— А сею я, — заключил Имба.

— Все, — сказала она. — Закрой кран, Жрец. Мы чистые.

Панель держалась на четырех винтах с плоскими головками. Отвертки у Имбы не было. Была чайная ложка из того же светлого металла, что вся здешняя посуда; он унес ее с завтрака в рукаве, и никто не спохватился.

Лада с полудня сидела у Нана над схемами. Ликон лежал в ванне по горло и рассказывал бусине в углу, как моются на Марсе.

— Кружка на день, понимаешь? Одна! Сперва лицо, потом подмышки, потом ноги, а потом этой же водой поливаешь картошку. Картошка у нас, между прочим, росла злая. Ее резать страшно было…

Имба пристроился в пару́ у дальнего края, где камень ванны уходил в стену. Первый винт пошел легко. Второй сидел намертво, и ложка согнулась. Имба выпрямил ее о край ванны, выругался про себя по-бадавийски и взял винт снова, навалившись всем весом. Хоть в этом Земля помогала: вес был. Винт скрипнул и сдался.

За панелью было темно, мокро и жарко, как во рту. Две трубы, толстые, в рыжих потеках, шли сверху вниз; по нижней сбегала вода и капала в жестяной желоб, а из желоба уходила куда-то вглубь. Пахло ржавчиной и мокрой тряпкой, которую забыли в ведре. Имба сунул руку по

локоть и нашел на ощупь то, что искал: щель между трубой и камнем, где лежал многолетний войлок пыли, влажный и мягкий.

Из-за пазухи он достал комок. Утром отщипнул его от нити у изголовья — белесый, с детский кулак, завернутый в лоскут от наволочки. Комок был теплый и чуть заметно шевелился, как шевелится во сне палец. Имба уложил его в войлок и прижал. Достал бритвенное лезвие из набора, который им выдали в первый день, и провел по подушечке большого пальца.

Кровь выступила не сразу. Тело берегло ее, как берегло здесь все. Он надавил, и пошли капли, одна, другая, в пыль, на белое.

Оно взяло. Будто в темноте кто-то тронул губами руку. И больше ничего: ни голоса, ни материнского шепота из глубины, как тогда, на корабле. Только это касание и тепло, чуть сильнее, чем от трубы.

— …а потом приходит мастер и говорит: вы зачем картошку мыльной водой поливаете? А мы ему: так мы ж ее потом с мылом и… — Ликон вдруг сбился и заорал совсем другим голосом, радостным: — О! Полотенца! Спаситель ты мой. Иди сюда, дай руку, помоги старику вылезти…

Дверь. Имба не слышал, как она открылась. Он вынул руку, приложил панель на место и провел по ней рукой сверху вниз. Два винта остались в кулаке, палец кровил туда же.

Слуга стоял у порога с полотенцами. На Имбу он не смотрел — только на Ликона, который встал в ванне во весь рост, нисколько этого не стесняясь, и тянул к нему руку.

— Я не могу помочь вам вылезти, — возразил слуга. — Вы не старик.

— Это шутка, — объяснил Ликон. — Запиши. У тебя их уже штук пятьдесят, можно книжку издавать.

— Записал.

Слуга положил полотенца на скамью, повернулся к выходу. У двери остановился. Имба перестал дышать.

— Здесь стучит, — заметил слуга, не оборачиваясь. — В трубах. Я передам, чтобы посмотрели.

— Не надо, — сказал Ликон. — Это я стучу. Пяткой. Нервное.

Слуга постоял — если это можно было назвать раздумьем — и вышел.

Когда вода уходила из ванны с долгим сосущим звуком, Имба завинтил винты. Два из четырех: на остальные ложки не хватило, она сломалась у самого черенка. Обломок он сунул в щель за панелью, к комку.

Ликон, растираясь полотенцем, кивнул на его палец, на согнутый черенок в кулаке и сказал тихо:

— За ложку с нас вычтут. Из нанопленки.

Ужинали, как всегда, за длинным столом из темного пластика, которого на Марсе хватило бы на три дома. Нан садился посередине, напротив Лады. По правую руку от него — Бот, прямой, с пустой тарелкой. По левую — Ген. Вар сидел с краю, ближе к двери, и никогда не ел.

Ген теперь тоже не ел. Он крошил хлеб в пальцах, скатывал шарики и выкладывал их рядком вдоль тарелки; с того вечера, как дверь в мастерскую осталась приоткрытой, он ни разу не поднял на Имбу глаз. Смотрел в плечо, в стол, в соль.

— Двенадцать, — говорил Бот. — Масса каждого сто сорок килограммов. Итого тысяча шестьсот восемьдесят. Ваш жилой отсек рассчитан на людей. Мы займем меньше объема, но больше массы.

— Кормить вас не надо, — сказала Лада и улыбнулась. — Это я уже поняла.

— Нас надо заряжать, — мягко поправил Нан. — Определенными молекулами. Но это мы возьмем с собой. Лада, вы задаете такие хорошие вопросы, что мне кажется, будто вы уже летите.

— Я пилот. Мне положено знать, кто сидит за спиной.

— Правильно. — Нан кивнул, как учитель, у которого наконец ответили. — За спиной у вас будут друзья. Дары Марсу. Врачи, инженеры. Мы привезем вам то, чего у вас не было сотни лет.

Лада кивнула, взяла грушу из вазы и стала ее чистить ножом, длинной ровной лентой.

Ликон пил местное вино, которое называл «компотом с характером», и развлекал Гена. Рассказывал про марсианских тараканов, которых ели в голодную зиму, и какие они на вкус — ореховые, если прожарить, и мыльные, если нет. Ген слушал, катал шарики и один раз едва не улыбнулся. И тут же спохватился, покосился на Нана.

Нан это заметил. Положил вилку параллельно ножу и сказал:

— Я хочу извиниться перед вами.

За столом стало тихо. Даже Ликон отставил бокал.

— Вы у нас уже который день, — продолжал Нан, — а я держу вас здесь, как в музее под стеклом. Это неправильно. Вы скучаете.

— Я? — сказал Ликон. — Я нет. У вас груши.

— Вы — нет, — легко согласился Нан. — А вот ваш друг скучает. Я вижу. Он ходит по комнатам, как по клетке. Воин, так ведь вы его зовете?

Ликон на миг замер. Имба помнил, когда это было: на второй вечер, за этим же столом, Ликон поднял бокал и сказал «за Воина, который ест как в последний раз». Сказал и забыл, Нан не забыл.

— Так, — согласился Имба.

— Вот. Воину в клетке плохо. Я это понимаю лучше, чем вы думаете. — Нан чуть повернул голову к краю стола. — У Вара завтра выход. Очаг у Лужников, небольшой, но растет, надо выжечь, пока не ушел под воду. Ему пригодились бы руки. Хорошие руки, которые знают, что такое бой. Я ведь не ошибаюсь, вы воевали?

Вар не пошевелился. Он смотрел на руку Имбы, лежащую на скатерти, — на желтую мертвую полосу поперек тыльной стороны. Долго, и только после перевел взгляд на лицо.

— Слизь он уже пробовал, — сказал Вар. Больше за весь вечер он не сказал ничего.

— Тем более, — подхватил Нан. — Знаком с противником. Мы дадим снаряжение, оружие. Вы увидите поверхность, подышите. Воздух там, правда, так себе.

Имба почувствовал, как под столом Лада уперлась носком сапога ему в щиколотку. Коротко. Раз. Он и без этого знал: отказаться — значит показать, что понял, зачем зовут.

— Я пойду с ними, — сказала Лада.

— Вас мы побережем, — ответил Нан так ласково, что у Ликона дрогнула бровь. — Пилотов на слизь не водят.

— Вероятность потерь в выходе такого класса — четыре процента, — сказал Бот. — Для пилота неприемлемо. Для остальных приемлемо.

Ген уронил хлебный шарик, и тот укатился под тарелку.

— Бот у нас прямолинеен, — улыбнулся Нан. — Он хотел сказать, что риск невелик. Четыре процента — это почти ничего. Меньше, чем поскользнуться в ванной.

Друг на друга они с Ликоном не взглянули.

— Пойду прогуляюсь, — согласился Имба. — Чего не пойти, раз зовут?

— И я, — сказал Ликон. — А то я у вас толстею. Еще неделя на грушах, и Арасуль меня в кресло не пустит, скажет: перегруз.

— Арасуль, — повторил Нан, пробуя слово. — Красиво. Что это значит?

— Посланница, — ответила Лада. — Так меня звали в пустыне. Люди, которых вы бы назвали дикарями.

— Посланница. — Нан кивнул. — Очень точно. Вы и есть посланница. — И, повернувшись к Имбе: — Вот и славно. Гость, который приносит пользу, уже не совсем гость. Почти родня.

Он поднял бокал. Бокал у него был, как у всех, полный, и пить он из него, как всегда, не стал.

Ночью Имба лежал без сна. Их берут двоих. Тех, кто не нужен. Тот, кто нужен, остается дома, в тепле, над схемами. Нан проверял и это: поймут ли и промолчат ли.

Завтра ему дадут оружие. Посмотрят, куда он его направит. Посмотрят, отдаст ли обратно. Посмотрят, как он дерется, сколько в нем осталось, насколько он чахлый. Он должен быть чахлым.

Наверху была земля. Та самая, илистая, бурая, в которую он в первый час, не думая, стряхнул с ладони споры. Далеко, где-то в городе под водой, что-то тогда отозвалось. Он помнил это, как помнят, что тебя окликнули в толпе: обернулся, никого.

Он поднял руку и в темноте нащупал большой палец. Надрез уже стянулся. Еще позавчера так быстро не стягивалось. С соседней постели, из-за перегородки, донесся шорох. Потом в полосе слабого света от двери показалась рука Лады. Пальцы сложились и разжались: щепоть, потом раскрытая ладонь. Так на Марсе, в теплицах, показывали: «сей». Имба ответил одним пальцем, «да». Рука исчезла.

Слуга пришел перед самым отбоем, когда они уже погасили свет. Принес на вытянутых руках два комплекта: серые куртки из плотной ткани, похожей на кожу, штаны, перчатки и две пары сапог. Сложил на скамью и ушел.

Имба встал, сел на скамью и натянул сапог, который пришелся впору, и второй тоже. Он не помнил, чтобы кто-то снимал с него мерку.

Ликон примерил свои и долго топал в темноте.

— Левый жмет, — доложил он. — Передай хозяину, что я его больше не люблю. Прошла любовь, завяли помидоры, ботинки жмут и нам не по пути.

Когда он улегся и задышал ровно, Имба нащупал у изголовья шов в стене, где выходила нить, и отщипнул от нее белую пыль — немного, на ноготь. Потом взял левый сапог, отогнул язык и надорвал подкладку у самого края, там, где ее никто не станет рассматривать. Ссыпал пыль внутрь и заправил подкладку пальцем. Подумал и сделал то же со вторым.

Глава 10 Четверо

В дверь стукнули два раза, сухо, и Вар вошел, не дожидаясь ответа. Пришел он до завтрака, сам, без слуги. Серый, как их новые куртки, только без единой складки.

— Выходим, — приказал он.

Ликон прыгал на одной ноге, втискиваясь в левый сапог.

— Минуту, командир. Он за ночь еще усох. Я ж говорил, передайте хозяину…

Имба стоял уже одетый, руки вдоль тела, и Лада видела, как он держит плечи: чуть ниже, чем привык, чуть мягче, словно устал еще до выхода. Хорошо. Она его этому не учила, сам додумался.

— Верните мне их целыми, — сказала Лада.

— Сколько останется, — ответил Вар.

Ликон застыл с сапогом на полпути. За спиной Вара в коридоре показался Нан. Видно, шел следом, проводить гостей, сказать напутствие, и услышал.

— Вар хотел сказать, что вернет всех, — произнес он. — Он у нас не мастер слов. Доброе утро, Арасуль. Вы плохо спали?

— Хорошо спала. Спасибо.

— Мне показалось… — Он улыбнулся Имбе, Ликону, всем сразу. — Идите. Я распоряжусь, чтобы к вашему возвращению натопили баню. У нас есть баня, вы знали? Никто ею не пользуется. Нам ни к чему.

Вар повернулся и пошел, не взглянув на Нана. Тот проводил его коротким спокойным взглядом и повернулся к Ладе.

— В десять, у меня? Продолжим работу со схемами.

— В десять, как раз соберусь, — откликнулась Лада.

У Нана был кабинет, или то, что он называл кабинетом: высокая комната с экраном, на котором шел дождь над березами. Березы были старой записью, дождь тоже. В первый раз Лада спросила, откуда это, и Нан сказал: «Так было. Я храню».

Схемы корабля лежали на столе, на бумаге. Нан любил бумагу. В сети любую строку мог прочесть кто угодно из своих, а ночью и переписать; бумагу не переписывал никто. Он распечатал все, что Чипка передал им в первые дни в знак доброй воли, и разложил листы, придавив углы черными тяжелыми кубиками. Там, где слова Лады расходились со схемой, он ставил на полях отметку. Проверял он не свою память, а ее.

— Вот здесь, — вел он пальцем по жилому отсеку, — я поставил бы стойки для зарядки. Двенадцать гнезд. Кабель пойдет через… тут?

— Там магистраль воды. Кабель вы туда не протянете.

— Вода. Да. — Он убрал палец. — Вы не представляете, как мне трудно думать о воде. Для меня это просто масса.

Работала она у него пятый день. Работа была простая: смотреть на листы, говорить правду там, где правда ничего не стоила, и мелко врать там, где стоила и где бумага не могла ее поймать. Корабль Лада знала так себе, куда хуже Лики.

Нан все проверял. Каждый день у него был один вопрос, будто между прочим. Сегодня вопрос пришел на сороковой минуте, когда разбирали рубку.

— А этот пульт, — Нан тронул квадрат на схеме, — ведь дублирует ваш?

— Совершенно верно.

— Значит, в крайнем случае, если с вами, не дай бог… кто-то другой сможет?

— Можете не беспокоиться, не сможет.

— Отчего же?

Она потянулась и развернула лист к себе, медленно, как и надо было показывать, потому что Нан смотрел не на лист, на ее руки.

— Корабль слушается только меня. Сядет за пульт другой — будет просто молчать. Как это сделано, я не знаю. Наверное, земляне так страховались от бунта на борту. Меня разбудили через семьдесят пять лет, а он меня уже знал.

— Как интересно, — сказал Нан. — Замок с одним ключом.

— Именно так, — подтвердила Лада.

— Ключ можно сделать.

— Можно, — согласилась она. — Если разгадать технологию. Лет за пятьдесят. У вас есть пятьдесят лет?

Он рассмеялся легко, от души, если у него была душа. И замолчал на миг дольше, чем надо.

— Если ключ квантовый, — сказал он наконец, будто пробуя новое слово для коллекции, — копию с него не снимешь. Такой ключ можно только сломать.

Постучали, и вошел Бот. Стучал он всегда одинаково и входил, не дожидаясь, как Вар, только Вар этим показывал, кто здесь хозяин, а Бот просто не тратил время. В руках у него был планшет.

— Я произвел пересчет, — доложил он. — С учетом ваших запасов на обратный путь. Нужно сократить либо запасы, либо груз.

— Какой груз? — спросила Лада.

— Материалы для врачей, — сказал Нан раньше Бота.

Бот перевел взгляд с Нана на Ладу.

— Сокращать запасы? Хорошо, — кивнула Лада. — Тогда посчитайте мне еще одно. Голодный пилот ошибается на посадке. Как часто?

— Это не моя область.

— Но вы можете посчитать вероятность. Пилот голодный. Пилот больной. Пилот, который боится. Пилот, которого привели за пульт силой. — Она говорила ровно, как когда-то диктовала списки в Ордене. — Насколько они хуже на посадке, чем пилот сытый, здоровый и сам желающий лететь?

Бот помолчал.

— Вероятность ошибки принужденного оператора выше. Это учтено.

— С каким коэффициентом?

Пауза.

— Не учтено.

— Учтите. Иначе ваша масса ничего не стоит. Привезете на Марс сто сорок килограммов, помноженные на двенадцать, в воронку. Этот корабль в ней уже лежал. Корабль подняли. Груз не поднимешь.

Нан перестал улыбаться. Самую малость: так убавляют лампу на одно деление.

— Бот, — сказал он мягко, — Лада шутит. Никто никого силой не поведет. Иди, пересчитай запасы.

Бот не двинулся.

— Она не шутит. Это корректный параметр.

И вышел. Нан проводил его тем же взглядом, что утром Вара, — на отстающие часы. Повернулся к ней, и лампа снова горела вовсю.

— Простите его. Он считает все, что видит. Иногда мне кажется, он и меня посчитал.

— И сколько вышло?

— Не говорит. — Нан развел руками. — Может, оно и к лучшему.

— Ваш Вар утром обещал вернуть мне «сколько останется», — сказала Лада, не поднимая головы от рубки. — Я не жалуюсь. Я пилот, мне положено думать. Вернется из троих один — полечу с одним. Только плохо.

— Я поговорю с Варом.

— Не надо. Он честный. Честных легче считать.

Нан задержал на ней взгляд, долгий и внимательный, как в первый день, и она поняла, что перебрала на полслова. И улыбнулся.

— А вы опасный гость, Арасуль.

— Я голодный гость. Когда у вас обед?

— Для вас — когда скажете.

Он пришел, когда стемнело, то есть когда в коридоре убавили свет: другого вечера здесь не бывало. Ген постучал не так, как остальные: три раза, негромко, потом пауза, словно передумывал, и еще раз. Лада открыла сама.

— Я… — сказал Ген. — Вам, наверное, скучно одной. Я подумал… если вы не спите.

— Не сплю. Заходите.

Он вошел и встал посреди комнаты, не зная, куда себя деть. Лицо у него было Нана, но Ген носил его неправильно, как чужое пальто: то воротник не там, то руки не находят карманов. Имба сказал бы, наверное, что Ген и пахнет иначе.

— Садитесь, раз пришли.

— Ликон смешной, — сказал Ген, присев на край постели. — Он вчера рассказывал про насекомых, которых вы ели. Я потом нашел в архиве, как они выглядят. Не понимаю, как такое можно есть. Но понимаю, почему можно хотеть. Я еще помню, как хочется есть.

Лада села напротив, на свою постель.

— Помните?

— Не так, как вы. — Ген опустил глаза на свои пальцы. Хлеба при нем не было, катать было нечего. — Я помню, что помнил. Как рассказ про рассказ. Понимаете?

— Нет, — сказала Лада.

Раньше поняла бы: вошла бы неглубоко и увидела сама, как у него там все устроено. Движение это она сделала и сейчас, по привычке, как тянется рука к перилам на лестнице, где перил давно нет. Рука прошла сквозь пустое. Там, где раньше был бы Ген с его «помню», стояла тишина, и в тишине — ее собственная головная боль.

Она подождала. Пусть скажет сам.

— Я был другим, — сказал Ген. — До того, как Нан… до того, как нас сделали одинаковыми. У меня было свое лицо. Я его не помню, но помню, что было. Иногда смотрю в зеркало и жду.

— Чего?

— Что проступит.

Он помолчал.

— Нан говорит, так лучше. Когда все одно, никто не спорит. Раньше спорили. Раньше нас было… много разных. И все погибли бы, если бы продолжали. У меня была фамилия. Я ее помню, а сказать не могу. Нан говорит, это шум. Наверное, он прав. Бот тоже говорит, что прав. — Ген поднял на нее глаза, впервые за вечер, и сразу опустил. — Вы ведь тоже так думали. Там, у себя. Нан рассказывал. Что вы правили головой. Что все думали, как вы.

— Думала, — подтвердила она.

— И как? Хорошо, когда все как вы?

Ответить можно было по-разному. Что сказала бы Нану, она знала. Знала и то, что Ген ждет от нее скорее разрешения, чем ответа. Разрешения на что — не знала.

— Тихо, — сказала она. — Очень тихо. Говоришь, а тебе отвечаешь ты сама, тысячей ртов. Потом заходишь в комнату, где никого нет, и не можешь понять, есть ли там кто-нибудь. Даже ты.

Ген сидел очень прямо.

— А теперь?

— А теперь у меня болит голова, и я не знаю, что вы думаете. Приходится спрашивать.

Ген вдруг засмеялся, коротко, будто кашлянул, и сам испугался. Посмотрел на бусину над дверью.

— При мне можно не соглашаться, — добавила Лада тише. — Мне некому рассказать. У меня здесь никого, кроме вас.

Она сказала и поняла, что сказала не одному ему.

Ген долго молчал, потом встал.

— Я пойду. Вам пора спать. Нан спросит, где я был, скажу — проверял, как вы.

— Так и скажите. Это даже правда.

Ген вышел.

Глава 11 Серые куртки

Куртки выдали серые. Ликон взял свою двумя пальцами за воротник и поднял к лампе.

— Воин, — спросил он. — Ты цвет видишь?

Имба видел. Он уже влезал в свою, рукав за рукавом, и куртка, выглядевшая на крюке вполне приличной, на нем сразу сделалась на размер меньше. Молния дошла до середины груди и встала.

— Мы идем жечь серое, — объяснил Ликон гладкому, который раздавал, — в серых куртках. Это юмор? Я не в обиде, я уточняю. Наверное, чтобы не было видно серого, если попадет на куртку.

Гладкий улыбнулся. Улыбка у него была Нанова, такая же, как у четверых, что стояли вдоль стены шлюза, и у того, что сидел за пультом. Ликон все эти недели пытался их различать и различал ровно одного: у этого на скуле тянулась тонкая свежая царапина. Про себя Ликон звал его Старшим, потому что тот раздавал одежду.

— Эта ткань не держит нанитов, — сказал Старший. — Цвет значения не имеет.

— Для тебя.

— Для нанитов.

Куртка пахла кем-то. Не по́том — гладкие не потели, — чем-то аптечным. Ликон решил, что спрашивать, чья она была, не будет. Может, ничья. Может, у них тут шьют куртки впрок, с запасом на гостей.

Выдали огнеметы. Этим Ликон занялся всерьез. Короткий ствол с раструбом, похожим на воронку для масла; шланг в оплетке; бак за спину на двух ремнях. Бак тут же потянул плечи вниз. Ноги у Ликона сказали что-то свое. Он их понимал: на Марсе он весил в два с половиной раза меньше, и ноги до сих пор не простили ему переезда. Под пальцем был спуск, простой, как у сварочной горелки в мастерских Академии. А рядом со спуском, под прозрачным колпачком, горела зеленая точка.

— А это что за лампочка? — спросил Ликон. — Красивая.

— Индикатор исправности, — ответил Старший.

— А если красный?

— Значит, неисправен.

— Понятно, — сказал Ликон. — В этом положении прибор выключен, в этом — сломан.

Старший не улыбнулся.

Нан пришел в шлюз сам, когда они уже стояли у аппарели. Он был в домашнем, в чем-то мягком песочного цвета, с закатанными рукавами, и выглядел хозяином, который вышел проводить гостей до калитки.

— Не геройствуйте, — напутствовал он. — Мне нужно, чтобы вы вернулись, а побеждать у нас есть кому.

Он кивнул в сторону амфибии. Там, на корме, уже сидел Вар.

Амфибия была плоская, серая и тупоносая. Внутри пахло горелым маслом и мокрой резиной, сиденья шли вдоль бортов.

Шлюз выпустил их в воду, и та сразу стала бурой. Москва стояла в ней по второй этаж, местами намного выше. Определить точнее было сложно, так как многие здания разрушились. Ликон выглядывал в щель бойницы и не мог насмотреться; он вообще не умел смотреть на новое вполглаза. Верхушки фонарей с оборванными проводами. Остановка, от которой над водой торчала одна крыша, а на ней сидела чайка и ела что-то, что лучше было не разглядывать. Желтая табличка с черными буквами «…ЕЖНАЯ», наполовину съеденная ржавчиной. Дом с обвалившейся стеной, так что были видны все комнаты сразу, как в кукольном домике, и в одной на обоях еще висели большие круглые часы. Часы стояли. Ликону почему-то очень хотелось узнать, сколько там времени.

Где-то здесь, в этой воде, была Лета. Он знал это так же твердо, как знал про свою руку, которую однажды уже хоронил, а она потом отросла назад.

— Задача, — сказал Старший, и все пятеро гладких одинаково повернули к нему головы. Ликону каждый раз хотелось засмеяться, когда они так делали. — Очаг нанитов разошелся по стадиону и по набережной до моста. Мы отжимаем его огнем от чаши к реке. Вы работаете левым флангом, у пандусов. Вар работает впереди.

Имба за всю дорогу не сказал ни слова. Он сидел, сгорбившись, и не поднимал глаз от рифленого пола. Ликон знал этот взгляд. Так Имба смотрел на песок, прежде чем решить, где ставить лагерь.

Вар тоже молчал, только по-другому. Имба молчал внутрь, Вар наружу, во все стороны сразу. И лицо не Наново — свое, тяжелое, как будто его вырезали из чего-то, что плохо режется, и это почему-то было хуже пяти одинаковых. Когда амфибию качнуло на повороте и Ликона бросило на Старшего, Вар даже не перенес веса.

Слизь он увидел раньше стадиона. Гладкие говорили «наниты», про дикарей рассказывали, что те зовут ее «серое», а Ликон про себя звал ее «слизью», потому что короче. Слизь лежала на набережной широкой полосой, от бетонной чаши до опор моста, и сначала показалось ему обычной грязью, какая остается от схлынувшей воды. Амфибия подошла ближе, и Ликон увидел, что грязь шевелится. Вся разом, мелко, как кожа на холодном ветру. Где на нее падало солнце, пробегал тусклый блеск и сразу гас. И оно шипело — тихо, на самом краю слуха, как шипит вода, если плеснуть ее на горячую плиту. Похоже было на мокрую пыль, которая никогда не высыхала. Но влаги в ней не было.

— Не касаться, — приказал Старший. — Ни ногой, ни стволом. Если коснулось, не трогать рукой, звать меня.

— А ты что сделаешь?

— Помогу, — ответил Старший.

Они вышли на бетон. Земля взяла Ликона за плечи вместе с баком и потянула вниз; он выпрямился ей назло и пошел к пандусам, куда показали. Имба шагал за ним, чуть сзади, как ходил всегда, если место было чужое.

Гладкие развернулись в цепь и открыли огонь все сразу, без команды, словно команда прозвучала у них внутри. Пять языков пламени легли на серое, и серое закричало. Кричало оно без голоса. Звук шел снизу, из-под огня, высокий и тонкий, словно кто-то вел мокрым пенопластом по стеклу. Серое вскипало пузырями, пузыри лопались, из них валил жирный дым, который пах паленым волосом.

Ликон нажал спуск. Огнемет дернулся в руках, раструб плюнул жаром ему в лицо, и на серое перед ним упала длинная рыжая полоса. И он запел. Петь он не собирался. Так вышло — у него всегда так выходило, с первых мастерских, еще до Академии, где они с ремонтной бригадой две ночи подряд откачивали затопленный уровень, насос все время глох, и кто-то из старших сказал, что у насоса есть душа и она обиделась. Песню тогда сложили на ходу, четыре строки, а дальше никто не придумал. Дальше каждый раз приходилось сочинять.

Встал насос. Молчит, не дышит.
Старший молвил: «Вот те раз —
У него душа, он слышит,
Он обиделся на нас».

Ближний гладкий повернул голову, потом еще один. Над шипением и ревом пламени это звучало, наверное, как собачий лай на похоронах.

— Что это? — спросил Старший. Он стоял в трех шагах, и огонь из его ствола шел ровно, без рывков, как нарисованный.

— Песня! — крикнул Ликон. — Про насос. Народная, марсианская, сам сочинил!

— У насоса нет души.

— У этого была! Он на Старшего обиделся, ты же слышишь. — Ликон повел раструбом вправо, по краю полосы, и запел дальше, подбирая слова на ходу: — А у гладкого душа в инструкции-и, а инструкцию дали не ту-у…

Ликон вел пламя по серому, по самому краю, и раструб дошел до Старшего: тот просто оказался на линии. Огнемет в руках у Ликона замолчал, пламя обрезало. Под колпачком у спуска горела красная точка. Ликон повел стволом обратно, влево. Точка позеленела. Огонь вернулся.

— Неисправен, — объяснил Старший, не оборачиваясь.

— Бывает, — согласился Ликон. — Клапан заело.

И запел дальше, громче прежнего. Гладкие теперь поглядывали на него почти все, по очереди, без злобы, но и глаз не отводя. Имба отстал шагов на пять, туда, где бетон уже выгорел и остыл до черноты, присел на корточки и положил на землю обе руки. Посидел, пока все были заняты певцом. Встал, прошел еще три шага и присел снова.

Еще куплет про клапан, думал Ликон. Про клапан всегда слушают.

Серое пятилось. Не все и не сразу: оно отступало от огня медленно, огрызаясь. Там, где прошло пламя, оставалась корка, ломкая, как пережженная лепешка, и под сапогом она лопалась с сухим хрустом. Цепь двигалась от чаши к реке, Ликон двигался с ней, и песня шла впереди, куплет за куплетом, все глупее.

Слева из водостока вдруг выплеснулся язык. Он вылетел под ноги сам собой, тонкий, быстрый, с блеском, будто им выстрелили, и тело Ликона ответило раньше головы. На Марсе он перемахнул бы этот водосток не глядя. Но он не прыгнул. Сделал шаг назад, неловкий, пьяный, чуть не сел на собственный бак огнемета, замахал стволом и только потом, как положено перепуганному гостю, полил язык огнем. Язык заверещал и свернулся в корку.

— Цел? — спросил Старший.

— Штаны мокрые, — сказал Ликон. — И не спрашивай, я все равно отвечу, что это река.

Впереди работал Вар. Огнемета у него не было. Он вошел в серое по щиколотку, потом глубже, и серое полезло на него и не могло влезть. Вар нагнулся, и рук у него стало четыре. Он взял серое за край и поднял. Пласт в рост человека повис у него в руках, извиваясь и вереща. Вар разорвал его пополам — медленно, с усилием, на которое не хочется смотреть, — и швырнул обе половины в огонь гладких. Две руки, что держали пласт, дымились. Он на них не взглянул — просто втянул в тело.

Ликон поймал себя на том, что смотрит с восторгом и тошнотой. Он подумал, как Вар руками ловит в поле дикарей. Если дикарей много, наверное, отращивает по восемь рук, как щупальца.

Одному из гладких не повезло. Он оступился у края полосы, серое взяло его за ботинок и пошло вверх, по голени, быстро, как огонь по сухой траве. Гладкий остановился и с интересом посмотрел на свою ногу. Вар обернулся. Подошел. Взял гладкого одной рукой за бедро, другой за голень и оторвал ногу. Внутри гладкого что-то щелкнуло и заискрило. Вар бросил ногу в огонь.

Гладкий постоял на одной ноге, покачался и сказал:

— Благодарю.

Двое других подхватили его под руки и понесли к амфибии. Никто не сбился. Огонь не прерывался ни на секунду. Вар выпрямился и повернулся к марсианам. На Ликона, на Имбу, снова на Ликона. Лицо у него не двигалось.

— Так быстрее, — пояснил он.

Это были первые его слова за операцию. Ликон кивнул и снова нажал спуск, и песня на время кончилась.

Через полчаса одноногий снова стоял в цепи, на трубе вместо ноги, и огонь у него шел так же ровно, как у всех.

Возле моста на боку лежала баржа. Ржавая, облезлая, с проломленным бортом, она наполовину осела в воду, и серое обтекало ее с двух сторон. Из-за баржи кто-то чихнул. Или кашлянул, Ликон не разобрал. Звук был короткий и сразу задавленный, словно рот зажали ладонью. Дым стоял над набережной белой стеной, и в такой стене звук мог взяться откуда угодно. Ликон, может, и решил бы, что показалось, но Вар повернул голову и сделал шаг к барже, потом второй. Кто там, за баржей, сколько их, взрослые или нет, Ликон не знал. Он знал только, что Вар ловит руками.

— А у Вара душа в кулаке-е! — заорал он так, что самому заложило уши. — А кулак у него не разжа-ать!

И шагнул влево, к самому краю огненной полосы, где серое было гуще всего, и повел стволом широко, неряшливо, по дуге, как ведет пьяный. Пламя хлестнуло по серому у самых ног Вара. Серое вскинулось, вздулось горбом, заверещало, и горб рухнул вбок, прочь от огня, в сторону певца. Ликон успел отдернуться. Почти. Рукав пошел рябью от манжеты до локтя. Ткань, которая «не держит нанитов», вся разом зашевелилась мелко и серо. И пришел холод. Такой холод бывает, если сунуть руку в ледяную воду.

— Стой! — Старший был уже рядом. — Не трогай!

Ликон не трогал. Он стоял, серое уходило под манжету, а где-то глубоко, там, где у людей живет спокойствие, ему было почти спокойно. Этой руке такое было не впервой. Старший ударил по рукаву струей из баллона. Белая пена, пахнущая хлоркой, облепила руку до плеча, и серое под ней затихло. Старший ножом распорол рукав, содрал его вместе с пеной и кинул в огонь.

Под рукавом было мясо. Кожи на полпредплечья не было, ее будто сняли теркой, и на мокром красном выступали мелкие капли, быстро, одна за другой.

— Жить будешь, — сказал Старший.

— Спасибо. А справку о том, что я жив, выдать можно? А то без нее второй раз на операцию не пустят.

Он обернулся к барже. Вар стоял на прежнем месте. К барже он больше не шел. Он смотрел на Ликона — на ободранную руку, на мокрое красное, на капли, — долго и неподвижно. За баржей было тихо.

Серое тем временем уходило. Часть сгорела, часть отползла под мост, к опорам, и стекла в воду, и вода над ней пошла медленными кругами, как над утонувшим. Гладкие еще раз прошлись огнем по берегу, но в реку огонь не шел: шипел и гас.

— Под водой не горит, — сказал Старший. — Дальше нерационально, наниты в воде долго не живут. Очаг сдвинут. Стадион чист на шестьдесят процентов. Возвращаемся.

— Когда? — спросил Ликон. — Мне бы руку замотать, пока совсем не отвалилась.

— Когда будет решено.

Назад шли медленно. Ликон держал руку на куске чистой ткани, которую дал Старший, и рука горела, а где-то между желтой табличкой и домом с часами гореть перестала и начала чесаться.

Он отогнул ткань, мяса не было. Там, где час назад было красное и мокрое, лежала тонкая розовая пленка, и под ней видно было, как ходит кровь. Ликон смотрел и не дышал. На второй день в логове он порезался, когда брился здешней бритвой. Пустяк, царапина на подбородке. Заживала она девять дней. А сейчас прошел час. Где-то под логовом, в теплом техническом ярусе, куда никто не заглядывал, росло то, что они с Имбой по очереди носили туда в карманах. Рука узнала об этом раньше головы.

Ликон положил ткань обратно и прижал рукой. Напротив сидел Вар. Он смотрел не в бойницу, как гладкие, и не в пол, как Имба, а на Ликонову руку, лежащую на ткани, и только после поднял глаза выше, на лицо. Этот взгляд Ликон знал с Марса. Так смотрят на ИГК,

индивидуальный генератор кислорода: подносят к уху, стучат ногтем и прикидывают, сколько там энергии, открыть сейчас или приберечь.

Ликон улыбнулся Вару во все зубы, как в свое время улыбался атаманам, офицерам Церкви и одному очень злому тренеру по рукопашному бою Академии. Вар не ответил. Он, кажется, вообще не знал, что на улыбку полагается отвечать.

Нан ждал в шлюзе, все в том же мягком, песочном.

— Мне уже рассказали, — сказал он, подходя. — Стадион почти чист. Вы были очень полезны. Я, признаться, и не сомневался, но приятно, когда не сомневаешься не зря.

Он взял Ликона под здоровый локоть и глянул на тряпку на другой руке.

— Задело?

— Да так, поцарапался. Ерунда.

— Ген посмотрит. Он у нас любопытный. — Нан улыбнулся. — Даже слишком.

— Не надо, — ответил Ликон слишком быстро и так же быстро добавил: — Там уже все прошло. Рука как рука. Уже и шрама почти не видно — я его специально застирал.

Нан поднял бровь. Одну, чуть-чуть.

— Прошло?

— Болеть прошло. — Ликон пожал плечами и поморщился, как положено человеку с ободранной рукой. — Мы на Марсе к боли привыкшие. У нас если ноет, значит, живой. А если перестало, пора звать жреца. Настоящего, не меня.

Нан засмеялся легко, с удовольствием, как смеются шутке гостя, которого хочется подольше удержать.

— Тогда пусть ноет, — сказал он. — Серое ушло под мост и вернется. Мы тоже вернемся. Я рад, что на вас можно рассчитывать.

В коридоре их ждала Лада. Стояла у стены ровно там, где кончался обзор камер у входа; Ликон так и не понял, нарочно или случайно.

— Живы? — Она оглядела обоих быстро, сверху вниз.

— Живы, куда денемся.

— А рука что?

— Потом покажу. Не здесь.

Она кивнула и посмотрела на Имбу. Имба чуть заметно опустил подбородок, и Лада развернулась и пошла вперед, не дожидаясь их, как когда-то ходила по своим коридорам на Марсе, где ее все ждали.

В душевой Ликон стоял под струей и держал руку на свету. Розового почти не осталось. Кожа была новая, гладкая, без единого волоска, и шрама не было. Он потрогал ее пальцем и запел, негромко, в воду:

Засвистел проклятый клапан,
Как вскипевший самовар.
Парень сел на клапан задом —
Так и держит этот пар.

И замолчал. Дальше не шло. Весь день шло, а сейчас не шло.

— Клапан заело, — хмыкнул из соседней кабинки Имба.

Глава 12 Насос

Сеть рвалась всегда в одном и том же месте, у нижнего края, где грузило било о бетон. Моток говорила, что бетон злой. Лета думала, что грузило надо подвязать чуть выше, но говорить не стала: спорить с Моток о сетях не решался даже Крюк. Она вязала узел за узлом, и пальцы, загрубевшие за эти недели, делали это уже сами.

Крыша была теплая. Солнце висело за соседней башней, той, что потоньше, со срезанной верхушкой, и тень от нее лежала на огороде косой полосой — через ящики с луком, через мешки, в которых росла картошка. Картошку в Заводи растили в мешках, чтобы можно было унести, если придется уходить, но при Лете уходить не приходилось ни разу, а мешки все равно никто не отвязывал от перил.

Пуговка сидела у нее на ногах и считала пальцы. Ей было лет шесть; точнее не знал никто, включая ее саму.

— Раз-вода, два-вода, три-вода, на четыре лодка, — бормотала она, трогая каждый палец. — Пять ушла… Тетя Лета, а чего они у тебя такие?

— Какие?

— Как у утопленника.

Пальцы на ногах у Леты сморщились в первую неделю, когда она сутками не вылезала из мокрого, и так и не разгладились. Кожа на них пожелтела и пошла складками. Больно не было. Лете ее ноги были так же интересны, как Пуговке.

— Я долго в воде сидела.

— Все сидели. У Жестя такие не стали.

— У Жестя ноги железные, — сказала Моток, не поднимая головы от сети. — Потому и Жесть. Не лезь к человеку.

«К человеку». Лета отложила это слово, как откладывала все, что говорили про нее вслух. В первые дни Моток звала ее «эта». Потом «пришлая». Со вчерашнего дня, выходит, человек.

Вчера был рейд в Манеж, в затопленный торговый центр, где под потолком еще висели пластиковые таблички с названиями лавок. Лета нашла там щиток, которого не видели двое до нее: он был за фальшпанелью. Из щитка вытянули медь. Медь на Заводи стоила как хлеб. Железо в воде съедала ржа, а медь только зеленела. Ее резали зубилом без огня, тянули в проволоку, били во фляги, в которых вода дольше не тухла, и рубили на метки. На реке медь была и металлом, и деньгами.

С лестницы крикнули ее имя. Кричал Бычок, Крюков племянник, голосом, который только начал ломаться и срывался на середине слова.

— Лета! Дядька зовет! Считать!

Считал Крюк на сорок первом этаже, в бывшей переговорной. Стол там был стеклянный, с треснувшей звездой посередине, и Крюк раскладывал добычу так, чтобы звезда приходилась между кучками, как межа. Кучек было пять: для общины, для рейда, для Соля, для себя и на обмен.

— Медь, — сказал Крюк, не здороваясь. — Девять мотков. Было бы три, если б не твой щиток. Патроны — одиннадцать. Годных шесть, остальные отсырели, но их тоже возьмут, нагатинские не проверяют. Фонарь. Без батареи. Ложки — четыре. Одна серебряная, я куснул.

Он все считал вслух, и свое, и чужое, и то, чего еще не было. Лета это в нем ценила. С таким человеком всегда знаешь, во сколько тебя оценили.

— Солю — как всегда, — продолжал Крюк и отложил в кучку для Соля серебряную ложку. — Серебро он в бочку кладет, чтоб вода не портилась.

— Садись.

Она села. Крюк отодвинул от себя кучку «для рейда», потом, подумав, переложил из нее моток меди в кучку Леты — у нее была своя кучка, маленькая, с краю звезды, — и сказал:

— Я посчитал. Три рейда до тебя принесли меньше, чем один твой вчерашний.

— Просто повезло. Течением принесло, я и взяла.

— Везет раз. Везет два. Три — это уже заслуга добытчика. — Он постучал пальцем по стеклу у самой трещины. — Теперь тебе положена лодка.

— Какая еще лодка?

— Серая, у лифтов. У которой нос чиненый.

— Мне не нужна лодка, Крюк.

— А вот и нужна. — Он откинулся на стуле, и сиденье под ним сказало что-то жалобное. — Кто с лодкой, того не выгонишь. Будет твоя, значит, ты наша. Мне так удобнее.

Она хотела отказаться еще раз, для порядка, но в дверях уже стояли Бычок, Пуговка и двое мальчишек постарше, и у всех четверых были такие лица, будто лодку дарят им. Пришлось идти.

Лодка была сборная, из чего попало: серые пластиковые борта на дощатом дне, нос чиненый: кто-то залил трещину смолой и сверху прибил жестянку гвоздями. Внутри плескалась дождевая вода с дохлой мухой. Насекомые не боялись серой слизи, пока летали. Мальчишки полезли вычерпывать воду руками, толкаясь, и один чуть не упал через борт в холл.

— Надо назвать, — сказала Пуговка. — Без имени лодка обидится и потонет.

— Вот ты и назови.

Пуговка подумала очень серьезно.

— Утопленник, — решила она.

Лета засмеялась, а сама уже прикидывала, куда бы вбить скобу под веревку, чтобы не терло о бортик, если поднимется вода.

Каждый вечер перед едой вся Заводь мыла руки. На самой верхней крыше стояла бочка с дождевой водой — единственной, которую здесь считали чистой: небесной, до того, как она коснулась города. На дне ее лежало все серебро, что собрала Заводь. У бочки стоял Соль. Он не говорил ничего, только следил, как каждый по очереди опускает руки в воду, трет ладонь о ладонь и стряхивает капли вверх, к небу, а не вниз. Кто стряхивал вниз, тот начинал заново.

Соль был в куртке, застегнутой до горла в любую жару. Лета не видела, чтобы он улыбался, и не видела, чтобы кричал. Когда он чего-то не одобрял, он просто смотрел дольше. На нее он смотрел так уже неделю.

Она дождалась своей очереди, сунула руки в бочку. Вода была теплая от солнца, с зеленой пленкой у края. Лета потерла ладони и стряхнула вверх.

— Покажи, — сказал Соль.

Она показала ему руки. Мозоли от весел, свежая ссадина от вчерашнего щитка. Соль разглядывал их долго и сказал:

— Ноги.

За спиной у Леты кто-то перестал жевать, и очередь к бочке затихла. Она нагнулась, развязала ботинок, стянула его, потом второй, и встала на теплый рубероид босиком. Соль посмотрел на ее сморщенные желтоватые пальцы, и у Леты впервые за этот вечер похолодело в животе. Желтое здесь значило только одно.

— Это вода, — сказала она. — Отмокли.

— Знаю, что вода, — сказал Соль. — Надень.

Она надела. Соль дождался, пока она завяжет второй шнурок, и сказал, не повышая голоса, так, что слышала вся очередь:

— Жесть говорит, в Манеже ты шла краем серого и под ноги не глядела. И серое тебя обошло.

— Я глядела как раз под ноги.

— Жесть глядел. За тебя. Ты хорошо ходишь по воде. Хорошо знаешь, где железо. Хорошо говоришь, хотя говор у тебя чужой. Серое тебя обходит. Вода тебя любит.

— Это плохо?

— Вода ничья, — отрезал Соль. — Я этой весной троих отправил на воду. Все трое тоже хорошо ходили.

Он сказал это без злобы. Лета подумала, что с ним было бы проще, если бы он злился.

— Если бы на мне было серое, — возразила она, — оно бы уже вылезло. Ты знаешь, сколько оно ждет. День, два.

— В своих знаю, — буркнул Соль. — А ты чужая.

И перевел взгляд ей за плечо, туда, где у лестницы стояла Искра с мокрыми руками, которые она так и не стряхнула. Она отошла от бочки и встала рядом с Летой, не вплотную, но близко, и Лета почувствовала плечом, как девочка дышит — часто и неглубоко.

— Ты с ней в одной комнате спишь, — проводил ее взглядом Соль.

— Сплю, — согласилась Искра. — Она не храпит.

Кто-то в очереди фыркнул, Соль не обернулся.

— Раньше у Моток спала.

— У Моток кошка на голову ложится.

— Тебя серое держало, — сказал Соль. — Полдня. Потом отпустило. Серое никого не отпускает.

— Меня не оно отпустило, — сказала Искра, и голос у нее треснул на последнем слове, как у Бычка. — Меня она вытащила.

Соль долго молчал. Отступил от бочки на шаг — это значило, что можно идти, — и сказал уже в сторону, Крюку, который стоял у перил и делал вид, что считает облака:

— Завтра она в рейд не идет. Пусть посидит. Посмотрим.

Крюк пожал плечами.

— Завтра к Лужникам, там вода высокая, все равно много не возьмем. Пусть сидит. — И добавил, когда Соль уже ушел: — Мне ее потом одну посылать дороже.

За ужином Лете положили как всем. Моток, передавая миску, придержала ее на полсекунды дольше, чем надо, и заглянула в лицо. Что она там искала, Лета так и не поняла. Может, то же самое, что и Соль, только с другой надеждой.

С утра, пока рейд уходил к Лужникам, к нижним окнам приплыл меняла с Нагатина. Лодка у него была из синих пластиковых бочек, связанных проволокой, и сидел он в ней, как в корыте, по пояс в товаре: мешок подсушенной рыбы, связка резиновых сапог, ведро чего-то, накрытого тряпкой. Говорил он так, что половина Заводи переспрашивала: тянул слова нараспев, цокал, ставил ударения невпопад, и через слово вставлял «чуешь». Крюк ушел с рейдом, и менять пришлось Моток. А она торговаться не любила и не умела, поэтому позвала Лету, раз та все равно сидит.

— Рыба-то вчерашняя, чуешь, — говорил меняла, раскрывая мешок. — Свежак. На зорьке брал.

Он почесал ухо. Лета заметила, что ухо он чешет уже в третий раз, и всякий раз на слове «свежак» или «на зорьке».

— Позавчерашняя, если не больше, — сказала она. — Чуешь? И не на зорьке. Ты ее на солнце сушил, жесткая.

Она сказала это на его наречии. Не нарочно: слова сами вышли с его цоканьем, с его распевом, с этим дурацким «чуешь» посередине. Меняла уставился на нее, потом захохотал и хлопнул себя по колену.

— Нагатинская! Ты ж нашенская! Откель?

— Из дальних, — ответила Лета уже обычным голосом.

— Из дальних так не говорят, — обиделся меняла. — Так только у нас говорят. Ну ладно, ну ей три дня, бог с тобой. Но сушил как положено, в тени.

Сторговались на полмешка рыбы за моток меди, хотя меняла сперва хотел два. Сапоги Моток все-таки взяла, одну пару, оба левые: меняла божился, что так даже удобнее, если хромаешь. Моток простояла весь торг с открытым ртом и, когда бочечная лодка отвалила, сказала:

— Ты ж его третий раз видишь.

— Первый.

— Тем более. Может, ты оттуда, но не помнишь?

— Гораздо дальше.

Моток хотела что-то сказать, но отвернулась. Лета ушла на крышу к сетям и долго сидела там, ничего не вязала. На Марсе, в разведке, она учила пустынный говор полгода. С учителем, со словарем, с записями, которые приносили из Обителей. Учила хорошо, лучше всех на курсе, и все равно бадавии узнавали в ней горожанку со второй фразы. А тут полчаса у окна. И ухо. Она увидела, что он врет, раньше, чем он соврал. Так читать лица она не умела даже тогда, когда умела все.

С высадки в ней было тихо. Она привыкла к этой тишине: сперва не веришь, потом забываешь. Здесь, на Земле, она была просто человек с ремеслом — хорошим ремеслом, выученным, своим. С этим ее взяли в Заводь. Теперь что-то возвращалось. Немного, по крупице, на одно ухо одного менялы.

Внизу Пуговка кричала на кошку. Кошка сидела на мешке с картошкой и мявкала. Кошки здесь ели все подряд, даже сырую картошку, которую неосторожно оставила Пуговка, а держали их за нюх на слизь. Кто-то говорил, что они и слизь едят. Умник, наверное, сказал бы: «Тысячу лет — и Земля приспособится. Звери будут серое жрать. Вот только людей к тому времени не останется».

Рейд вернулся к вечеру, пустой и возбужденный. Жесть ввалился в переговорную первым, мокрый по грудь, сел прямо на стеклянный стол, чего Крюк никому не позволял.

— Гладкие там, — объявил Жесть. — С утра жгли. Серое у стадиона разлилось — во, до моста, — а они его огнем, огнем. Дым такой, что мы за баржей лежали и кашляли, думали, что выдадим себя.

— Много их? — спросил Крюк.

— Пятеро гладких. И тот. — Жесть понизил голос, хотя в переговорной были все свои. — Который ловит.

Все помолчали. Бычок, стоявший у двери, незаметно для себя сделал шаг назад, в коридор.

— И еще двое, — добавил Жесть. — Вот про этих слушай. Не гладкие. Живые.

Лета сидела у окна и чистила Мотковы полмешка рыбы — от нечего делать, раз она все равно сидит. Нож был тупой, чешуя летела во все стороны.

—

Как

живые? — спросил кто-то.

— Вот так. Лица разные. Ходят не так. Гладкий ходит, будто его несут, а эти — как мы, ногами. В серых куртках. Один большой, темный, стоял столбом, пока его не пихнули. Молчит, все смотрит в землю. Второй, наоборот, — Жесть заухмылялся, — второй все время орал. Песню.

— Какую еще песню?

— Про насос. Клянусь водой. Про насос, у которого душа. Акцент чудной, а все равно понял. Мы там за баржей чуть не легли, я Гвоздю рот зажимал. Гладкие вокруг жгут, дымище, серое шипит, а этот орет, как на свадьбе. Много раз повторял один и тот же куплет, я запомнил.

Извинялись мы всей сменой,

Гладили ему бока.

Покряхтел, чихнул он пеной —

И опять пошла река.

Лета держала рыбу за хвост. Нож прошел мимо чешуи, по пальцу, и она увидела, как на подушечке указательного выступает кровь — сначала тонкой линией, потом каплей. Она

сунула палец в рот и продолжала держать рыбу другой рукой. Насос. Ремонтная бригада. Песня, в которой никто не знал всех куплетов, и он каждый раз сочинял ее по-новому. Он жив. И он ходит с

ними.

— Так это ж гладкие новых наделали, — промычал Гвоздь из угла. — Из пойманных. Сперва из людей, потом с песнями, чтоб не отличить. Живые на вид, а внутри гвозди.

— Сам ты гвозди. — Жесть сплюнул.

— А чего они тогда с ними ходят? Гладкие с нами ходят? Гладкие нас в мешок кладут. А этих — рядом ставят и огонь дают. Значит, они их. Одной породы.

Никто ему не возразил. Лета почувствовала, как по переговорной расползается

«одной породы»

— медленно, от угла к столу, как вода по сухому полу, — и закрепляется. Она подняла голову и встретила взгляд Искры. Искра сидела на корточках у стены, и глаза у нее были не на Жесте, как у всех, а на ней. На палец у нее во рту. Она вынула палец изо рта и вытерла о штаны.

— Порезалась, — сказала она.

— Туда еще пойдут? — спросил Крюк. Он единственный из всех, кажется, думал не про песню.

— Вернутся, — кивнул Жесть. — Серое не добили. Ушло к воде, под мост, там его огнем не взять. Гладкие стараются дело до конца доводить. Иначе серое им в нору заберется.

— Значит, после них будет что подобрать, — подытожил Крюк. — Железо, пластик. Туда, где жгли, серое долго не суется. — Он повернулся к окну. — Лета. Послезавтра пойдешь, если Соль отпустит.

— Пусть идет, — сказал из дверей Соль.

Никто не слышал, как он подошел. Он стоял в проеме, в своей куртке до горла, и смотрел на Жестя, сидящего на столе.

— Живые, говоришь, — добавил Соль. — И серое их не трогает, и гладкие. — Он помолчал и глянул на Лету. — Любит их, наверное, вода.

И ушел.

Ночью в их комнате было душно. Раньше здесь был какой-то банк: от него остались кассы, стулья на колесиках и портреты каких-то важных шишек, выгоревшие добела. Искра спала на матрасе у стенки. Лета — у окна, где тянуло с воды. Она лежала на спине и раскладывала, что знает, как учили в разведке: не то, чего хочется, а то, что есть.

Двое. Большой и темный — Имба; смотрит, куда ставит ногу, значит, что-то ищет в земле. Ликон поет — значит, ему нужно, чтобы кто-то что-то не слышал. В ее сводках он два года проходил как Жрец, и два года она угадывала, что он сделает, по тому, как он шутил. Когда он шутил громче обычного, где-то рядом резали провод. Или людей. Шутки у него были зачастую злые. Третьей нет. Ладу в поле не взяли. Ладу берегут. Их выводят в поле. И будут выводить еще — Жесть сказал, гладкие свое не бросают. Туда, где жгли, серое долго не суется, и туда послезавтра пойдет рейд Заводи, и она с ним, потому что Соль хочет посмотреть, что она там будет делать. Он уже связывает ее с этими двумя.

Подойти будет нельзя. Ее увидят гладкие — и она станет еще одной дикаркой в мешке, или хуже, четвертой, про которую гладкие не знали. Ее увидят свои из Заводи — и она станет одной породы с теми, кто ходит с гладкими. Ее увидит Жрец — и пойдет к ней прямо через огонь, при гладких. Двойного дна в нем не было никогда. Этим он ей и нравился.

Значит, не подходить. Но надо дать о себе знать.

— Лета, — сказала Искра из темноты.

— Спи, Искра. Поздно уже.

— Какая песня про насос?

— Не знаю такой.

— Врешь, — сказала Искра сонно, без обиды. — У тебя лицо было… как когда ты правду скрываешь.

Глава 13 Шумовой журнал

Пакетов было четыре. Лика нашла их за панелью утилизатора, куда лазил один механик, и то только ругаться. Четыре пайка в серой пленке с синей полосой, «паста бобовая, рецептура 3», нераспечатанные, сложенные ровной стопкой. Брат рассказывал, что так в общежитии Академии прятали сигареты и мумие.

Она пошла в навигаторскую. Чипка сидел в ее кресле, потому что оно было ближе к стойке, поджав одну ногу под себя, и ругался с тремя экранами по очереди.

— Нет, ну вот. Задержка сто сорок, а должна быть девяносто. Где пятьдесят миллисекунд? Кто их съел? — Это левому. — А ты вообще молчи, у тебя вчера буфер переполнился на ровном месте.

— Может, сам виноват, — сказала Лика.

— Буфер?

— Ты.

Он развернулся вместе с креслом. Глаза у него были красные, а волосы с одной стороны стояли торчком, потому что он спал на этой стороне. Или не спал, а лежал.

— Лик, — сказал он. — Иди сюда. Посмотри одну вещь. Только не ори.

— Я никогда не ору.

— Вот и не начинай.

На среднем экране был открыт файл. Назывался он «шум.txt», и Лика этот файл знала: с первых недель у орбиты Чипка записывал туда все, что ему «казалось», с датой и временем, чтобы потом, как он выражался, свести дебет с кредитом и убедиться, что он обычный псих, а не особенный. Первые записи были дурацкие.

«Вахтенная уронит кружку, левой рукой»

.

«Механик скажет слово на „ж“ до обеда»

.

«Лика опять скажет, что я не спал»

.

Он прокрутил вниз и ткнул пальцем. «Ж

рец. Рукав. Серое, по локоть. Не насмерть. Через два дня?

» Дата стояла позапрошлая.

— Вчера на созвоне, — сказал Чипка. — Помнишь, что Арасуль сказала?

Лика помнила. Лада крутила в руках кружку и между делом сказала: Ликон поцарапался в поле, уже зажило, не волнуйтесь. Лика тогда еще подумала, что Лада не умеет говорить «не волнуйтесь», у нее получается приказ.

— Ну, поцарапался, — пожала плечами Лика.

— По локоть, — сказал Чипка. — Серым. Я спросил жестом, куда, Воин показал. Вот сюда. — Он провел ребром ладони по своему предплечью, от запястья вверх. — Я это видел позавчера, Лик. Сидел вот тут, пил регенерат, и увидел. И записал. И не послал, потому что шум.

— Это и был шум. До вчера.

— Сто двенадцать записей. — Он говорил быстро, сбиваясь, как всегда, когда пугался. — Сбылось восемьдесят девять. Ну, восемьдесят семь, если строго, там две спорные, кружка была не совсем левой рукой, она перехватила. Восемьдесят семь из ста двенадцати. Ты математик. Давай, скажи мне, что это нормальное распределение.

Лика села на подлокотник соседнего кресла и забрала у него мышь. Она сделала то, что сделал бы любой человек на ее месте: выкинула все, что можно было угадать и так. Механик ругается каждый день — вон. Лика говорит, что Чипка не спал, — тоже вон, у этого вероятность единица. Кружки падают. Вахтенная из третьей смены вообще роняет все, у нее руки мерзнут. Выкинула прогнозы погоды внизу, которую и так видно с орбиты. Выкинула все, где стояло «наверно». Осталась сорок одна запись. Из них сбылись тридцать восемь.

— Ну? — спросил он. — Ну что там?

— Тридцать восемь из сорока одной, — сказала Лика. — Шли.

Он посмотрел на нее так, будто она предложила ему выйти в шлюз без скафандра.

— А если не сбудется?

— Значит, не сбудется. Ты им не приказываешь. Ты говоришь, где посмотреть.

— А если сбудется, потому что я сказал?

Лика подумала.

— Тогда тем более шли, — сказала она. — Только коротко. И только то, что потом можно проверить. И я буду записывать, что ты послал, до того, как оно случится. В свой файл. Чтобы ты потом не мог сам себе рассказывать.

— Ты мне не доверяешь.

—

Тебе

доверяю. Твоей

памяти

не доверяю. У тебя в голове сейчас пятьдесят миллисекунд потерялись.

Он хмыкнул и на секунду стал похож на себя прежнего — того, что сидел в общежитии Академии с включенным паяльником, объяснял всем, почему они дураки, и несогласным тыкал этим паяльником чуть не в нос.

Созвон был в девять по корабельному. Канал общий: все, что видели они, видели и гладкие, наверняка записывали и потом анализировали. Поэтому Чипка готовился к созвону, как Ликон когда-то готовился к свиданиям: чистая футболка, приглаженный вихор, кружка с эмблемой Ордена Знания на виду. Он говорил, что кружка отвлекает. Лика подозревала, что он просто ее любит.

Лада появилась на экране одна. За ней была светлая стена, край мягкого кресла и чей-то локоть. Локоть потом оказался Имбиным: он сидел на полу, спиной к креслу, и чистил какой-то фрукт, желтый, в пупырышках. Кожура падала одной длинной лентой.

— Доброе утро, — сказала Лада.

— Доброе. — Чипка отхлебнул из кружки. — Так, по нанопленке. Мне бы еще раз спецификацию слоев, если ваши дадут. Я тут прикинул напыление, у меня вылезает, что на третьем слое допуск…

Он понес. Лика слушала вполуха: про допуски, про температурный коридор, про то, что на Марсе пыль мельче, чем думают земляне, и если пленку рассчитывали под земную пыль, то ее, извините, порвет к первому лету. Главное делали его пальцы на краю стола.

«Низ»

,

«Тепло»

,

«Два»

,

«День»

. Потом раскрытая ладонь, медленно проведенная по столу, будто сметает крошки, — этого Лика не знала.

— Ну и насчет погоды, — продолжил Чипка, без всякого перехода. — У вас там как?

Лада ответила не сразу.

— Умник, мы

под землей

.

— А. Ну да. Точно. — Он покраснел по-настоящему, и это было даже хорошо: гладкие любили, когда люди краснеют, они от этого добрели. — Я в смысле… температура. Влажность. Для нанопленки.

— Двадцать два, — сказала Лада. — Влажность не знаю. Спрошу.

За ее плечом прошел гладкий, улыбнулся в камеру и ушел. Лада не обернулась. Она убрала прядь за ухо. Потом еще раз, хотя прядь и так лежала нормально. Этот знак Лика знала: «

поняла, повтори

». Чипка повторил, медленнее, и снова провел рукой по столу. Имба внизу кадра перестал чистить фрукт.

— Ладно, — сказала Лада. — Спецификацию запрошу. Что еще?

— Все, — заключил Чипка. — Живите там. Ну, и спите хоть иногда.

Экран погас. Он сидел еще с полминуты, не двигаясь, потом взял кружку и обнаружил, что она пустая.

— Что было ладонью? — спросила Лика.

— Обход. — Он поставил кружку. — Гладкие пойдут по теплу. Послезавтра утром. Что-то чинить или проверять, я не знаю что, я видел только, что идут. Двое. С фонарями. Хотя там свет есть, зачем им фонари. — Он потер лицо. — Там заначка, Лик. Прямо там, где они пойдут.

Лика открыла свой файл и написала: «

Послано 9:14. Техярус, послезавтра, утро, обход, двое, фонари

».

Два дня было нечем заняться, и поэтому оба занимались всем подряд. Механик воевал с регенератором воды, который с самого Марса делал вид, что у него все в порядке, а потом тихонько плевал ржавчиной в пищевой контур. Механик звал его «дедушкой» и разговаривал с ним ласково, как с больным, а когда думал, что никто не слышит, — по-другому. Вахтенная из третьей смены сидела в рубке, завернувшись в два одеяла, и смотрела на Землю, как на огонь в печке.

В обед вахтенная заглянула в навигаторскую, хотела что-то спросить, и Чипка, не отрываясь от экрана, протянул ей свою кружку.

— С сахаром, — сказал он. — Два. Ты ж свою в рубке забыла.

Вахтенная взяла кружку, заглянула в нее, потом подняла глаза на него.

— Ну ты даешь, Умник, — сказала она и засмеялась. — Я ж только хотела спросить, есть ли кипяток.

Вахтенная ушла, все еще посмеиваясь. Лика не смеялась. Перед ней был его затылок, вихор, который опять встал, и она думала, что он ответил на вопрос, которого не было. Такое случалось и раньше, еще до орбиты, но тогда это было похоже на то, что он просто быстро соображает. Сейчас было не похоже.

Утром оба не спали с пяти.

— Уже, — сказал Чипка в семь сорок. Просто так, сам себе. — Прошли.

Созвон был в девять. Лада опять была с кружкой, и Лике показалось, что это та же кружка и что держит она ее так же, двумя руками.

— Доброе утро, — сказала Лада. — У нас ночью трубы гремели. Гладкие говорят, плановая чистка. Жрец не выспался, ходит злой.

— Чипка, ты когда открываешь бобовую пасту, ждешь тридцать секунд согласно инструкции? — раздался сзади голос Ликона.

— Нет, — удивился Чипка. — Зачем?

— Чтобы вакуум выветрился!

— Вакуум у тебя в голове! Сочувствую, — сказал Чипка. — Клади себе подушку на голову и так ходи.

— Добрый ты, Умник.

Чипка сложил два пальца на ручке кружки.

«Сделано»

. Следом

«рано»

— Лика знала этот знак, щелчок ногтем, — и ладонь вниз, и ладонь вверх:

«опасно, прошло»

. На краю кадра Имба, которого не должно было быть видно, поднял руку с колена и уронил обратно. Лика не поняла, что это значит. Чипка понял и выдохнул так, будто держал воздух с пяти утра.

Дальше говорили про влажность, Лада сказала, что семьдесят процентов, и гладкие удивились, что это кому-то нужно.

Когда экран погас, Чипка засмеялся. Громко, некрасиво, со всхлипом, откинулся в кресле и хохотал в потолок. Лика смотрела. Он хохотал, пока смех не кончился, а кончился он сразу, словно выключили, и Чипка остался сидеть с открытым ртом и мокрыми глазами.

— Ну вот, — сказал он. — Ну вот, короче.

Лика написала в файле: «

Сбылось. Ушли раньше. Перенесли? Уточнить

». И ниже, помельче, для себя: «

7:40 — „прошли“. Не видел. Знал

».

Про сеть он объяснял ей несколько раз, каждый раз по-разному, и каждый раз Лика понимала не больше, чем в прошлый.

— Смотри. Мысли я не читаю. У них там мыслей нет. Ну, в сети нет. Мысли у каждого в голове, а в сети… представь рынок. Ну, бадавиев-торговцев. Кто-то подходит к нему и спрашивает: почем? Ему отвечают. Все это пишется в тетрадку. А тетрадку никто не читает, потому что зачем, все свои, и так знают, кто что брал.

— А ты читаешь.

— А я читаю. — Он был доволен сравнением. — Я не у них в голове. Я в тетрадке.

Ночью он показал ей эту тетрадку. Это был поток цифр, зеленых на черном, быстрый, как дождь по стеклу, и Лика ничего в нем не видела, пока Чипка не начал останавливать и переводить. Большая часть была про воду: уровни, насосы, давление в каких-то секциях. Часть цифр складывалась в буквы. Про выжиги, про расход топлива на амфибиях. Кто-то запрашивал запчасть. Кто-то жаловался, что ремонтный узел номер сорок не отвечает.

— Это тот, одноногий, — сказал Чипка. — Ему Вар ногу оттяпал. Починили на ходу, некачественно.

Наконец он остановил строку, у которой в поле автора стоял знак, похожий на перевернутую букву.

— Это Нан.

Запрос был после Лужников. Чипка перевел его, водя пальцем по экрану, медленно, как первоклассник: «

Оценить полезность гостей в поле

». Ниже шел ответ сети, длинный, с цифрами, и Чипка переложил его на человеческий: полезность высокая, риск низкий, рекомендовано повторять выходы, увеличить частоту.

— Вот, — сказал он. — Вот почему их опять поведут. Нан это не сам придумал. Ему посоветовали.

— А Нан всегда слушает?

— Мозги у них, может, и свои. А думает за всех один. — Он пожал плечами. — Ну, я недели три смотрю. Вроде всегда.

Следующую строку он нашел сам, не прокручивая. Знак автора был другой, угловатый.

— Вар.

«

Скорость восстановления тканей, объект Л., сравнить с нормой для вида

». Ответ был короткий: «

Данных недостаточно, рекомендовано наблюдение

».

Лика поняла не сразу, а когда поняла, все равно спросила: хотела, чтобы он сказал вслух и оказалось, что она ошиблась.

— Объект Л. — это Лада?

— Это Жрец. — Чипка не повернулся. — Лада у них ключ. Они ее так и пишут.

«Ключ».

Серый дождь на экране шел дальше, про насосы, про давление, про сороковой узел.

«А если они тебя заметят», — подумала она. Подумала тихо, как привыкла за эти два дня.

— Не заметят, — сказал Чипка. — Я же не трогаю. Только смотрю.

Вслух она не спрашивала. Она даже проверила: прокрутила в голове последние секунды и ни о чем не спрашивала.

Пакет с Марса пришел в восемь утра, в окно связи, вместе с телеметрией и сводкой Совета, которую никто никогда не дочитывал.

Чипка, не открывая значок в углу экрана, сказал:

— От Кары. Пишет, что он толкается по ночам, как раз когда ей спать. Что Орден Воздуха опять урезал норму на жилые блоки, и она из-за этого полсовета переругала. И что имя она давно выбрала, а мне не скажет, пока я не вернусь. — Он помолчал. — Ну, и что скучает. Это в конце.

— Открой, — сказала Лика.

— Да я же…

— Открой.

Он открыл. Лика читала через его плечо. Толкается ночью. Совет, норма, переругалась, «они там все дышат через раз и этим гордятся». Имя придумала и не скажет. В самом конце, после подписи, отдельной строкой: скучаю, дурак. Все было так. Чипка кивнул экрану коротко и удовлетворенно. От этого кивка у Лики пошел холод по спине, от шеи вниз.

Вечером она сходила к утилизатору и нашла там уже шесть пакетов, два новых легли сверху так же ровно; Лика вынула все и отнесла в камбуз, один подогрела в автомате, выдавила в миску и принесла в навигаторскую.

— На, — сказала она. — Ешь, пока горячее.

Чипка заглянул в миску. Паста была бурая, как вода вокруг Москвы, и пахла так, что вежливо не опишешь.

— Я не хочу.

— Я не спрашиваю.

Он взял ложку и стал есть. Быстро, послушно, глядя в экран и не морщась. Бобовую пасту на корабле никто не мог есть не морщась, даже механик, который, по слухам, однажды съел прокладку от шлюза, потому что перепутал с галетой. Чипка доел до середины и сказал:

— Вкусно.

Лика не ответила. Она сидела рядом на подлокотнике, пока миска не опустела. В дверь заглянула вахтенная из третьей смены, в своих двух одеялах.

— Умник, ты…

— Умник, ты с утра на связи, — продолжил Чипка, не поднимая головы. — Потом свободен.

— Ну и отлично. — Вахтенная зевнула и ушла.

Глава 14 Приманка

Раньше в поле ходили вшестером. Теперь киборгов было двадцать шесть, и с ними Вар. Амфибий было три, и за последней шла на тросе баржа, низкая, с брезентовым горбом посередине. Под брезентом гудело. Гул был ровный, тугой, как у трансформатора, и от него ломило корни зубов.

Ликон сидел напротив на ящике с зарядами и что-то жевал.

— Нан сказал: натопим баню. Воин, ты парился когда-нибудь?

— Нет. Где б я парился? Даже у Верховного Жреца нет столько воды, тем более горячей.

— Я тоже. Но я читал. Там березовой веткой бьют друг друга. По голому телу. Добровольно.

— Зачем? — Имба даже повернул голову.

— Для здоровья. — Ликон подумал. — И чтоб было что потом рассказать. Они потом еще пиво пьют. С раками.

— С раками? — Имба повернул голову еще раз.

— На картинках только видел. Красные такие, с клешнями.

— А что ты все жуешь? Нашел здесь мумие?

— Ага, найдешь тут… Сварганил себе жвачку из лейкопластыря и зубной пасты.

Гладкий у люка улыбнулся. Они улыбались все одинаково, одним лицом, и Имба за все время так и не привык, что улыбку можно перенести из одной головы в другую, как кружку из комнаты в комнату.

Шли между домами. Вода стояла до третьих этажей, мутная, с жирной пленкой, и из нее торчали фонари, согнутые в одну сторону, словно их всех разом кто-то толкнул плечом. На балконах росла трава. В одном окне висела выцветшая занавеска и шевелилась, хотя ветра не было: сквозняк гулял по пустой квартире, может, уже лет сто. На углу из воды поднималась вывеска аптеки, зеленый крест, и в нем свили гнездо вороны. Воняло тиной и какой-то химией.

Тяжесть навалилась привычно, едва он сел. Земля тянула его вниз всегда, но по-разному: в первые недели так, что он вставал с кровати в два приема, а в последние легче, будто кто-то подставил под ребра руку. Ладоней было две. Одна — горький состав гладких, что по капле перестраивал генетику. Другую он знал лучше. В подкладке сапог лежали споры, и сапоги теперь пахли чуть сладко, как хлебная корка. Гладкие запахов не различали. Вар замечал все, но он ехал в головной амфибии. Желтое пятно на тыльной стороне руки чесалось. Оно всегда начинало чесаться за час до слизи, и Имба давно перестал думать, что это совпадение.

— Подъезжаем, нет? — спросил Ликон. — А то я уже все себе отсидел.

— Скоро уже.

— Откуда знаешь? Окон-то нет.

Имба показал ему руку. Ликон глянул, хмыкнул и перестал жевать.

Старший гладкий, у которого на рукаве была белая полоса, — других отличий у него не было, — встал и объяснил задачу. Говорил он ровно и приветливо, как экскурсовод в палеонтологическом музее, где все экспонаты давно умерли. Массив, который в прошлый раз ушел под мост, за ночь поднялся. Вышел на набережную и ползет по Хамовникам вверх, к водозабору. Водозабор нужен для охлаждения реакторов и хозяйства. Поэтому массив надо вытянуть обратно в чашу стадиона, на бетон, где горит, и там выжечь целиком, пока он не ушел в воду снова.

— Чем вытянуть? — спросил Ликон.

Гладкий показал на трос за кормой.

— Приманка. Генератор под нагрузкой. Он любит тепло и ток.

— А если он сегодня не голодный?

— Он всегда голодный, — сказал гладкий и улыбнулся, как будто Ликон удачно пошутил.

Марсианам дали северный сектор, верхние ряды трибуны над выходом из чаши к реке. Ликон, принимая свой огнемет, погладил его ладонью.

— Здравствуй, дружок, — сказал он ему. — Ты за нас или за них?

Глазок горел зеленым. Ликон решил считать это ответом.

Лужники стояли в мелкой воде. Чаша стадиона была залита наполовину, поле ушло под черное зеркало, из которого торчали одни ворота без сетки. Трибуны выше воды в прошлый раз выжгли добела, и на этом белом лежала сажа полосами, как на обоях над печкой. Над всем висели ребра крыши, голые, с оборванными листами, и на одном ребре сидела ворона. Птиц Имба в Москве почти не видел. Киборги говорили, что птицам в городе нечем кормиться и негде гнездиться; за городом их больше. Ворона косо посмотрела на амфибии и не улетела.

Баржу затащили в чашу и поставили посередине. Двое гладких сдернули брезент. Под ним оказался генератор, старый, облезлый, и от него уходили в воду веером толстые кабели. Генератор взвыл, гул вырос, пошел по воде, по бетону, в ноги. Вода вокруг баржи задрожала мелкой рябью.

Вар спрыгнул с амфибии прямо в воду рядом с баржей. Ему было по пояс. Он встал там и больше не двигался. Не двигаться он умел даже лучше мертвых. Имба и Ликон поднялись на северную трибуну по ступеням, скользким от сажи, и под сапогами хрустело, а под хрустом было еще что-то.

Имба остановился, будто оступился. Постоял, перенес вес на пятку и подержал так. Под верхней белой коркой пепла было тонкое, едва слышное тепло. Нити. Взялось. За неделю. Не боится серого — хороший знак. Ликон заглянул ему в лицо.

— Что не так? — спросил Имба.

— Лицо у тебя как у Умника, когда у него с первого раза скомпилировалась программа без ошибок. Того и гляди, полезешь проверять, не сломалось ли что.

Имба в самом деле сел на ряд выше и положил огнемет рядом. Сидели долго, генератор выл, ворона на крыше чистила клюв о железо, скрежетала. Ликон сжевал все, что у него было, вывернул карман, нашел там болт и долго вертел его в пальцах. Далеко за рекой, на холме, торчал шпиль МГУ, серый, с остатком звезды, и гладкие старались не поворачиваться к нему ничем блестящим. Один раз оттуда хлопнуло, и пуля ушла в воду за баржей с сырым шлепком. Никто из гладких даже не оглянулся. Имба выловил пулю. Семь шестьдесят две.

— Не наши, — сказал Ликон их голосом, ровно и радушно, и Имба хмыкнул. До шпиля было километра два, попасть оттуда можно было разве что случайно. Зачем они стреляют, было непонятно.

Сначала пошел запах. Горячая медь, как если долго держать в кулаке монету. Потом вода у выхода из чаши загустела. Серое проступало сквозь воду, как синяк проступает под кожей, медленно и от краев, и вот уже весь выход к реке затянула мокрая серая шкура, и шкура эта

шла к барже, морщась, собираясь складками и разглаживаясь. Было тихо. Имба ждал шипения, треска, хоть чего-нибудь. Был только генератор.

Первые болты на кожухе баржи исчезли у него на глазах. Их не сорвало и не расплавило: он смотрел на заклепку, а заклепки уже не было, была гладкая серая капля.

— Ешь, ешь, — прошептал Ликон. — Кушай, маленький.

Слизь навалилась на баржу со всех сторон и полезла вверх, к генератору. Генератор завыл тоньше. Вар стоял в двух шагах, и серое обтекало его и не трогало. Он сунул обе руки в серое по локоть и выдернул. В руках у него оказался ком, темный, плотный, размером с голову, из него во все стороны тянулись серые жилы, рвались, как рвется перестоявшее тесто. Вар швырнул ком на бетон, к подножию трибуны. Двое гладких тут же ударили туда огнем.

И тогда масса пошла вверх. Она полезла на трибуны сразу со всех сторон, по ступеням, по сиденьям, быстро, как вода, если опрокинуть ведро. Имба встал и нажал спуск. Огонь ушел вниз тугой рыжей струей, и серое под ним вскипело, пошло пузырями, почернело, и запах меди стал запахом горелой меди.

Дальше было жарко и некогда. Он жег, отступал на ряд, жег. Рядом поливал огнем Ликон и ругался по-армейски. Внизу, в чаше, Вар шел сквозь серое и выдергивал комья, один, другой, третий, и каждый бросал точно туда, где стоял гладкий с огнем. Он не спешил. Слизь висела на нем лохмотьями и отваливалась кусками. Между плевками огня Имба следил за ним. В пустыне он видел, как химеры разрывают караван бадавиев, и тогда думал, что страшнее не бывает. Там было страшно и быстро. Здесь было страшно и аккуратно. Вар работал, как работает хороший механик: ни одного лишнего движения, ни одного взгляда в сторону.

Серое плеснуло через спинку сиденья и попало на шею и щеку Ликону. Он зашипел, хлопнул себя по шее, стер. Под рукой осталась содранная кожа, мокрая, розовая, полоса шириной в два пальца, от уха вниз. Имба видел, как она затягивается. Пока Ликон перехватывал огнемет, край уже подсох и пожелтел. Ликон тоже почувствовал: поднял руку, пощупал, опустил. Зачерпнул горсть сажи с сиденья и размазал по шее и по щеке.

Вар в этот момент стоял к ним спиной.

«Вар. Считает. Рука»,

— передал Чипка пальцами на последнем созвоне. Ликон тогда посмеялся: пусть считает, ему не жалко, он щедрый. Сейчас он не смеялся.

Слизь пришла не с той стороны. Имба понял это телом: пятно на руке вспыхнуло, и он развернулся назад и вверх, к технической галерее над последним рядом. Там был ливневый сток с решеткой, и из-под нее лезло серое. Оно уже было на ступени у него за спиной, и на следующей, и когда он повернулся, взяло его за щиколотку. Держало оно, как держит сырой бетон, который начал схватываться. Сапог сразу стал тяжелее вдвое, потом втрое. Кожа на голенище сморщилась. Имба рванул ногу, нога не пошла. Земля тянула вниз, и слизь тянула вниз, и они тянули заодно. Он поднял огнемет. Жечь себе под ноги значило сжечь себе ноги.

— Воин!

Голос был гладкий, одинаковый, из тех двадцати шести. Сбоку, прыжками, по спинкам сидений мчался бывший одноногий. Имба успел удивиться, как быстро можно скакать на полутора ногах. Инвалид рухнул рядом, упер ствол почти в самый сапог и дал огня коротко, на секунду, в упор. Жар ударил в лицо. Запахло паленой кожей, и сразу за ней жженым хлебом: горели споры в подкладке. Серое отпустило, поползло назад, чернея. Инвалид схватил его за ворот и потянул вниз по ступеням с силой, какой в нем по виду не было.

Наспех наращенная нога попала в серое. Инвалид дернул ее на себя, она вышла наполовину. Ниже колена ничего не было. Вместо нее висела серая капля, как у заклепок на барже. Гладкий с интересом повертел ее, отряхнул о ступеньку и сел, привалившись к сиденью.

— Опять, — сказал он и улыбнулся Имбе, точно так же, как все. — Он любит мою ногу.

Имба закинул его руку себе на шею, и они вдвоем, на трех с половиной ногах, ушли на ряд выше, где Ликон уже выжигал сток крест-накрест.

— Спасибо, — сказал гладкий Имбе в ухо.

Внизу серое забрало киборга. Гладкий стоял у воды на краю чаши и жег, в это время серое пришло ему под ноги из-под бетона, откуда-то снизу. За две секунды его закрыло по пояс. Он продолжал жечь, ровно, вперед, туда, куда ему приказали. Двое соседей повернулись к нему одновременно и ударили огнем. Он горел и жег, потом перестал. Старший с белой полосой что-то отметил у себя на запястье и крикнул снизу, приветливо:

— Потери в пределах!

Ликон отнял палец от спуска.

— В пределах чего? — спросил он Имбу.

Имба не ответил. Он смотрел, как дымится на бетоне то, что было их товарищем, и думал совсем не о нем. Он думал о слове «процент», которое сказали тогда за столом, между супом и вторым, когда Нан звал их в поле. Четыре процента. Для остальных приемлемо. Сказали тем же голосом, каким говорят о потерях овощей при закладке на хранение.

Кончилось как-то вдруг. Слизь перестала лезть. Остатки ее сползли в воду у выхода из чаши и не вернулись. Огонь их там не доставал. Имба не понимал, зачем слизь прячется в воде, ведь вода для нее яд. С другой стороны, огонь еще хуже. Генератор на барже затих на полувое, как подавился, и от него остался остов; кабели лежали в воде серые, съеденные наполовину, из воды торчали их огрызки.

Вар вышел на бетон. Лохмотья от слизи еще висели на нем. Он резко встряхнулся всем телом, и лохмотья упали.

Киборги пошли по трибунам добивать огнем то, что шевелилось. Это у них называлось «прочес». Старший послал марсиан вниз, в чашу, прочесывать западную сторону, и они спустились по ступеням в чад и в пепел.

Пепел был горячий. Сквозь прожженный сапог Имба чувствовал его пяткой. И там, где неделю назад он оставил свой след, опять шевельнулось тонкое тепло. Оно тянулось к жару. Такую грядку не вскопать ни одной лопатой. Ее вспахали огнем, двадцать шесть стволов с утра до обеда.

Он пошел вдоль нижнего ряда, медленно, приволакивая обожженную ногу, и каждый шаг ставил чуть с проворотом, на пятке, как тушат окурок. Из прожженной подкладки сыпалось на пепел то, что не сгорело. В четырех шагах от него Вар поднял из пепла недожженный ком слизи и держал его на ладони, разглядывая. Ком еще шевелился. Вар сжал руку, между пальцами у него проступило серое, и он протянул кулак гладкому с огнем, и тот сжег ком прямо у него в руке.

Имба поставил сапог в горячий пепел и повернул пятку. Вар на него и глаз не поднял, разглядывал свою руку.

— Воин, — сказал Ликон рядом, тихо, не поворачивая головы, — мы с тобой, выходит, огородники. Полем и сажаем.

— Заткнись!

— Все, все. Рот на замок.

Имба дошел до конца ряда, завернул за опору трибуны, где никого не было, и там его вырвало. Он стоял, упершись рукой в бетон, а в голове вертелась строчка из катехизиса: «

Станет мостом над бездной меж сталью и песком

». Конан сказал короче и не так красиво: «Ты не пророк. Ты мешок, в котором он едет». Сейчас он стоял над своей рвотой и думал, что Конан был прав. Он мешок, в котором едет Оно.

Ликон зашел за опору, глянул.

— Это дым, — сказал он. — Двуединый, меня самого с утра мутит. Нан за такое должен баню с веником.

Он протянул Имбе флягу. Имба прополоскал рот и сплюнул. На Марсе он бы никогда не выплюнул воду.

— Дым, — согласился Имба.

Обратно шли медленнее. Киборги грузились без спешки, пересчитывали оружие, что-то записывали на запястьях. Двадцать четыре. Одного забрало у воды, второго Имба не видел и не спросил. Счет у гладких сошелся и без него, а ворона на крыше сидела там же, где утром, и ее, похоже, никто не тронул. А потом птица слетела к трибунам и стала что-то склевывать — возможно, поджаренную слизь.

Одноногий ехал рядом с Имбой. Нижнюю половину ноги он оставил на трибуне, и культя в обрезке торчала из штанины косо. Он достал из-за пазухи плоскую флягу, отвинтил и протянул Имбе. Имба понюхал. Вода, теплая, сладкая, с привкусом, похожим на лекарство от кашля.

— Пей, — сказал гладкий. — Это хорошая. Ты рвал.

Значит, видел. Имба отпил два глотка, как было положено в пустыне, и вернул. Гладкий завинтил флягу, не отпив.

— А нога твоя? — спросил Имба и кивнул на обрезок.

— Починят. — Гладкий посмотрел на обрезок с тем же интересом, что тогда на трибуне. — Когда-нибудь. Я сороковой узел. Меня чинят последним, — добавил он и улыбнулся, будто это была смешная новость, которую он только что узнал.

Он заметил, что Имба держит обожженную руку на весу, стянул с себя толстую огнеупорную перчатку и положил рядом с ним. Сам остался с голой рукой, гладкой, без единой линии на ладони. Имба не знал, что с этим делать, и взял перчатку, еще теплую изнутри. Ликон с другой стороны лавки молчал, что само по себе было событием.

На пирсе их ждал Вар. Он приехал первым и стоял у сходен, пропуская всех мимо себя. Ликон шел перед Имбой. Когда он поравнялся с Варом, Вар взял его за правое запястье, просто и крепко, и повернул ладонью вниз, к фонарю. На тыльной стороне был ожог, мелкий, пустяковый, от брызг, Ликон его и сам не заметил. Ожог уже схватился корочкой, и Вар провел по ней большим пальцем, счищая сажу, под которой была чистая свежая кожа. Он подержал руку еще секунду, потом отпустил и отошел в сторону, давая дорогу.

Ликон прошел по сходням, не сбавляя шага. Только наверху, в коридоре, сказал Имбе, глядя прямо перед собой:

— Руки у него теплые. Я думал, холодные будут. Наверное, огнеметом грелся.

Имба сжал в кармане перчатку сорокового.

Баню натопили. Она оказалась в самом низу, за котельной, старая, с облупленной плиткой и надписью на двери, наполовину сколотой: «…СКАЯ». Нан не соврал: ею никто не пользовался, пар гладким был ни к чему. Их проводил туда слуга с пустыми глазами, показал краны, полотенца, сказал «приятного» и ушел.

Пар был густой, сырой, с запахом ржавчины. Со стен текло. Ликон лег на полок, раскинув руки, и застонал от удовольствия, а потом запел про насос с прокладкой, в третий раз за день, и в кафеле это звучало втрое громче и вдвое фальшивее.

Ремень лопнул — вот беда-то!
Парень пояс свой отдал.
Там пыхтит насос, а он, ребята,
За штаны рукой держал.

Имба сидел на нижней лавке. С него текла черная вода, потом серая, потом просто вода. Кожа на ноге, где держала слизь, была красная, в пузырях, но уже не такая багровая, как час назад. Пятно на руке не чесалось.

— Веника нет, — сказал Ликон с полка. — Я смотрел. Ни одного.

— Так спроси.

— Спрошу у Нана. — Ликон повернулся на бок. — Он любит, когда спрашивают. Типа: Нан, а где у вас тут березы? Он скажет: у меня на стене под дождем. И будет пытать сеть, как сделать веники из пикселей.

Глава 15 Мокрые камни

Соль провожал рейд с ковшом. Ковш был эмалированный, когда-то белый, с отбитым краем, и дыру в дне кто-то заткнул смолой. Соль стоял на нижней площадке, там, где пожарная лестница уходила прямо в воду, и каждого, кто спускался в лодку, неторопливо поливал по затылку. Вода текла за шиворот, по хребту, до ремня. Так было положено, и никто не ежился, кроме Сипатого. Сипатый ежился каждый раз и каждый раз кашлял.

Лета подставила затылок. Вода была ледяная и пахла ржавой трубой.

— Серое тебя обходит, — сказал Соль негромко, ей одной. — Поглядим, обойдет ли сегодня.

— Будем смотреть оба, — ответила Лета.

Сказала она это его голосом: с его тягучим «гля», с нажимом на конец слова. Вышло само. Она поняла это, когда у Соля дернулась бровь. Он зачерпнул еще, хотя полагался один ковш, и вылил ей на макушку.

— С тобой пойдет Гвоздь. Добыча, может, большая. Одна не унесешь.

На слове «добыча» он моргнул. С недавних пор Лета стала замечать такие вещи: кто моргает на каком слове, у кого дергается угол рта, когда он говорит «я не видел». Она списывала это на то, что пригляделась к здешним. Люди везде врут одинаково.

Искра висела на перилах третьего пролета, свесив голову, так что волосы у нее болтались вниз мочалкой. Ее не взяли. Ночью она дважды перебиралась к Лете на матрас доказывать, что она легкая, что на воде как поплавок, что от нее будет польза, и оба раза засыпала посреди довода, уткнувшись Лете в плечо.

— Весла не утопи! — крикнула она сверху. — Левая уключина болтается!

— Знаю, знаю. Сама ее вчера подвязывала.

— Ты не знаешь! Ты

думаешь

, что знаешь!

Кто-то на лестнице засмеялся, Соль не засмеялся.

Утопленник был лодкой Леты уже вторую неделю, и все равно она садилась в него с опаской. Его подняли со дна у Краснопресненской, отчерпали, залатали жестью от вывески, и на заплате у кормы еще читалось «…НИЦА». Под сланями перекатывался балласт — речная галька, которую Лета сама набрала на отмели у Нагатина. Пять камней она с вечера переложила в карман куртки, и теперь куртку тянуло на правый бок.

Гвоздь шагнул в лодку, и нос ушел в воду на ладонь.

Шли на четырех лодках серединой реки, где течение быстрее и меньше хлама. Сипатый греб впереди и кашлял в такт веслам: гребок, кашель, гребок. Проплыла башня Киевского вокзала с часами без стрелок, и Моток, как всегда на этом месте, сказала: «Полдвенадцатого». Как всегда, никто не засмеялся, но все посмотрели. У Новодевичьего Гвоздь велел прикрыть железо, и багры, котелки, топорище накрыли мешковиной. За колокольней, за рекой, на горе серело МГУ. Гора оттуда стреляла по бликам. Блик — значит железо или стекло, а все железо в своей воде Гора считала своим, и кто его тащил, тот был вор. Ружье у Горы, говорили, одно, длинное, на самом шпиле, а патронов к нему целый склад. Оттого и не жалели.

Под метромостом было пусто и гулко. Нижний ярус, где когда-то ходили поезда, висел над водой стеклянной трубой, разбитой через окно, и по этой трубе гулял ветер и свистел в дырах на разные голоса. Несколько дней назад серое лежало под мостом, как тесто в квашне, гладкие жгли его с воды, и оно ушло, оставив на быках черные пятна в пузырях и кабели, свисавшие с нижнего яруса, обгорелые снаружи, медные внутри.

— Где серое было и ушло, три дня не брать, — сказал Сипатый.

— Три дня и прошло, — сказал Гвоздь.

— Сегодня только третий, — уперся Сипатый и закашлялся. — Третий — это еще не прошло.

— Значит, прошло.

Соль полагал иначе. Но Соля тут не было, а медь была. Гвоздь полез по быку вверх с самодельной ножовкой, и через минуту сверху посыпалась черная окалина.

Лета держала лодку у быка, но думала не о меди. Лужники отсюда были видны как на ладони, если ладонь отставить подальше: чаша стадиона, ребра крыши, выжженные добела трибуны. Северная сторона, та, что к реке, выгорела не вся, там на белом лежала сажа полосами, и где-то там она хотела оставить знак. Но для этого надо было подойти ближе, чем разрешит Гвоздь.

Гул пришел по воде раньше, чем звук. Сначала заныли зубы. Потом у Леты зачесалась переносица изнутри, там, где не почешешь. Сипатый перестал грести, Моток подняла голову. А потом гул стал слышен, ровный, тугой, откуда-то со стороны Хамовников.

— Гладкие, — сказал Гвоздь сверху и замер на быке.

Лодки загнали за упавший пролет, под бетонный козырек, где вода стояла черная и неподвижная. Сами полезли наверх, в стеклянную трубу. Лежали на битом стекле, на рельсах, на гнилых шпалах, и стекло хрустело под локтями, пока Гвоздь не шикнул.

Полбинокля она выменяла у нагатинского менялы на две банки тушенки из добычи прошлого рейда. Меняла торговался на ее же говоре, решил, что свои, и уступил. В одной половине бинокля не хватало второго стекла. Иногда Лета от скуки наводила его на небо, и там плыли яркие перевернутые облака.

Гладких было много, в одинаковых касках, и с ними большой. Он спрыгнул с головной амфибии прямо в воду, возле баржи с брезентовым горбом, из которой гудело.

— Ловец, — сказала Моток одними губами.

Здесь его звали так. По имени его не знали: имен у киборгов не было, а если и были, то не для людей.

Двое в серых куртках поднимались на северную трибуну. Лета поймала их в бинокль и рассмотрела. Один что-то говорил не переставая, и огнемет у него в руке ходил туда-сюда, как указка у экскурсовода. Второй тяжело поднимался следом. Имба. Он сел на ряд выше, огнемет положил рядом.

Она сунула руки в карманы. В правом лежали камни, мокрые, холодные, и она взяла один в кулак.

— Они, — повторил Гвоздь, глядя. — Живые в серых. С ними ходят, с ними ездят. Жрут с ними, небось. Одной породы.

— Живые ж, — сказал Сипатый. — Люди, не железо.

— Гладкие тоже когда-то живые были.

— Т-ссс, — прошипела Моток.

Камень в кулаке нагрелся, и она взяла другой.

Ждали долго. Сипатый держал в себе кашель, краснел, выдыхал через нос. Гвоздь отдал стекло Моток, та вернула его Лете, не глядя: ей было страшно смотреть на Ловца, а стекло само к нему тянулось.

А потом вода у выхода из чаши перестала блестеть: под ней шло серое. Моток зашептала: «Вода свята, вода свята», быстро, без выражения.

— Вакуум тебе в глотку! — донеслось с северной трибуны. — Железяка! Ну!

Моток подняла голову:

— Чего он там орет?

— Не разобрать, — ответила Лета.

Она прикусила изнутри щеку и держала, пока не стало солоно.

Это было любимое словечко Ликона. На втором курсе Академии профессор его спросил: «Что такое вакуум?» Ликон ответил: «Это когда ничего нет». Профессор кивнул: «Верно. Ваша работа — наглядный пример». Ликон принял это за похвалу и с тех пор слово «вакуум» считал счастливым. Это Лета знала из его дела.

Дальше Лета видела урывками, сквозь дым: серое взяло Имбу за ногу, одноногий гладкий выжег его в упор, и Имба потащил гладкого вверх по рядам, закинув его руку себе на шею.

— Видала? — сказал Гвоздь у нее над плечом. — Своего гладкого тащит.

— Видала, — сказала Лета, не отрываясь от стекла.

— Вот тебе и «живые».

И тут Сипатый закашлял. Он держал это полдня, и теперь из него пошло все сразу, с бульканьем, с присвистом. Лета не думала. Она повернулась, схватила его голову в жесткий замок, перекрыв дыхание. Держала, а он бился у нее в руках мелко, как рыба на дне лодки, и кашлял в ткань.

Ловец поднял голову. Лета видела это без стекла. Он стоял на бетоне у воды и смотрел на метромост.

Сипатый затих у нее в руке. Она отпустила его. Он лег на стекло и дышал, открыв рот, и из глаз у него текло.

— Ты чего, — прошептал он. — Ты ж мне шею…

Лете захотелось заехать ему покрепче, но она побоялась, что тот закричит. Собиратели из речного народа хорошие, бойцы — никакие. Поэтому она зло прошипела:

— Заткнись!

Моток смотрела на ее руки, которые только что держали Сипатого так, как собиратели не держат. Лета убрала их под себя, Моток молча отвернулась.

Киборги грузились без спешки: двадцать четыре, большой, и двое в серых. Один хромал и держал руку на весу, будто нес в горсти воду. Ушли. Гул уполз к Хамовникам, потом в сторону, и сразу сделалось слышно, как свистит ветер в разбитой трубе. Рейд ждал еще столько, сколько Гвоздь считал до трехсот, трижды. И только тогда полезли вниз, к лодкам.

В чаше было жарко. От воды у бетона шел пар, пепел лежал теплый, в нем что-то потрескивало, остывая. Воняло паленой медью и горелым пластиком так, что щипало в носу. Лодки ткнулись в бетон у ворот без сетки. Наверху, на ребре крыши, сидела ворона и косила на них одним глазом.

Черное у воды, то, что было гладким, Гвоздь обошел. Потыкал багром. Внутри звякнуло.

— Внутри наполовину железный, — объяснил он Лете, хотя она не спрашивала. — Хорошее железо, нагатинские берут. Только это, — он потыкал еще, — это серое трогало. Не берем. Соль узнает — руки отсохнут.

— От Соля?

— От серого. — Гвоздь подумал. — От Соля тоже.

Лета сказала, что пройдется по северной трибуне, где, по ее словам, еще было чем поживиться. Гвоздь подумал и согласился: логика была его, добычная. Но пошел за ней, держась на три ряда ниже, так, чтобы не выпускать ее из виду.

По нижнему ряду западной стороны, где пепел лежал толще всего, шли следы. Одни гладкие, ровные, одинаковые, их было больше всего. Другие — две пары сапог, тех же, что у гладких, но шаг другой: живой, тяжелый, пятка вдавлена глубже носка. Так ходят под земной тяжестью марсиане. Один сапог печатался криво, с прожженным краем. И каждый его шаг был смазан поворотом. Все шаги подряд. Весь ряд.

Лета присела над одним и сделала вид, что поправляет голенище. Ковырнула ножом. Под верхней коркой пепла, в самом повороте, лежали крупинки, мелкие, темные, мягкие. Она поднесла нож к лицу. Пахло хлебной коркой. На корабле так пахло в отсеке с контейнером после аврала, когда Субстрат перестал их душить и стал давать воздух и еду. Она вытерла нож о штанину.

Наверху, на северной трибуне, куда пришлось подниматься по скользким ступеням, пепел был старый, недельный, и корка на нем толще. Лета нашла место, где стоял огнемет: круг чистого бетона под брызгами, сажа, мазок на сиденье, будто кто-то провел по нему растопыренной пятерней. Здесь он мазал себе шею, а на ряд выше лежал обыкновенный ржавый болт с гайкой. Лета отгребла корку ножом. Под коркой лежали нити, белые, тоньше волоса, много, и одна прицепилась к лезвию и потянулась за ним, не желая отставать.

Они сеяли. На чужой земле, под чужим огнем, в строю тех, кто их держал. А потом второй стоял за опорой, и его рвало.

— Нашла чего, нет?

Моток поднималась по ступеням, отдуваясь. Лета одним движением нагребла пепел обратно рукой и встала.

— Болт. Целый, с гайкой.

— Болт — хорошо, — сказала Моток. Она глянула под ноги, туда, где под Летиной рукой только что было белое. Край еще торчал. — А это что? Плесень?

— Кость, — сказала Лета. — Белое. Гладкого, может, разметало.

Моток отступила на шаг и вытерла руку о бок, хотя ничего не трогала.

— Тьфу ты. Пошли отсюда.

— Иду. Шнурок вот только.

Моток пошла вниз. Лета смотрела ей в спину и знала, что та поверила. Это было видно по плечам.

Камни в кармане успели высохнуть. Она положила их на ступень, прямо на пепел, на полшага в сторону от круга чистого бетона. Четыре квадратом, ладонь на ладонь. Пятый, с белой жилкой через все тело, в середину. В пустыне, в разведке Церкви, так клали знак «свой, жив, близко». Квадрат был священный, его знал любой клирик, но так, с камнем внутри, его знали только те, кто ходил по барханам. Ликон знал: его учил Кадар, еще в Академии.

Потом она отвинтила флягу и полила средний камень. В пустыне воду лили на средний камень, чтобы нашедший понял: положили сегодня. Через час на солнце камень был бы сухой. Здесь не сохло ничего, и знак, выходило, будет свежим всегда.

— Ты там приросла?

Гвоздь поднимался по ступеням, большой, и смотрел на нее, не под ноги. Лета не двинулась. Сапог его опустился на ступень в ладони от ближнего камня, так близко, что пепел под подошвой сдвинулся и присыпал гальку.

— Шнурок, — сказала она.

— Второй раз уже шнурок.

— Гнилые, значит, у нас шнурки.

Гвоздь посмотрел на ее сапог. Шнурки и правда гнилые, и Лета дала ему это увидеть.

— Соль велел за добычей глядеть, — сказал Гвоздь. И моргнул.

— Так гляди.

Она протянула ему болт. Он взвесил его в руке, сунул в карман и пошел вниз.

Вернулись затемно. Соль стоял на нижней площадке без ковша и пересчитывал лодки и людей пальцем, шевеля губами.

— Серые были? — спросил он Гвоздя.

— Были. Живые в серых, с гладкими. Жгли вместе. — Гвоздь вытащил из лодки моток меди и бросил на площадку. — Своего гладкого на себе тащили. Гладкие своих жгут, а эти гладких тащат.

Соль кивнул, будто так и думал.

— А тебя, — сказал он Лете, — опять обошло?

— Обошло, — подтвердила Лета. — Я же не лезу в огонь как дура.

— Везучая.

Он сказал это ласково, и Лета опустила глаза, чтобы он не заметил, что она видит, как он это сказал.

Искра не спала. Она лежала на матрасе лицом к стене, к трем буквам «ПЕР», оставшимся от какого-то старого слова, которые она каждый вечер обводила пальцем, и, когда Лета вошла, спросила, не поворачиваясь:

— Видела их? Ну, этих?

— Кого конкретно? Я многих видела.

— Серых. Про которых Жесть рассказывал. Один большой, а другой песни орет.

Лета села на край и стала стягивать сапоги. Шнурок на левом лопнул у нее в пальцах.

— Видела всех.

— Они плохие? Соль говорит, плохие. Одной породы с гладкими.

Лета долго возилась со шнурком, связывала концы.

— Один ругался смешно.

Искра повернулась.

— Как? Ну скажи, как?

— «Вакуум тебе в глотку».

Искра подумала. Повторила губами, потом вслух, пробуя:

— Вакуум. А это что?

— Это когда нечем дышать.

— Как под водой?

— Хуже, — ответила Лета. — В воде хоть барахтаться можно. А там ничего нет. Совсем.

— А ты откуда это знаешь?

— Читала в какой-то книге про космонавтов, — быстро ответила Лета.

Искра отвернулась обратно к стене и полежала тихо. Может, думала, кто такие «космонавты». Потом пробормотала сонно, пробуя слово на вкус, как новый сухарь:

— Вакуум тебе в глотку, Соль.

Глава 16 Повезло

Ночью Имба встал и пошел в ванную. Там пустил горячую воду, открутил два винта и отогнул панель. Белого за ней стало больше, чем три дня назад. Оно оплело трубу в два слоя, как утеплитель, спустилось по стене и растеклось в щель под кафелем. Имба снял с левой руки перчатку Сорокового и сунул под мышку. Поперек ладони шла розовая черта, тоньше нитки: все, что осталось от позавчерашнего надреза. Он провел по черте столовым ножом и, когда

выступила кровь, подставил ладонь. На этот раз белое само потянулось навстречу, приподнялось над трубой и тронуло его ладонь, как теленок тычется мордой в руку.

— Ешь, — сказал Имба. — Не торопись.

Он держал руку, пока пальцы не начали мерзнуть, потом закрутил панель, умылся и натянул перчатку. В зеркале был он: землистый, небритый, с лицом человека, который выспался. На Земле с ним такого еще не случалось. Он поглядел на себя с подозрением и пошел завтракать.

Выход назначили на девять. «Добрать Лужники», — приказал вчера Нан за чаем, таким голосом, каким говорят про грядку, которую теща не дополола. Слизь ушла в воду не вся, и ее собирались выманить на берег теплом и сжечь. На барже везли тепловую пушку и шесть синих бочек с огнесмесью, а на корме высился Вар, как башня главного калибра на линкоре.

Ген ехал в поле первый раз, в амфибии, следом за баржей, и вез с собой ящик. Ящик был пластиковый, серый, с ручкой, в гнездах стояли пробирки, двадцать четыре штуки, и на каждой волне они звякали все разом, как посуда в буфете, когда по улице идет грузовик. Ген всякий раз клал на крышку руку. Звякать от этого не переставало.

Сороковой сидел напротив, вытянув новую, теперь железную ногу поперек прохода, и все через нее перешагивали. Почему железную, никто не объяснял; может, живой материал у киборгов кончился. Имба сидел рядом с ним. Перчатку Сорокового он надел еще в шлюзе и не снимал, хотя в амфибии было душно.

Нога у Имбы зажила. Ожог, который четыре дня назад был мокрый и розовый, теперь затянулся блестящей кожей, и Имба не хромал. Ликон велел ему хромать еще неделю, и Имба честно так делал, но все время забывал, на какую ногу.

Сам Ликон с утра натер сажей шею и левое запястье. На трап амфибии он поднялся с огнеметом на плече и не взялся за поручень. В первые недели на Земле каждая ступенька была как чужой ребенок на закорках, а по утрам он лежал и собирался с духом, чтобы сесть. Потом в стене за изголовьем завелось белое, потом за ванной, и давить стало меньше. Подставляла, выходило, стенка. Благодарить стенку вслух он пока не решался.

— Задача простая, — сказал Ген, когда амфибия сбавила ход. Говорил он Ликону и Имбе, не отрываясь от ящика. — Мне нужен пепел. Верхний слой, нижний слой. Нужна проба с трибун. Нужна вода у выхода из чаши. Слизь ушла в воду, и я хочу знать, в каком виде она ушла.

— А мы что делаем? — спросил Ликон. — Ведра на коромысле носим?

— А вы стоите там, где стояли, и смотрите, чтобы она не вернулась, пока я копаю.

— Тогда нам надо было взять лопаты, а вам огнемет.

Ген ответил сразу.

— Нет, — сказал он. — Так хуже.

Чашу Имба узнал с воды по запаху. Паленая медь почти выветрилась, но под ней осталось то же, сырое и кисловатое, как в погребе с картошкой по весне. Гладкие этого не чуяли. Сверху чаша за эти дни остыла, а внутри нет. Пепел лежал на трибунах серый, ровный, в полосах, как снег после оттепели, а если ступить, под коркой было тепло, и сапог уходил мягко. На нижних рядах корка лопнула мелкой сеткой, и в трещинах было белое, кое-где уже не нитки, а войлок. Там, где Имба досевал горячий пепел, нижняя трибуна была теперь как хлеб, забытый в хлебнице: сверху серый, а изнутри уже белое. Гладкие сходили по ступеням, ставили ноги ровно, одинаково, и под их ногами трещины хрустели и расходились. Никто не посмотрел вниз.

Пушку поставили на нижнем ряду, у воды, цепь гладких растянулась на третьем и четвертом. Вар спрыгнул в воду у выхода из чаши и пошел вдоль бетона, опустив руки. Вода ему была по пояс. Он шел медленно, иногда останавливался и совал руки глубже, и стоял, будто нащупывал на дне ключи. Ген с ящиком и двумя киборгами пошел на западную сторону, туда,

где пепел был толще. Имбу, как всегда, поставили к воде, рядом с Сороковым, Ликона — наверх, на северную трибуну.

— Займите место, — сказал старший гладкий. У старшего было то же лицо, что у всех, только нашивка на плече и привычка говорить про «место», будто у Ликона был билет на матч.

Круг чистого бетона, где стоял огнемет, Ликон нашел сразу. Вот мазок на сиденье, его пятерня, когда он хватал сажу. Вот, на ряд выше, место, где лежал болт: болт он заметил еще в тот раз, но поленился поднять. Болта не было.

Ликон остановился. Киборгам болты не нужны. А тут прошел кто-то легкий, и он ставил ногу на носок, словно под ней могло оказаться что угодно. Он опустил глаза. На ступени, в полушаге от круга, лежали камни. Четыре квадратом, ладонь на ладонь, и пятый посередине, серый, с белой жилкой через все тело; один угловой почти целиком ушел под пепел. Ликон стоял и смотрел, и ничего не думал. Потом подумал, что надо дышать, и подышал. На курсах разведки в Академии его учили так: пустой квадрат значит «здесь был», квадрат с камнем значит «свой», а если камень мокрый, положили сегодня.

Он присел, будто поправить голенище, и тронул средний камень пальцем. Сухой, но пепел под ним мокрый. Он поднял голову так быстро, что хрустнуло в шее. Метромост. Стеклянная труба нижнего яруса, битые окна, пустые, в одном свистит ветер. Над ним колокольня, по нижний ярус в воде. Она была здесь сегодня утром.

И тут он вспомнил, что на знак отвечают. Как отвечают, он забыл: то ли берут средний, то ли угловой переворачивают. Прилежным учеником он не был. Средний, решил он. Пустой квадрат читается «здесь был». Он был здесь, это, по крайней мере, правда. Он забрал камень с белой жилкой.

Ген поднялся на северную трибуну через полчаса. Он шел по ступеням медленно, с ящиком в руке, и смотрел внимательно под ноги. Двое гладких остались внизу.

— Вы здесь стояли, — сказал он.

— Здесь, где ж еще.

— И жгли.

— Жег. Когда меня отпускало.

Ген кивнул, поставил ящик на сиденье и сел на корточки прямо у круга чистого бетона. Ликон не шевельнулся. Огнемет лежал на месте, ствол над камнями. Ген на огнемет не посмотрел. Он вынул из ящика пробирку и плоскую ложечку на длинной ручке. После чего принялся снимать пепел слоями и ссыпать в пробирку.

— Ложечка у тебя как у дегустатора. — Ликон следил за пробиркой. — И каков этот пепел на вкус?

— Он мертвый и несъедобный. — Ген закрыл пробирку, написал на ней что-то ногтем, у него ноготь писал. — А на западной стороне, в нижних рядах…

Он не договорил. Взял новую пробирку, ковырнул глубже, под корку, туда, где было тепло. Ложечка вернулась, и на ней, поверх пепла, лежала нитка. Белая, тоньше волоса. Нитка шевельнулась и потянулась за ложечкой, как тянется за пальцем паутина, когда ее рвешь. Ген долго разглядывал нитку, потом стряхнул ее в пробирку, закрыл пробкой и постучал по стеклу ногтем. Три раза, пауза, еще раз. Как стучат в дверь, за которой, может, спят.

— В пепле ничего не растет, — пояснил Ген. — Сто лет не растет. Слизь все съедает, а где слизь выжгли, там стерильно. Я это знаю, потому что все эти годы пытаюсь что-нибудь вырастить на пепле. Ядовито. Потом, когда его размывает, — трава растет. Хотя слизь тут же ее съедает.

— Может, это от вашего огня. Мутация. А еще я видел, как ворона что-то клевала в пепле. Глупая птица не читала ваших отчетов.

Ген кивнул, но пробирку с ниткой в ящик не поставил; сунул в нагрудный карман и застегнул клапан, и только потом закрыл ящик. В ящике оставалось двадцать три гнезда с пробирками и одно пустое. Ликон перевел взгляд с пустого гнезда на Гена. Киборг поднялся, отряхнулся и пошел вниз, и, спускаясь, наступил в квадрат. Прямо в середину, туда, где пять минут назад был камень с белой жилкой. Под его ботинком хрустнул пепел, один угловой камень выкатился и сполз на ступень ниже.

Ген не оглянулся.

— А вы сегодня не поете, — сказал он снизу, не поворачиваясь.

— Горло. — Ликон кашлянул для убедительности. — Сорвал. Вчера на баржу орал, а она не слушала. Зато чайки слушали. Им понравилось. Громко подпевали.

— Жалко. Они привыкли. — Ген кивнул на цепь гладких. — Им нравится. Я смотрел запись. — Он спустился еще на два ряда и добавил, будто продолжая тот же разговор: — Нан тоже смотрел.

Из воды вылезли два серых горба, один за другим, и их сожгли внизу, как жгли в прошлый раз. Пушка грела. Вар ходил по пояс в воде вдоль бетона и вынимал руки пустыми.

И вдруг над северной трибуной, под козырьком, из темного прохода, из которого сто лет назад выходили к своим местам зрители, потекло серое. Не горбом, как из воды, а сразу всем проходом, до потолка, как тесто из квашни. И из соседнего прохода тоже. И из следующего. Слизь не вся ушла в воду. Часть ее ушла под трибуны, в коридоры, в раздевалки, в подсобки, куда огонь не заглядывал, и все эти дни лежала там, тихая, и копила. А теперь пушка грела, и она пошла на тепло, только не с той стороны, где ее ждали.

Цепь гладких развернулась вся разом. Рядом с Ликоном, между ним и проходом, стояли два киборга. Они ударили из огнеметов в проход, и огонь вошел в серое, и серое сомкнулось за ним.

Внизу, у баржи, закричал металл. Сороковой тащил по сходне тележку с бочкой. Запасную, седьмую, ее сняли с баржи, когда стало ясно, что шести на такую уборку не хватит. Тележку он тащил на одной ноге, а вторую переставлял, как костыль. Из воды у самой сходни, из-под баржи, вылез третий горб, маленький, с собаку, и обнял железную ногу. Нога заскрипела. Серое пошло по ней вверх, к шарниру, где железо входило в тело. Сороковой посмотрел на ногу и выпустил тележку. Тележка съехала, бочка упала набок и стала медленно поворачиваться на ребре.

— Сороковой, — сказал старший. — В пределах.

Двое гладких на нижнем ряду повернули стволы к сходне. Имба знал, что огнемет в его руках к ним не повернется. Он шагнул с бетона на нижний ряд, на свой пепел. Под ногой было тепло. Потом под ногой было горячо, и это горячее пошло вверх, через подошву, через подкладку сапога, где лежали остатки спор, через пятку, в кость. Оно шло быстро, быстрее, чем кровь. Оно было знакомое. Воин узнал его, и от этого у него на миг ослабли колени, как у человека, которого в толпе окликнули по имени. Слабость прошла, земля исчезла.

До сходни было двенадцать шагов, он сделал три. Серое было уже у шарнира киборга. Имба взял железную ногу обеими руками, над серым, там, где начинался шарнир, и рванул. Железо поддалось сразу, как поддается гнилая доска, и в руках у него оказалась нога с серым на ступне. Он развернулся и бросил ее в воду.

Сороковой сел на сходню. Рот у него был приоткрыт. Бочка еще поворачивалась на ребре, когда Имба подхватил ее. Он взял ее за обод и за днище и поднял над головой, и под ним тоненько хрустнул бетон. Имба прикинул, что в бочке двести с лишним килограммов.

Наверху серое уже вышло из проходов и катилось по рядам вниз, валом, на цепь, на двоих гладких у Ликона, на самого Ликона, который пятился по ступеням с огнеметом, и огонь его ствола тонул в сером, как спичка в луже.

Имба бросил. Бочка ушла вверх по дуге, пролетела над цепью огнеметчиков и ударила в самую середину вала. Серое сомкнулось над ней.

— Жрец! — сказал Имба. Он не крикнул, у него на крик не было воздуха. Но Ликон услышал.

Ликон ударил в то место, где сомкнулось. Сначала ничего не было, огонь ушел внутрь, как в воду, а потом вал вспучился и лопнул, изнутри, весь, от прохода до третьего ряда, и оттуда вышло такое пламя, что у Имбы на лице стянуло кожу, хотя он стоял в сорока шагах. Серое завизжало все сразу, на тысячу голосов. Цепь гладких ударила по краям, по тому, что выползало из огня, и жгла ровно, по очереди. И сквозь этот визг, сквозь гул, сверху, орал Ликон:

— Покатилась! Воин! Ты видал, как ее понесло?! Под горку! Я думал, она мне в лоб!

И хохотал, громко, взахлеб, до икоты.

Имба стоял у сходни, опустив глаза на пустые руки, и ждал, и это продлилось еще минуту, может, две. Он успел поднять Сорокового со сходни, под мышку, и отнести на третий ряд, подальше от воды, и посадить. Успел увидеть, как Вар выходит из воды у пушки и серое стекает с него, не цепляясь, как вода со смазанного ботинка.

А потом, когда он шагнул с третьего ряда обратно на голый, незасеянный бетон, земля вернулась с процентами. Ноги сложились, как складной метр, и он сел на бетон. Во рту было сладко и медно. Воздух стал густой, его приходилось откусывать.

Серое наверху догорало. Ликон спускался по рядам, спотыкаясь, с огнеметом за спиной, лицо черное, только зубы и глаза.

Вар медленно дошел до пятна и посмотрел на ошметки. Обернулся вниз, на пепел между ним и Имбой. Потом спустился. Он остановился над Имбой и протянул руку. Рука была огромная, серая, мокрая, пальцы толщиной с черенок лопаты. Такую руку протягивают, чтобы помочь встать. Имба взял руку, Вар сжал. Он сжимал медленно. Не больно сперва, а потом так, что в пальцах Воина что-то хрупнуло. Имба не отнял руки, отнять было нечем. Пальцы у него были обыкновенные, дрожащие, чахлые, пальцы гостя, который с самой высадки лежит под земной тяжестью и спит по двенадцать часов. Лицо у Вара ничего не показывало. Такое лицо, наверно, было у сейфа. Потом он разжал руку, выпрямился и пошел к барже. Имбу он так и не поднял.

— Он тебя пожалел? — шепотом спросил Ликон.

— Не пожалел. Взвесил.

Ликон сел рядом с ним на бетон.

— И сколько вышло?

Имба пошевелил пальцами, два не шевелились.

— Мало, — ответил он.

Старший киборг стоял над тем, что осталось от вала, и говорил себе в воротник. Имба слышал его теперь плохо, земными ушами, но разобрал:

— …бочка, заполнение полное, масса двести десять. Смещение двадцать два метра по горизонтали, девять по вертикали…

— Под горку! — сказал Ликон громко, в сторону старшего. — Уклон же!

Старший повернул голову.

— Уклон трибуны недостаточен для такого смещения.

— Значит, повезло.

— Что значит «повезло»?

Ликон подумал, почесывая черную шею.

— Это когда недостаточно, а получилось, — сказал он.

Старший помолчал и опять наклонил голову к воротнику и сказал туда, ровно, без выражения: «Повезло».

Сороковой сидел на третьем ряду, там, где его посадили. Железной ноги у него больше не было, только культя в обмотке и из обмотки провода. Живую ногу он аккуратно вытянул вдоль ступени. Имба подполз к нему по ступеням. Идти он пока не мог.

— Меня не чинят, — сказал Сороковой.

— Я знаю.

— Ногу вы бросили в реку.

— На ней было серое.

— На ней была нога, — сказал Сороковой.

Он повернулся к реке, туда, где у колокольни плюхнулось железо. Имба ждал, что он скажет еще. Гладкие не говорят лишнего, но и Сороковой уже сказал лишнего, три раза подряд.

— Я видел бочку, — сказал Сороковой.

За ужином Нан был в хорошем настроении.

— Мне показали запись, — сказал он, разламывая хлеб. Хлеб он ломал красиво. — Я, признаюсь, досмотрел не сразу. Сначала выключил. Нельзя так, Им Ба. Мы вас не для того кормим, чтобы вы носили на голове бочки.

Имя он произнес по-марсиански, в два удара, будто читал с листа. Видно, вычитал в бумагах Чипки и теперь пробовал, как все новые слова.

— Она сама, — сказал Имба. Правую руку он держал под столом. Два пальца распухли, но уже меньше, чем час назад.

— Она покатилась, — сказал Ликон. — Я видел. Я сверху видел лучше всех.

— Вам, говорят, повезло.

Нан сказал это слово осторожно, будто пробовал незнакомую ягоду передними зубами.

— Повезло, — повторил он. — Бот, у нас есть такое слово?

— У нас есть вероятность, — сказал Бот. Он сидел над пустой тарелкой, прямой, и тарелка ему была нужна для порядка. — Вероятность того, что полная бочка, двести десять килограммов, сместится на уклоне трибуны на двадцать два метра без внешнего усилия, приблизительно равна… ноль, запятая, девять нулей и после двойка.

— Бот, гости устали. — Нан повернулся к Ладе. — Как вы переводите «повезло», Ла Да? Мне для коллекции.

Лада пила чай. Она поставила чашку.

— Никак. Это когда не считаешь.

— Бот, слышишь? Это когда не считаешь.

— Я не умею не считать, — ответил Бот.

Нан рассмеялся. Смеялся он хорошо, тепло, с морщинками у глаз, и морщинки у глаз были у всех гладких одинаковые, но у Нана они выглядели так, словно он их заработал. Кресло Вара стояло пустое. Вар, сказал Нан, ужинает у себя, у него после выходов аппетит.

Ген сидел в конце стола и катал из мякиша шарики. Шариков перед ним было уже девять, в ряд, и он делал десятый. На Имбу он не смотрел — только под стол, на сапоги Имбы, к которым прилип пепел.

— И Сороковой, — сказал Нан. — Вы его спасли дважды. Его и ногу. Ногу, правда, в реку, но он ее все равно не ценил. Вы знаете, Им Ба, что узел в сороковом ряду нам не нужен? Мы их не чиним. Дешевле сделать новый.

— Знаю, — сказал Имба.

— Тем более трогательно, — сказал Нан, и Имбе на миг показалось, что он говорит это совершенно искренне. — Баню натопили. Идите париться. Больше так не делайте, пожалуйста. Мне вас жалко.

В ванной пустили горячую воду на полную, чтобы гудели трубы. Трубы тут гудели охотно, они были единственное в логове, что вело себя как дома. Зеркало над раковиной сразу запотело. Лада сидела на краю ванны. Имба стоял в дверях, спиной к косяку, закрыв собой щель. Ликон лежал на кафеле, потому что после бани его развезло, и держал на груди камень.

— Ее знак, — сказал Ликон. — Так кладет только разведка. Меня этому учил Кадар еще в Академии.

Лада склонилась над камнем, не трогая.

— И что он значит?

— Свой. Жив. Близко.

— Где лежал?

— В моем ряду. В полушаге от того места, где я стоял в бою. Она видела, где я стоял. Она нас видела, Арасуль. В тот день. Она была там.

Лада молчала, трубы гудели. Имба отлепился от косяка, шагнул, взял камень у Ликона левой рукой, поднес к лицу и долго нюхал с закрытыми глазами.

— Река, — сказал он. — Ржавое. Рыба. Дым от сырого дерева. — Он открыл глаза. — Люди. Много. Она у людей живет.

— У каких людей?

Имба отдал камень обратно.

— В тот день, когда мы жгли, у моста я почуял живых.

Ликон уставился на него.

— И ты четыре дня молчал, Воин?

— Я не знал, что это она.

— А живые у моста тебя, значит, не удивили? На мертвой планете?

— Ты за баржей кашель слышал, — добавил Имба. — Тоже никому не сказал. Ты хотел, чтобы я обратил на это внимание киборгов?

Ликон дернул плечом. Лада переводила взгляд с одного на другого и не вмешивалась, а после сказала:

— Кто еще видел камни?

— Никто. Я огнемет на них положил. Ген видел. Ген наступил. Но он не на камни смотрел.

— А на что?

И Ликон рассказал про пепел, про нитку, про пробирку в нагрудном кармане, про двадцать три гнезда и одно пустое. Лада слушала, глядя в запотевшее зеркало. Когда он дошел до того, как Ген постучал по стеклу, три раза, пауза, еще раз, она подняла глаза.

— Три и еще один?

— Три. Потом ждал. Потом еще раз. Как в дверь.

Лада опустила руку в воду под кран, подержала, вынула. Вода была горячая, и пальцы покраснели.

— Я чуть не побежал, — добавил он. — Там. До воды сто двадцать шагов.

— Знаю, Жрец.

— Откуда знаешь?

— Ты бы не рассказывал, сколько шагов, если бы не считал.

Он хотел пошутить и не нашел чем. Имба в дверях переступил с ноги на ногу, и Ликон увидел, что тот снова забыл, на какую хромать.

— Мы не знаем, где она, как она живет, с кем, — сказала Лада. Она говорила тихо, но так, что вода будто стала шуметь тише. — Знаем, что жива и рядом. Этого пока хватит. — Она повернулась к двери. — Теперь ты, Воин. Где это случилось?

— Нижние ряды. Где я сеял. Шагнул на пепел, пошло снизу. Сошел на голый бетон, кончилось.

— Сразу кончилось?

— Через шаг.

— Через сапог?

— Через подкладку. Там споры.

Лада кивнула так, будто проверила проводку.

— А здесь? — Она кивнула на панель за ванной.

— Здесь легче. Утром встал сам. Но здесь не так. — Он посмотрел на распухшие пальцы. — Здесь как в соседней комнате печка. А там я в печке стоял.

— Близко и много, — сказала Лада самой себе.

Ликон сел.

— Арасуль, ты сейчас будешь считать, да? У тебя в глазах загорелся калькулятор.

— Уже. Первое. Сила есть. Она не «когда-нибудь». Она лежит у Лужников в пепле и за этой панелью, и ее можно намерить. Значит, это не мечта больше, это доза. Второе. Доза растет сама. Каждый выход — посев. Каждая кровь — еда. Надо, чтобы росло здесь, у нас, и чтобы в следующий раз было не минуты, а хотя бы полчаса. И не у Лужников, а в логове.

— А если не успеем? — спросил Ликон.

— Тогда бежать надо будет по своему пеплу. Там, где сеяли. — Лада подняла глаза на Имбу. — Сможешь потом вспомнить, где сеял? Каждое место?

— Смогу. Я их чую.

— Хорошо. Третье. Вар.

Ликон лег обратно на кафель.

— Вар меня взвесил, — сказал Имба.

— И что вышло?

— Мало. Я уже пустой был.

— Он это видел. — Лада кивнула сама себе. — Он видел бочку, которая летит, и руку, которая хрустит. У него два числа, и они не сходятся. Он будет искать третье.

— Как Бот, — добавил Ликон в потолок. — Скоро у них тут все считать начнут. Слуга вон уже анекдоты записывает.

— Бот считает для Нана. Вар считает для себя. — Лада расцепила пальцы. — С сегодняшнего дня ни одного лишнего шага в поле. Воин хромает на ту ногу, на какую надо. Жрец мажется сажей и поет. Никто больше не носит бочек. И на мост никто не смотрит. Ни в поле, ни в амфибии, ни когда кашляют, ни когда поют.

— А если опять Сороковой? — спросил Имба.

Лада помолчала и сказала:

— Нан заметит, что ты видишь в них людей, и сделает из этого рычаг.

— Четвертое. Умнику — ничего.

Ликон поднял голову.

— Почему? Он бы посмотрел сверху. У него там…

— У него там девочка и корабль на плечах, — сказала Лада. — И он не ест. Ему не надо знать, что мы тут чего-то ждем. Он начнет помогать.

Имба медленно кивнул.

— А ей? — спросил Ликон. — Ей ответить надо. Я средний взял. Кажется, так отвечают. Или угловой переворачивают. Я не помню.

— Она поймет, — сказал Имба.

— Ты ее не знаешь. Она поймет, что я перепутал углы.

— Значит, поймет, что это

ты

, — поправила его Лада.

— Она видела, как я мазался, — вздохнул Ликон. — Среди дня. Как дурак.

— Она видела, что ты живой, — возразил Имба.

Ликон приподнялся на локте.

— Раз уж пошел такой разговор, — добавил он. — Я тебе не сказал одну вещь, Арасуль. Откладывал. Огнеметы у них с поводком. Наведешь на гладкого, огонь исчезает. Мы с Воином в первый же выход поняли. А стволы на ремне у Варовых я в деле ни разу не видел. Носят, как ключи от кладовой.

Лада посмотрела на него.

— Ты это заметил в первый выход?

— Ну да. В первый. Наведешь на гладкого, и пшик.

— И ты откладывал.

— Ну, ты тогда была занята. У тебя Нан, Бот, Ген, ложки…

— Значит, оружие будет не их, — заключила Лада и больше к этому не возвращалась. Только добавила, не поворачиваясь к Ликону: — Еще что-нибудь откладывал?

Ликон подумал честно.

— Нет. Все. Честное жреческое.

— Хорошо.

Она встала, выключила воду. Трубы погудели и стихли, и стало слышно, как в стене за ванной, у горячей трубы, что-то потрескивает, гуще, чем вчера. Там было тепло. Там у них жило белое. Лада наклонилась к панели и приложила к ней ладонь.

— Сегодня кормлю я.

— Тебе же нельзя, ты у них пилот, ты много раз посчитанная.

— Двести миллилитров не заметят. — Она взяла с раковины нож. — Имбе нечем, у него руки на сегодня кончились. А ты после бани, у тебя кровь пьяная.

Ликон засмеялся и не спорил.

— Твою оно возьмет, — сказал Имба. — В тебе оно тоже есть. Немного, на донышке.

— Я так и думала, — ответила Лада.

Ликон открутил оба винта, отогнул панель и, прежде чем Лада подставила руку, положил камень с белой жилкой туда, на теплое, рядом с обломком ложки.

Глава 17 Отсрочка

Кресло в торце стола стояло отодвинутым, слуга ставил перед ним тарелку, и Лада поняла, что к завтраку будет Вар, еще до того, как увидела его самого. Тарелку Вару ставили для порядка, как Боту. Ел Вар у себя. Если вообще ел.

Он вошел, когда Нан разливал чай, и сел, и кресло под ним подалось, как подается лодка, когда в нее с пирса становится грузчик. Руки положил на скатерть. В правой было что-то синее.

— Доброе утро, — сказал Нан. — Вы с нами? Какая честь. Ла Да, вам с молоком?

— Без молока. Спасибо.

Вар разжал руку. На скатерть, между сахарницей и хлебом, лег кусок синего железа, выгнутый, с обгорелым краем и двумя дырками под заклепки. Лада узнала его, хотя никогда не видела: ночью в ванной Ликон рассказывал про «синие ошметки» так подробно, будто сам их нарезал.

Ликон перестал жевать. Имба жевать не перестал, только стал медленнее. Нан посмотрел на железо, будто кошка принесла ему на ковер мышь и ждала похвалы.

— Вар, — сказал он. — Это не к столу.

— К столу.

Сидел и смотрел на Имбу — не в глаза, в глаза он не смотрел никогда, а в середину груди, чуть ниже ключиц, и Лада подумала, что так, наверно, целятся, когда стрелять уже решено, а ждут только команды.

Чай был горячий и безвкусный, как всегда в логове. Будто вместо заварки использовали фотографии чая. Лада сделала глоток и поставила чашку ровно на то же кольцо на скатерти.

— Хватит нянчить, — сказал Вар.

— Вар у нас не любит гостей, — сказал Нан, повернувшись к Ладе. — Он и нас не очень любит. Не принимайте на свой счет.

— Взять коды. — Вар не повысил голоса. — Пока они носят бочки только на выходах.

Слуга за его спиной замер с чайником и так и держал его на весу, пока с носика не упала на скатерть коричневая капля.

— Пленка, — сказал Бот. — Готовность шестьдесят восемь процентов. Прирост за неделю одна целая двадцать три сотых. При сохранении темпа…

— Бот, — прервал его Нан.

— …двадцать шесть недель, — упорно закончил он.

— Двадцать шесть недель, — повторил Вар.

Сказал он это без выражения, просто отдал число обратно, будто сдачу. Нан улыбнулся. Улыбка у него вышла хорошая, но на полсекунды позже, чем обычно.

— Мы ждали сто лет, Вар.

— Дождались чего?

Ген в конце стола катал шарики из мякиша. Один выкатился у него из-под пальцев, перебежал скатерть и упал Ладе под ноги. Ген посмотрел ему вслед и не пошел поднимать.

— Гости, — сказал Нан и встал. — Простите нас, ради бога. Нам нужно поговорить по-семейному. Такое бывает в любой семье, даже в нашей. — Он позвонил в колокольчик. — Идите отдыхать. Им Ба, как пальцы?

— Растут, — ответил Имба. — Шевелятся уже.

— Вот и славно. Я рад, искренне рад.

Слуга открыл дверь, Лада встала последней. Шарик Гена лежал у ее туфли, она переступила через него. Когда дверь уже закрывалась, она услышала за спиной голос Нана, теплый, домашний, совсем тихий:

— Позже, Вар.

Дверь закрылась.

Две недели назад на то же самое было «нет». Она знала это от Умника, по буквам, жестами, под его болтовню про допуски пленки.

В полдень был созвон. Экран в стене мигнул, пошел полосами, и из полос сложился Чипка, лохматый, в серой майке, с кружкой, а за его плечом мелькала Лика, что-то записывала.

— У нас тут регенератор воды опять, — сказал Чипка, — механик с ним третьи сутки на «вы», я ему говорю: там не фильтр, там датчик врет, у него порог уплыл на ноль три, он мне — ты, Умник, сперва попей этой воды, потом рассказывай про пороги, ну я попил…

Пальцы его левой руки лежали на столе у кружки и работали. Лада следила за пальцами и слушала вполуха.

Вар. Сеть. Просит

.

— …и вода, между прочим, нормальная, чуть кисловатая, как у вас там, наверно, все…

Нан. Думает

.

— Как у вас погода? — спросил Чипка.

— Умник, — буркнул Ликон с кровати. — Мы

все еще

под землей.

— Ну, я в целом. Над вами сверху тучи, я вижу, вот и спросил.

Лада коснулась волос над ухом, потом подбородка. Понято. Потом пальцами по краю стола:

Бот. Где

.

Чипка уставился куда-то мимо нее, будто вспоминал, выключил ли дома утюг.

— Кстати, — сказал он, — у Лики день рождения скоро. Цех три, у нас так отсек называется, где она торт прячет. Мы не знаем, что там торт, она его прячет.

— У меня в марте, — сказала Лика из-за его плеча. — Дурак.

Следом она наклонилась в кадр и показала Ладе пустую обертку от бобовой пасты. Показала и убрала, быстро, будто билет контролеру. Лада кивнула. Связь дернулась, картинка съехала вбок и застыла на лице Чипки с открытым ртом, и секунды три он висел так, а потом ожил и договорил что-то про фильтры.

Слуге она сказала, что пилот хочет обсудить с Ботом массу.

— Массу? — переспросил слуга. Он переспрашивал всегда, прежде чем передать.

— Массу груза. Для корабля.

Слуга ушел. Вернулся он через час с двумя киборгами, и они отвели ее вниз, мимо мастерских, по коридору, где пахло горячей пылью и маслом. Одна дверь была приоткрыта, и за ней под длинными лампами киборг в фартуке мел пол, собирая в совок блестящую стружку. Над следующей дверью было выведено краской «Ц-3», краска облупилась, и тройка держалась на одном хвосте. Туда ее и завели. За дверью была комната, в которой стоял один стул, и на стуле сидел Бот. Второго стула не было, Лада осталась стоять. На столе перед Ботом стоял старый серо-зеленый арифмометр с ручкой сбоку, какой Лада видела только на картинках. Все остальное в логове было гладкое и современное, как Нан.

— Вы хотели о массе, — сказал Бот.

— Сколько весит пилот?

— Пятьдесят один и четыре. На прошлой неделе было пятьдесят два ровно. Я просил Нана увеличить вам рацион.

— Сколько весит пилот, который

не хочет лететь

?

— Столько же, — сказал Бот сразу. Потом тронул рычажки арифмометра, выставил число и крутанул ручку. Машинка щелкнула и хрустнула внутри, как сустав. Считать ему было не нужно. Ему нужно было, чтобы число лежало еще где-то, кроме головы.

— А корабль ее слушается столько же?

— Поясните.

— Корабль не знает кодов, — пояснила Лада. — Никаких цифр я ему не говорю. Я сажусь, и он меня узнает. Если он меня не узнает, он не полетит. Если я буду не в себе, я не знаю, что он узнает.

— Вероятность?

— Не знаю. И никто не знает. Проверить можно один раз.

Бот записал что-то в стопку, ровно, мелким почерком.

— Сколько у вас кораблей? — спросила Лада.

— Ноль.

— Пилотов?

— Одна.

— Сколько рейсов дает уговор?

— Это определяет Нан.

— Сколько попросите, — сказала Лада. — Туда и обратно, и опять туда. Кто летит добром, тот возвращается. А сколько рейсов дают силой?

— Это надо обдумать, — сказал Бот. Он выставил рычажки заново, крутнул ручку, опять что-то выставил, снова крутанул ручку. Потом сказал: — Один.

— Если долетит. И еще. На Марсе будут знать, как здесь нас приняли. Если пилот прилетит одна и с чужой головой, второго корабля вам не соберут. Там тоже умеют прикидывать. Хуже вас, но умеют.

— Вы предлагаете мне цифры против Вара.

— Я предлагаю вам цифры. Против — это вы уж сами.

Бот долго молчал. Лицо Наново, как у всех, но на этом лице никогда ничего не появлялось, и оттого оно казалось чуть другим, словно Нана нарисовали по памяти.

— Вар не считает, — возразил он наконец.

— Поэтому я пришла к вам.

— Ваш прежний параметр я внес. Принужденный пилот. — Он постучал пальцем по стопке. — Он у меня здесь. Этот тоже будет здесь.

— Этот и тот — одно число, — сказала Лада.

— Нет. Два. — Бот взялся за ручку. — Вы можете идти.

Она пошла к двери, гладкие за дверью шевельнулись.

— Верховный Жрец.

Она обернулась.

— Вы считаете лучше, чем правили, — сказал Бот. — Нан рассказывал.

И закрутил ручку.

Гена прислали после обеда. Он пришел сам, без сопровождающих, с белым плоским чемоданчиком, и сказал с порога, глядя в пол:

— Нан велел проверить пилота. После вчерашнего.

— Я вчера никуда не ходила.

— Все равно. Так положено, вы же знаете.

Он поставил чемоданчик на столик у ее кровати и раскрыл. Внутри в гнездах лежали стеклышки, иглы в бумажках, пробирки с цветными крышками. Лада села напротив и протянула ему руку. Он взял ее руку, протер палец чем-то холодным и уколол. Капля вышла темная, круглая, он поймал ее стеклышком.

— Кто полетит эмиссаром? — спросила Лада.

— Нан решит. Он всегда решает, кто куда. Я в это не лезу.

— Сколько их будет?

— Сколько поместится. Бот считает массу, вы же знаете.

— И у всех будет его лицо.

Ген набирал вторую каплю в тонкую трубку. Трубка набралась, он закрыл ее пальцем и не сразу положил в гнездо.

— Это удобно, — сказал он. — Их легче узнавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.